

VIA DOLOROSA
ИЛИ
Последний путь Христа

Роман - хроника

2002-2004гг.

ГЛАВНАЯ УЛИЦА ЗЕМЛИ

Есть много улиц главных на планете,
Проспекты, стриты, штрассы, авеню,
Прямые и широкие все эти
Я с той кривой и узкой не сравню.
Ее начало у дворца Пилата,
Идет за город, тянется к холму,
Где на кресте, томясь, висел Распятый,
Где укус с желчью дали пить Ему.
Он шел на муки, движимый любовью,
Она Его к тому холму вела.
Весь путь Его был обозначен кровью,
Стекавшей с изъязвленного чела.
Ей суждено быть главной магистралью
Единственной, идущей не во мгле.
Ее конец в веках, за дальней далью
На новой обетованной Земле.
Сей мир ее считает бездорожьем,
Идущим среди терний и камней,
Но Сыном Человеческим и Божьим
Увенчаны прошедшие по ней.
В одежды белоснежные одеты,
Они свой крест с терпением понесли,
Идя за Агнцем с разных мест планеты
По этой главной улице Земли.

От автора

- Я возвещаю от начала, что будет в конце, и от древних времен то, что еще не сделалось, говорю: Мой совет состоится, и все, что Мне угодно, Я сделаю.

(Исаия 46:10)

- Утешитель, Дух Святой, Который пошлет Отец Мой, Он научит вас всему, Он поможет вам вспомнить все, что Я говорил вам.

(Иоан. 14:26)

Эта книга не просто навеянный плод, какой - либо фантазии, а совершенно четкое и спланированное творение под руководством Святого Духа. В течение написания этой книги Бог вкладывал Свою волю в мое сердце и, постепенно раскрывая ее, наполнял меня все новыми и новыми откровениями и желаниями. Именно Святой Дух наставлял меня в процессе написания этой книги, постепенно открывая мне весь драматизм скорбного пути Христа перед Своей Голгофой. В основе книги лежат не вымышленные истории, а реальные события, имевшие место более 2000 лет назад. Постепенно, по мере написания, Бог открывал мне факты, которые могли бы иметь место, те переживания и чувства, которые могли бы появиться у героев данного романа.

Впервые века христианства, Апостолы писали о Христе и Церкви, во времена средневековья главной темой, было описание жизни людей, пришедших к вере в Господа. В современном мире интерес к истории христианской Церкви и к тем событиям, которые тогда происходили, не угас. Так кто же был главным инициатором в написании этих исторических трудов? Библия дает ответ - Святой Дух!

Вот именно это понимание духовной истины и толкнуло меня, автора, до этого не знавшего, а вернее не понимавшего смысла ни одного Евангелия, и не принимавшего Иисуса Христа как Бога, к написанию этого романа-хроники. Когда я писал эту книгу, я не знал еще, какое ей будет дано название. Написав больше половины романа, я вдруг понял, что Бог мог предусмотреть все встречи на «Виа Долороса!» Встречи, именно тех людских судеб, которые и должны были бы в последствии, стать ярким и красочным подтверждением, что, используя Свои последние часы и минуты жизни на земле, Сын Человеческий продолжал спасать людей, изливая на них Свою любовь. Меня поразило предназначение и роль каждого человека, описанного в Евангелиях, чьи жизни соприкоснулись с нашим Господом на Его крестном пути. Бог усмотрел это все от начала создания материального времени и вёл всю историю нашего мира, к этой маленькой, и неприметной для человеческого глаза, узкой улочке в Иерусалиме. Но именно эта улочка, с её яркими свидетельствами обращения людей к Христу, и стала отчётом времени для раскрытия всей глубины Великого Плана спасения мира, и в отдельных случаях, каждого взятого человека. Эта книга составлена из

отдельно взятых эпизодов соприкосновения людей с Христом, начиная с Гефсиманского сада и дальше, вплоть до самой Голгофы.

Эту книгу я ни в коем случае не хочу сравнивать с фильмом М.Гибсона «Страсти Христовы», показавший нам последние 12 часов жизни Христа. Они схожи только тем, что и эта книга тоже написана исключительно о последних 12 часов жизни Иисуса, которые как раз и стали часами жизни для людей, увидевших в Нем Сына Божьего. Чем могут отличаться слова признания сотника Лонгина: «Воистину Он был Сын Божий» (Мтф.27:25), от крика отчаяния разбойника, умирающего на кресте, вместе с Господом: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твоё» (Лк.23:24), чем? Разве лишь только по накалу эмоций и тех мест, где были сказаны эти слова, и переживаниями - увидеть рядом с собой Живого Бога.

В чём, правда, каждого Евангелия, написанного Апостолом и Евангелистами? А в том, что в них указано, что не все смогли принять Христа как своего Спасителя из числа тех, кто соприкоснулся тесно с Ним. Животрепещущий для нас пример жизни одного из апостолов Христа Иуды, который предал своего Учителя и отказался от обладания небесными сокровищами ради горстки монет! И многие другие, о которых мы узнали со страниц Священного Писания.

Вот поэтому первый рассказ «Лонгин и Пилат», это сопоставление двух людей, двух личностей, двух римлян - язычников, двух совершенно разных людей по образу жизни и сословию. Простой солдат, дошедший до офицерского звания, видя всю череду происходящих событий, связанных с Царем Иудейским, что заставило грубое солдатское сердце воскликнуть, признавая факт, что перед ним распят Сын Божий. Другой, более утонченный, знающий и ценивший красоту и богатство, обладающий определенной властью, отверг Христа, послав Его на крестную смерть. Апостол Иоанн, так записал в своём Евангелии, что Пилат, услышав это слово (т.е. что Он - Сын Божий) убоился (Иоанн.19:8). Он убоился Христа, но и при этом Пилат, больше любивший славу человеческую, не смог принять Его как Сына Божьего. И запутавшись в личных отношениях с Иудеями, пошел на поводу их желаний. Предания говорят, что сотник и прокуратор после встречи с Христом, имели совершенно другую жизнь в отличие от прежней. Лонгин стал пресвитером в Каппадокии и принял мученическую смерть по приказу Понтия Пилата. А бывший прокуратор Иудеи, закончил свою жизнь в изгнании и принял страшную смерть от рук наёмных убийц. Эти две разные судьбы показывают нам, что каждый человек имеет своё право выбора в своей земной жизни. И выбор даёт право, либо следовать за Христом и нести вместе с Ним свой крест, либо встать в ряды противников Бога, приготовившихся к своему Армагеддону.

Каждый читатель может увидеть себя в одном из составленных описаний, каждый может найти свой путь, к принятию истины. Каждый может быть сотником и Пилатом, или разбойником, принимающий или отвергающий Иисуса Христа. На пути к Голгофе, Иисус имел возможность для последней встречи на земле с любым представителем человеческого сословия, и оставить нам всем призыв, для всякого, кто добровольно

принимает Благоую Весть. Бог, Отец Небесный, Пославший Своего Сына, устроил для Него встречу с людьми, которые были Им, избранны, чтобы стать в дальнейшем свидетелями и учениками Иисуса и распространять Евангелие Царства Небесного, и строить Церковь в языческом мире.

Макс Лукадо в мессианском журнале напечатал свой рассказ «Когда судьбы касается Мессия». Он приоткрыл лишь малую толику того, что было и могло быть, тех свидетельств, которые были составлены из описаний трех очевидцев событий, записанных в Евангелиях апостолов. Это всего лишь небольшая версия, но очень яркий по своему описанию сюжет встреч людей с Христом, по воле Божественного случая. Но я в своей книге, делаю акцент на то, что все люди, которые оказались на пути Христа к Голгофе, и были избраны Им от начала.

Эта книга как раз и призвана к тому, чтобы не только прославить Христа как Сына Божьего, но и подчеркнуть, что Бог от начала знал, что так должно быть, и так будет, ... и состоялось! Состоялась встреча в Гефсиманском саду, на улицах Иерусалима, состоялись суд и Голгофа. Но было и воскресение!

Моё желание, совпадает с волей Духа, это прославить Христа в той мере, которую мне даровал Святой Дух, через ниспосланный свыше дар, который я и использую. Христос сказал, что придет время и вы, т.е. (ученики) будете свидетельствовать обо Мне, что и происходит в данное время по всему земному шару. И как сказал Дэвид Гудинг, чьими словами для подтверждения своей мысли я и хотел бы закончить: «У каждого верующего есть обязанность согласно дарам и талантам, которыми он обладает, быть свидетелем миру о Христе, как апостолы свидетельствовали о Нем. Но было бы заблуждением полагать, что успех этого служения зависит, в первую очередь, от нас. Нет, не на нас как отдельных верующих и не в Церкви в целом, а на Духе Святом лежит главная ответственность». Аминь.

Пролог.

**- И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они
были освящены истиною. Не о них только молю, но
и о верующих в Меня по слову их.**

(Иоан. 17:19-20)

На землю опустились сумерки, и весь Иерусалим погрузился в вечернюю тьму, а это означало, по еврейскому исчислению, что наступил новый день. Этот день должен был принести иудеям очередную Пасху. Моисеев закон, по которому жил каждый житель Иудеи, предписывал, чтобы в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое число первого месяца каждая еврейская семья должна совершить праздник напомнимания о выходе Израиля из Египетского рабства. Поэтому в жилых домах, при наступлении сумерек, зажигалась минора, и отец семейства воздавал хвалу Богу Израиля над жертвенным агнцем, испеченным в горьких травах и пресным хлебом-мацей. Соблюдение этого праздника, как и весь его ритуал, переходил из поколения в поколение на протяжении тысячелетий, и почти не изменялся от начала его возникновения.

Пасха на этот год выпала на Пятницу, на преддверие Великой Субботы и праздника первых колосьев. Поэтому город буквально вымер и лишь только редкие прохожие, и это были в основном приезжие-язычники, которых также было много в Иерусалиме, спешили по своим делам, стараясь не попасть на глаза фанатикам-фарисеям. И только группа мужчин, вся состоящая из галилеян, о чём-то говорили, их одежды и говор, не спеша, шли по улицам города, оживленно разговаривая между собой. В центре этой группы находился и выделялся мужчина-иудей средних лет, белокурый, чуть выше всех своих оппонентов, в белом хитоне. Все окружавшие этого человека, как раз были его учениками, которые уважительно называли его «Равви», что означает Учитель. Этим Учителем и был Иисус Христос или, как Он называл порой Себя Сам - Сын Человеческий. Эта группа направлялась к дому, расположенному на северной окраине Иерусалима, чтобы преломить пасхального агнца. Они тоже тщательно соблюдали закон и любили свои праздники и обычаи. Двое из учеников, посланные Учителем чуть раньше, приготовили все к праздничной вечере в просторной горнице дома, где могла бы разместиться дюжина человек. Остальные ученики, спустя некоторое время, пошли вслед за своим Учителем. И никто не указывал Ему дорогу к дому, где уже была приготовлена Пасха, но Он точно знал куда идти, и шел, ведомый Духом Небесного Отца. Уже перед самым домом разговоры среди учеников стихли, и все как-то сразу стали молчаливо-серьезными. Подойдя к дому, один из учеников, а это был Симон или Кифа, как чаще называл его Учитель, ударил медным кольцом в закрытую дверь. Она тут же открылась, словно их уже поджидали, и выглянул хозяин этого дома. Он быстро оглядел всех стоящих и остановил

лишь свой взгляд на Учителе. На его лице был написан испуг, которого он не мог скрыть. Но Кифа, опережая хозяина, сказал тому: «Мы приготовили пасху для нашего Учителя», - и первым же вошел вовнутрь здания. Вслед за ним потянулись и остальные. Кифа, в отличие от других учеников Христа, всегда отличался быстрыми действиями, которые были порой поспешны, но, тем не менее, они всегда выражали его бескорыстие и желание во всем подражать и следовать Учителю. «Равви» или же «Господи», как называл Кифа Иисуса в различных ситуациях, не возражал этому, но все же иногда останавливал излишнее рвение Своего ученика. Но именно Кифа и еще двое учеников, молодой Иоанн и его старший брат Иаков, которые составляли близкий круг учеников Иисуса Христа, впоследствии и станут столпами первой Иерусалимской церкви. Когда последний ученик зашел внутрь дома, снова высунулась голова хозяина дома, и он внимательно посмотрел в обе стороны улицы.

Первосвященники синедриона и фарисеи во всеуслышание объявили в Храме всем жителям Иерусалима, чтобы каждый из них, кто узнает, где находится Иисус Назарянин, возмущающий народ, непременно сообщил бы им об этом. Этим указом Иисус Назарянин, как чаще Его называли в народе, был объявлен вне закона. Поэтому хозяин дома и был напуган, зная, чем это может обернуться лично для него и всей его семьи, если он предоставит свой кров опальному Учителю и Его ученикам.

Но Божье провидение хранило семью этого иудея и весь его дом, потому что именно там должно было состояться предусмотренное от начала событие, которое и послужит началом для отчета последнего времени пребывания Сына Человеческого на этой земле. Последние часы Господа Христа среди людей, последняя вечеря Учителя с учениками и последние наставления.

Братская вечеря любви. Атмосфера совершенной любви и совершенного непонимания того, что происходит и почему вдруг Учитель так взволнован по отношению к Своим ученикам. По краям застолья возлежавшие люди тихо переговариваются между собой, обсуждая происшедшее. Только что Учитель омыл им всем ноги! Зачем и почему Он это сделал?! Все пытаются это понять и уловить хоть какой-то смысл в происходящем. Но все так быстро происходит, и одно действие сменяет другое, что ученики повержены в состояние прострации и беспомощности. Один лишь Иуда, находясь напротив Учителя, кажется беспечным и спокойным. Но это всего лишь, кажется, а внутри у него на самом деле бушует ураган страстей. Сколько сил ему приходилось вкладывать, чтобы не показать это и не выдать себя. Поэтому он был совершенно молчалив и погружен в собственные мысли. Морщины на его лбу выдавали в нем, что он не так беспечен, как хотелось бы ему это показать. Он прикрыл чуть глаза, чтобы их лихорадочный блеск, не выдал бы его внутреннего состояния.

Он возлежал перед Иисусом, и только стол, на котором находились остатки от пасхального агнца, хлеб и вино, разделял их. Иуда боялся Учителя, он боялся смотреть Ему в глаза. Боялся Его силы и власти, и в тоже время был, одержим неповиновением и непослушанием Ему. И он до сих пор

еще не решил для себя, что же ему предпринять в отношении Учителя, что же? Знает ли Он, что он, Иуда, ходил к первосвященникам и согласился, предать Его, или же нет? Если знает, то, что Он может предпринять? А если же нет, то значит все решения в его собственных руках. Как он поступит, так и будет! Так и будет! Он, волен, так поступать, потому что не принадлежит никому и никого он не раб. Но отчего-то пока не спешил сделать свое черное дело. Все еще что-то удерживало его, он должен был все еще что-то сделать, какое-то важное дело для себя, но не знал пока какое именно. Не знал, и поэтому не мог решиться исполнить то, что уже давно задумал. Не хватало какой-то мелочи, которая и смогла бы перевесить чашу выбора, какого-то толчка, чтобы решиться. Он боялся, и эта боязнь сказывалась на его внутреннем и внешнем состоянии. Но почему Учитель ничего ему не говорит, если даже и знает, и почему не обращается к нему, если всё же что-то понимает? Но время от времени, Иисус смотрит Своим пристальным взглядом на него и словно читает все его мысли. Когда Он так смотрит, Иуде в этот момент хочется спрятаться за возлежавших рядом с ним учеников, за спины Андрея и Филиппа, которые были рядом. Именно в эти моменты из глубины его сердца поднимается такой страх, что хотелось встать и убежать так далеко, чтобы никто не видел и не смог бы найти. «Зачем я возлег напротив Учителя или же Он все так избрал? И что Он задумал опять», - думал все это время напряженно Иуда, наклонив так низко свою курчавую голову, что чуть не касался своего предплечья, которым упирался в подушку, а при этом сам исподлобья смотрел на Него.

Вдруг Учитель начал говорить, обращаясь ко всем ученикам, находящимся в комнате, объясняя им причину, почему Он, Господь, и Учитель омыл им всем ноги. Но Иуда не слушал Его, он думал о том деле, которое жаждал сделать и в, то, же время не решался. Он все еще не мог понять, знает ли Учитель или это все же для Него тайна? Он вдруг вспомнил, как дрогнули руки у Учителя, когда Он начал омывать ноги Иуде в бронзовой умывальнице. В этот момент страх буквально парализовал его. Ему стало невыносимо душно и жарко, от чего он захотел вырвать свою ногу из цепких рук Учителя, кинуться к Нему и закричать от охватившего порыва страха. Как только пришла эта мысль на ум, тут же, словно холодной водой окатили его, а в спину вонзились буквально тысячи ледяных игл, заставляя забыть, только что пришедшую спасительную мысль.

Но Учитель так ничего и не сказал ему, и поэтому Иуда облегченно вздохнул, когда Он закончил вытирать полотенцем ему ноги. В Его руках, он чувствовал себя жалким и беспомощным. Ему казалось, что Учитель Своими руками читает все его мысли и знает обо всем, что он задумал. Но, наверно, это всего лишь тогда показалось ему; но теперь, когда он возлежал напротив Учителя, он так и не решил, как же ему поступить. Жизнь Учителя была в его руках, и только он сейчас решает, и только он сейчас держит в своих руках Его будущее, а значит все! А все же Учитель любил его и никогда ни одного плохого слова не говорил ему, но при этом всегда почему-то глядел на него так пристально, что становилось не по себе, и всегда почему - то печально? Почему? Иуда всегда хотел и старался это понять. Но вдруг, произнесенная

Учителем фраза, прервала ход мыслей Иуды и насторожила его: «Один из вас предаст Меня», - сказал Учитель. И прикрыв Свои глаза, о чем-то задумался, грудь Его при этом высоко вздымалась и опускалась.

Иуде, после услышанного, тут же захотелось выбежать из этой комнаты и оставить все, но он никак не мог вспомнить, куда положил свой денежный ящик. Он лелеял и поглаживал его всякий раз, когда был один. Это был его личный ящик, он уже давно это так считал и поэтому, когда он выдавал находящиеся там деньги по слову Учителя, то, как будто отрывал их от себя. И в этот же самый миг он ощутил на себе чьи-то чужие и холодные руки, которые прижимали его, и снова, внезапно появившийся холод ожег все его тело. Он повел плечами, чтобы сбросить эти руки, но странно, на его плечах не было совершенно ничего! Тяжесть и холод по-прежнему леденили его душу и сковывали сердце, а мысли не могли остановиться на чем-то одном и конкретном. Зачем - то Иоанн вдруг склонил свою голову, положив ее почти на грудь Учителя. Что опять хочет узнать этот мальчишка от Него? Учитель что-то тихо сказал ему, не поднимая Своей головы. И вдруг Он, взяв Свой кусок ячменного хлеба, и обмакнув его в чашку с вином, протянул ему, Иуде?! А Иуда испуганно отклонился в сторону, подумав, что Учитель захотел ударить его. Но вместо этого, Он протягивает ему кусок хлеба, как знак Своей любви, дружбы и согласия, но только чего?

Учитель смотрит прямо в глаза, медленно истекла минута противостояния; Иуда внезапно вспоминает, как Учитель посылал их по двое свидетельствовать по Иудее, ровно два года назад. Он тогда шел вместе с Фомой, и они творили чудеса, они говорили и проповедовали о Нем, Который сошел с небес, а теперь послал их сказать об этот мир. Учитель изливал Свою любовь на всех, и Иуда тогда тоже ликовал, ему нравилось, что с ним считаются и называют Апостолом, сравнивая с Учителем. А то, что Учитель говорил им ничего не брать с собой, это было сказано не для него. Свои деньги он завернул в пояс и носил всегда с собой, потому что он любил их больше. Деньги для него всегда были олицетворением власти и силы.

Прошло некоторое время. Учитель все также смотрит на Иуду, кусок протянут и Его рука, слегка подрагивает. В глазах Учителя Иуда читает немой вопрос: «За тобой выбор, это лично твое решение! Если возьмешь, ты погибнешь, и не будешь иметь никогда жизни. А если же нет, то перейдешь от смерти в жизнь. Если веришь Мне, то спасешься...»

Пошла третья минута; Иуда смотрит на протянутый кусок. Учитель оказывает ему самую высокую почесть и знак любви и дружбы, и только ему одному Он делает это! Если не возьму, то в открытую отвергну Его, и все тогда узнают, что это он и есть тот, о котором только что сказал Учитель. А если возьму, то....

Но он не успел додумать до конца эту мысль, кто-то толкнул его руку, и она судорожно схватила этот протянутый кусок хлеба. И тут же Иуда почувствовал, как нечто темное и злобное вошло в него, в сокровенное его души и сердца. В горнице стало темно, зрачки его сузились и стали наливаться злобой, а Учитель превратился в ярко-огненную светящуюся радуго. Иуде стало невыносимо больно смотреть глазами на этот Свет, в

котором пребывал Учитель, и находиться рядом с Ним в одной комнате. Всё!! Ему больше делать нечего с ними здесь, с заблудшими овечками, идущими за своим Пастырем. Он выше всех, его власть, сила и слава в его деньгах, которые принадлежат только ему, да и еще дадут ему за Него... И злость как желчь выплеснулась из его сердца и затопила все его нутро; так значит Он все знал и молчал! И повел сатана Иуду, повел от свободы, от истины и жизни. Он уводил его от Господа и от возможности увидеть воскресение Его жизни.

«Что делаешь, делай скорее», - как удар бичом настиг уже в дверях Иуду голос Учителя и вытолкнул его вон. И он шагнул в ночь, в зловещий мрак...

Спустя некоторое время после того, как в дом вошла группа людей, из него вышел один человек. Это был один из учеников Иисуса Христа, которого все звали Иуда из Кариотта. Кроме небольшого деревянного ящика, висевшего на ремне через левое плечо, ничего больше у него не было с собой. Он натянул головной платок почти на глаза и быстро пошел вверх по улице, направляясь к Храму. Он ни разу не обернулся в сторону дома, из которого только что вышел, и, ссутулившись, походил больше на вора, крадущегося по ночным улицам города, освещенным лунным светом. Это был тот, кто, обольстившись славой и страстью, позволил войти в свое сердце сатане. На него пал небесный жребий совершить черное дело и предать Того, с Кем три года вместе ел и пил. Он был избран, чтобы сделать зло по отношению к Сыну Божьему, которое потом плавно перейдет в благословение для множества людей. Это было определено Небом задолго и только уже на земле разрешилось, кто из окружения Христа, поднимет на Него руку.

Они шли вместе: Иуда и сатана, пребывающий в нем. И каждый из них радовался тому, что сейчас сделает. Иуда делал это из тщеславия и сребролюбия, а сатана из ненависти к Божьему Сыну, Которого так и не смог соблазнить. Они были компаньонами и были изгнаны с вечери любви, чтобы не узнать главного, что там должно произойти.

Город и все его жители спали спокойным сном, убаюканные наступившей ночью, и только Луна зловеще сверкала в ночном небе Палестины. Можно было подумать, что она пыталась предупредить людей о том, чтобы они не делали больше зла никому, когда проснутся утром, чтобы они не сделали зла Тому, Кто пришел в этот мир, чтобы не судить их, но спасти их и даровать вечную надежду жизни. Но весь город спал и никто, почти никто не видел кровавой окраски на ночном страже, чей матовый свет заливал весь Иерусалим, Храм, дома, улицы и преторию, где горели светильники, освещая ночное пиршество. Эта резиденция наместника Иудеи Понтия Пилата на утро нового дня станет главным и значимым местом в событии всего города, всех его жителей и гостей, которые пришли в Иерусалим, чтобы отпраздновать Пасху.

Иисус уже после того, как вышел Иуда, громким голосом обратился ко всем возлежавшим у пасхального стола:

- Пришел час, когда прославится Сын Человеческий и Бог Отец прославится в Нем, и Он вскоре прославит Его в Себе и прославит Его. Дети, недолго Мне еще находиться с вами, и как Я сказал Иудеям, куда Я иду, они туда не смогут прийти, так и вам говорю теперь. Заповедь новую даю вам, да любите, друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. Потому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой.

И Он, смолкнув, посмотрел на учеников, задерживая Свой взгляд на каждом из них.

После сказанного в помещении наступила абсолютная тишина, и только масляные лампы слегка потрескивали, прерывая пламя, от чего свет становился мерцающим.

Ученики внимательно, а некоторые даже напряженно, смотрели на Учителя. Они понимали, что наступило время, когда их Учитель, скажет им что-то очень важное, что они еще не слышали до этого. Он почти все время молчал, когда совершалась пасхальная трапеза и как-то, по - особенному смотрел на всех окружающих Его. После продолжительной паузы Учитель, приподнявшись со Своего ложа и встав на колени, взял со стола хлебец, лежавший в плетенке. Он во всеуслышание благословил его, и, разломив пополам, раздал возлежавшим ученикам по обе Его руки, говоря при этом:

- Примите и едите: это есть Тело Мое, Которое за вас сейчас предается; это делайте в воспоминание обо Мне.

И пошли куски хлеба, которые дал Иисус ученикам, и они, отламывая щепоть хлеба, клали его себе в рот. Каждый ученик делал это с благоговением и не сводил своего взгляда с Учителя, Который возвышался над ними словно гора Сион.

А Он взял в правую руку чашу с вином, и, подняв на один уровень с грудью, произнес:

— Это чаша, есть новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается.

Сказав это, Он подал её Иоанну, ближе всех находившемуся к Нему.

Так же и эта чаша пошла по кругу, и каждый из учеников, сделав по глотку, передавал ее другому. Сказанное Учителем произвело впечатление на всех учеников, до которых стало доходить, что с Учителем что-то должно произойти в ближайшее время, и что Он вроде бы с ними прощается и говорит им совершенно непонятные для их разума слова. Все они боялись спросить его об этом и только друг у друга переспрашивали, о чем именно говорил Учитель, и что Он все же имел в виду.

А Иисус, казалось бы, не обращал совсем внимания на то, что Его ученики шептались между собой. Он знал, что они еще не готовы принять сказанного до тех пор, пока не исполнится все, что сказано Небесным Отцом. Его глаза были закрыты, а лицо приподнято немного вверх, словно Он общался в этот момент со Своим Отцом. По Его лицу пробегали блики от мерцающих ламп, что придавало Ему значительный и таинственный вид.

Вечеря стала еще более непонятной для учеников, которые уже начали спорить между собой.

Но вдруг Иисус открыл глаза и, устремив Свой взгляд на возлежащего Кифу, сказал ему:

- Симон! Симон! Сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу. Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих.

Эти слова мгновенно прекратили всякий спор среди учеников, и Симон, находящийся почти напротив Учителя, тут же ответил Ему:

- Господи, с Тобою я готов и в темницу, и на смерть идти!

Но Иисус, продолжая смотреть на него, и, качая слегка Своей головой, голосом полным нежности с оттенком печали, произнес:

- Говорю тебе Кифа, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься от Меня!

От услышанного Симон сразу как-то сник, слова Учителя возымели на него действие, отчего он вдруг насупился, что-то стал шептать про себя.

А Иисус, уже обращаясь ко всем Своим ученикам, опять громко произнес:

- Когда Я посылал вас без мешка, без денег и без обуви, имели ли вы в чем недостаток?

И все возлежавшие, в один голос Ему ответили:

- Ни в чем!

И тогда Иисус, продолжая Свою речь, сказал снова им:

- Но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и пояс, а у кого нет, продай одежду свою и купи меч. Говорю вам это потому, что должно исполнится все это на Мне: «и к злодеям причтён». Все то, что было ранее сказано обо Мне, приходит к своему завершающему концу.

И опять, опережая всех учеников, Симон, забыв, что до этого сказал ему Учитель, воскликнул:

- Господи! вот здесь есть два меча!

Но Иисус тут же остановил порыв Своего ученика, ответив:

- Довольно! - вкладывая в это единственное слово, Свою особую интонацию, не позволяющую усомниться в сказанном.

Этим произнесенным словом Учитель, как отрезал весь разговор между Собой и учениками. Он понял, что бесполезно сейчас объяснять им, пока Святой Дух не сойдет на них в языках огня и не исполнит истиной, которая тогда откроет, и поможет вспомнить им все то, о чем Он говорит сейчас. И вставая на ноги, Иисус, произнес всем ученикам:

- Немного Мне осталось говорить с вами, потому что уже идет князь этого мира, и он во Мне не имеет ничего. Но чтобы этот мир знал, что Я всё, же люблю Отца Своего Небесного, и как заповедал Мне Отец, так и совершаю. Вставайте с мест своих и пойдем теперь от сюда.

Иисус первым направился к выходу, а вторым, за Ним, как всегда, был Кифа.

Они все вышли на улицу, и ученики опять окружили Иисуса, как это они делали всегда, за все время их совместного пребывания. Учитель повел их за

город, на гору Елеонскую, находящуюся за потоком Кедрон. Там был сад, в котором они всегда собирались, когда Иисус приходил в Иерусалим.

Люди шли к этому месту по знакомой, уже не раз хоженной тропинке. Луна освещала им путь, и они все вместе пели псалом, восхваляя Бога Израилева. Они сейчас никого не боялись, потому что рядом с ними был их Господь, Которому повинуется и подчиняется все живое и неживое. Сейчас они были все храбры и смелы, а Симон громче всех пел, сжимая при этом короткий римский меч, пристегнутый к поясу. Он шел за своим Господом и Учителем, с Которым, как он считал, никогда и ничего не сможет произойти. А все то, что Он говорил им на вечере, говорил лишь для того, чтобы испытать их. Эти мысли могли быть у каждого из одиннадцати учеников, окружавших Иисуса, потому что не были еще прославлены Отцом Неба и не крещены Его истиной. Но это вскоре произойдет, и тогда они все вспомнят, что говорил им Учитель, и поверят всему Писанию, в котором говорилось о Нем. И поверят так же всем сказанным Им когда-то словам. Это произойдет обязательно, не сейчас, но спустя короткое время.

А сейчас, в этот ночной час, они приближались к печально известному Гефсиманскому саду, откуда и начнется вся история человеческого спасения, начало Скорбного пути и великого предательства, ставшего «притчей в языцах».

Да и эта книга начинается с Гефсиманского сада, в котором кроме старых оливковых деревьев, больше ничего не было. И именно туда приведет Иуда из Кариотта воинов и служителей с оружием и светильниками, позаимствованных у первосвященников Иудейских. Он знал это место, будучи одним из двенадцати избранных Им апостолов, ходивших три года с Христом по всей Палестине. Итак, древний сад стал местом предательства...

ЛОНГИН И ПИЛАТ.

**- И сказал Пилат Иудеям: се Царь ваш!
(Иоан.19:14)**

**- Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшие, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий.
(Матф.27:54)**

*

*

*

...Центурион Лонгин, по прозвищу «Длинный» проводил свою очередную кампанию в Иудее, где уже и находился длительное время. Он прибыл сюда семь лет назад из Рима в составе №... Легиона, под командованием наместника Иудеи Понтия Пилата. Лонгин командовавший манипулой был ветераном этого легиона. Он участвовал во многих войнах и многочисленных сражениях, и вышедший из них с множеством ранений. В Иудее он, как из опытных и надежных воинов состоял в личной охране прокуратора Пилата. А он в свою очередь доверял только центуриону и оказывал ему всевозможное внимание, за его умелую и добросовестную службу. Сотник же, как мы уже сказали, был одним из самых старых воинов, который с самого начала нёс службу в этом легионе стоявшего теперь в Иерусалиме. Но последние годы, проведенные в знойной Иудее, тяготили и раздражали его. Лонгин никак не мог понять, почему прежде любимое, воинское дело, которому он посвятил всю свою жизнь, стала вдруг теперь в тягость? Раны, полученные в различных схватках, разболелись как никогда. Порой Лонгин мечтал о жене и детях, которых у него никогда не было, воинская служба не позволяла иметь семью. В последние годы службы он часто предавался мечтаниям, когда ночью ему не спалось или же подолгу службы проверял и обходил посты. Он не знал, откуда у него взялись эти мысли, и возникла усталость от службы. И считал, что во всём виноват здешний климат и Иудейская жара, которая болезненно действует на его раны. Лонгин уже подумывал уйти в отставку, как ветеран и заняться сельским хозяйством, в котором, правда, ничего не смыслил. У него не было родственников и близких друзей, время и битвы, растеряли и похоронили тех и других. Поэтому ему и не с кем было поделиться и рассказать об ощущениях, охвативших и нахлынувших на него так неожиданно. И ему оставалось только мечтать и строить планы, о которых он знал, что они никогда не состоятся. В языческие храмы он не ходил, служба забирала всё его личное время и поэтому он, свои тайные желания не вкладывал в молитву. Он этого не знал и не мог понять одного, зачем долго пребывать в храмах? В Риме богов было так много, что он и терялся в них, и не знал их всех. И когда он изливал чашу вина перед едой в честь

Юпитера, делал это скорее по традиции, чем по разумению своей души. Во всём и всегда, он привык подчиняться своим командирам и доверять императору, которого страстно обожал. Поэтому кроме воинской службы и его воинов у него никого и ничего не было.

Находившиеся до этого войска пробыли в Иудее восемь лет. И со сменой губернатора Валерия Гратуса, замене подвергся и легион, значительно поредевший в многочисленных стычках с иудеями. Лонгин не был ранее в этой загадочной стране, с упоением знакомился с ней. Ему было интересно познавать одну из южных провинций Империи, самую не покорную и по сей день противящуюся римскому орлу. Ему нравился этот народ, во-первых, своей преданности и вере своих отцов, и в своего Бога и, во-вторых, их любовь к Храму и своим традициям, которые они отстаивали даже ценой своей жизни. Узнавая всё новое и необычное, он забывал об одиночестве и тоске. Лонгин не испытывал ненависти к иудеям и всегда старался разобраться в тех ситуациях, которые всегда возникали во время несения службы в Иерусалиме. Этому его научил опыт, приобретенный за долгое время воинской службы в армии.

Лонгин исправно нёс свою службу, в его прямые обязанности входила охрана претории губернатора Пилата в Иерусалиме, которая располагалась в крепости Антония. Охрана летней резиденции в Кесарии, когда наместник со своей женой приезжал туда, а также наблюдение за настроением горожан во время празднеств. Но прошли года, прошло желание познавать и вот, одиночество стало овладевать старого воина. Тоска и печаль, всё больше и больше заполняли его сердце и душу, и заставляло думать о том, чтобы оставить службу. За глаза, воины его сотни называли между собой центуриона «Лонгин угрюмый», за его постоянный, молчаливый и угрюмый вид в последнее время. Но не зависимо от своих мыслей и своего настроения, службу свою центурион нёс исправно, и его манипула была самой боевой и мобильной единицей, составляющая одну десятую часть легиона.

Каждый год жители всей Иудеи собирались в Иерусалиме, чтобы отпраздновать их самый главный и важный праздник Пасхи. Вот и сейчас, весенний месяц напомнил римлянам, что приближается Пасха. Лонгину тоже нравился этот праздник, с его богатыми и множественными приношениями в Храме Соломона Богу Израиля, с его шумными, радостными криками и многочисленными гостями со всех краёв Иудеи, и близлежащих стран. Город в эти дни напоминал кишаций улей, который шумел, двигался, сотни людей уходили, другие приходили, что создавалось впечатление столпотворения. В такие дни центуриону как раз и приходилось быть особо внимательным и осторожным. Порою, он забывал о своём личном сне, пребывая в различных точках города и наблюдая за большим скоплением людей в этих местах. Это было делать необходимо, чтобы предотвратить всевозможные столкновения на религиозной почве, с римской властью, находящейся в Иерусалиме. Потому что в город проникали под видом набожных иудеев zeloty или секарии, как их называли в народе, зато, что они носили под плащами

короткие ножи, которые всегда пускали вход при большом скоплении народа. Они убивали зазевавшихся легионеров и евреев, сотрудничавших с Римом, и скрывались в разношерстной толпе.

В последнее время, после кровавых столкновений иудеев с римлянами, возмущений пока не намечалось. Казалось бы, и этот праздник Пасхи не предвещал ничего опасного и серьёзного. Так и думал Лонгин, наблюдая за пребывающими иудеями в город, до тех пор, пока тысяченачальник Валерий в ночь с Четверга на Пятницу не дал ему приказ собрать свою манипулу в спешном порядке. Когда же Лонгин построил своих воинов, Валерий выехал на белом коне и приказал центуриону двинуться вслед за первосвященником, находившегося за его спиной и сидевшим на осле. Римский отряд, гремя на всю округу железом и под грозный окрик своего командира, стал выдвигаться из крепости Антония.

Их путь лежал из города, за его стены и за поток Кедрон, в сад, который как Лонгин знал, назывался «пресс для масла». Это был небольшой сад, в котором находились старые оливковые деревья, где и отжимались оливы на масло. Римлянам надлежало схватить Иисуса Назарея, который, называя Себя Царём Иудейским, подбивал народ на восстание против римской власти. До этого дня Пилат никогда не слышал об Иисусе Назаряине и удивлялся тому, что его агенты не сообщили ему ничего о грозящем возмущении народа.

Этот ночной переполох, связанный с арестом Иисуса Назарея, внёс оживление в жизнь Лонгина. Яркие события, произошедшие этой ночью, встряхнули его, словно он находился во сне, и заставили по-особенному думать и смотреть на всё происходящее кругом. Это выступление уже с самого начала не нравилось центуриону, не любившего столь шумных и показательных задержаний. Он всегда предпочитал действовать осторожно и внезапно, учитывая по возможности все случайности. Этому его научили шрамы, полученные им как раз именно в таких поспешных и бравурных компаниях. Лонгин недоумевал, для чего нужно было столько воинов, чтобы задержать всего лишь одного иудея? Но приказ исходил от тысяче начальника, который был выше его и послушаться, уважающий дисциплину центурион не мог. Однако, впоследствии переполох в ночном саду, вызванный арестом Иисуса Назарея, заставил изменить первоначальное мнение сотника. Лонгин своими глазами увидел, как может один Человек, одним лишь магическим словом, ввести такое количество людей в замешательство и повергнуть всех лицом ниц, прямо перед Собой.

Приведший в сад римский гарнизон по незнакомой тропинке, иудей, сопровождавший их, вдруг неожиданно бросился к Человеку озарённого светом и спокойно стоящим в тёмном саду. Свет факелов и фонарей, находящихся в руках служителей храма, ярко освещал уверенно смотревшего на пришедших людей, Назаряина. Вслед за Ним на небольшом отдалении, находилась небольшая группа плохо освещённых людей. Стоявший в одиночестве Человек, в белом хитоне, сложив на груди Свои руки, тихим и спокойным голосом, сказал поцеловавшего Его

в щёку: «целованием ли предаёшь Меня, Иуда?» Как раз именно этим поцелуем иудей, а это был один из Его учеников, указал римскому военачальнику, Кого им следовало схватить. За это Иуда, как назвал его Иисус Назарянин, получил от первосвященников определённую мзду. Вслед за этим, произошло непредвиденное обстоятельство, участником которого стал один из рабов первосвященника Каиафы, который также выделил своих людей для ареста Назарянина. Один из стоявших за спиной Иисуса Назаряна, выхватил меч и ударил им первого, кто протянул свои руки к Иисусу. Им как раз и оказался раб первосвященника. Но удар меча оказался настолько слабым и неумелым, что вместо серьёзной раны, у раба было лишь отрублено ухо острием меча. Громкий крик раба, разорвал ночную тишину и привёл в действие многих людей, находящихся в данный момент в саду. Храмовые служители и рабы, стали гнаться за теми людьми, которые стояли за спиной Иисуса, предоставив Того в свою очередь римлянам. А Он, со словами: «Неужели Мне не пить чашу, которую приготовил Мне Отец Мой! Пётр вложи свой меч», - и, прикоснувшись к окровавленному уху раба, остановил текущую кровь. И опять только одним словом Иисус Назарей, остановил преследование Своих учеников, заставив при этом отпустить тех, кого уже держали в своих руках служители и рабы.

Всё происходило настолько быстро и свет факелов, не мог осветить центуриону всё происходящие события, и поэтому Лонгин находился в некотором замешательстве, после того как оказался лицом на земле. Он не понял, что с ним произошло, и сначала подумал, что споткнулся о корни деревьев, находящихся в саду, но, поднимаясь, он увидел, что все пришедшие с ним люди, также находились на земле, как и он.

После этого видя, что Иисус Назарей запретил любое сопротивление, слегка осмелевшие воины, по знаку тысяченачальника подошли и стали связывать Ему руки. Со словами: «Оставьте их, пусть исполнится Писание», - Иисус, Сам подал руки всё ещё сомневающимся воинам, изъясняя собственное желание быть связанным. В их сознании глубоко отпечаталось, что сила, исходящая от Его слова или пребывающая в Нём, заставили пригнуться в поклоне, как бы отдать Ему дань уважения. От сказанного слова: «Это Я!», - они испытали беспомощность, и бессилие до того времени, пока не упали лицом ниц перед Ним. И лишь только после этого, они все смогли переступить и двигаться, и даже подойти близко к Тому, за Которым и пришли в этот странный сад.

Такой поворот событий заинтересовал Лонгина, а особенно Тот Человек, из-за которого и произошла вся эта непредсказуемая ситуация. Поэтому все происходящие действия, с участием Назаряна, стремительно пронёсшиеся за столь короткое время, заставило по-новому взглянуть на ночной арест. Опытный воин вдруг понял, а вернее осознал своим нутром, что не они, пришедшие в таком количестве и с оружием в руках, а Этот Иисус Назарей, как называли Его иудеи, руководит всеми и направляет всё в только нужное Ему русло. И при этом Лонгин совсем растерялся,

когда увидел, что Он Сам протянул Свои руки, чтобы их связали, тем самым подтолкнул солдат, пребывавших в подобном состоянии.

Сопровождая Иисуса Назаряя, в окружении легионеров, храмовых служителей и рабов, центурион со стороны наблюдал за Ним. Его поразила и даже, если честно признаться испугала, непонятная сила, исходящая от Этого Человека. А вслед за этим Его кротость и готовность повиноваться, когда Сам подал им руки, сказав при этом, какие-то странные и непонятные ему слова. Всё это настолько озадачило сотника, что приводило его, в нерешительность, подчёркнутой впервые появившимся страхом. Лонгин замечал, что подобный страх пребывал и на лицах иудеев: служителей, слуг и рабов, шедших вместе с ними из Гефсиманского сада. Он также отметил, что иудеи предоставили им, римлянам возможность схватить Назаряя. Значит, они знали Его и находящуюся в Нём силу, и трепетали перед Ним, считая Его за кого-то особенного. Этот быстрый анализ, который провёл Лонгин, удивил лично его самого. Потому что он ничего не знал об этом Человеке и ничего подобного не слышал, и даже не мог представить себе, что возможен вообще такой человек. Почему? Так думал Лонгин про себя, изредка посматривая исподлобья, на связанного и идущего Иисуса, ощущая при этом в душе, непонятную ему тревогу. Он чувствовал нервное напряжение и у своих воинов, подобное напряжение витало и в воздухе, который на удивление становился холодным. Интуитивно чувствуя опасность, родившуюся в душе, центурион был ещё более внимательным и наблюдательным за всем, что происходит вокруг. Такого же внимания он требовал и от легионеров, ведших связанного Иисуса. Сотник, знавший воинственный нрав иудеев, считал, что те люди, бывшие с Назарянином в саду и убежавшие, могут привести за собой ещё больше людей, чтобы попытаться отбить своего лидера. Так подсказывал ему простой, солдатский разум, трезво оценивавший подобные ситуации.

Ещё до прихода в сад, Лонгин обходивший и осматривавший объединенный отряд, состоявший из легионеров, рабов и служителей услышал обрывок разговора. Который он сейчас и выудил из своей памяти, воочию увидев странного Назарянина. Небольшая кучка рабов, стоявших спиной к проходящему мимо них центуриона, шепотом говорили о некоем Иисусе, величавшим Себя Сыном Бога и при этом творившего необъяснимые чудеса. Но, увидев, что Лонгин прислушался к их разговору, рабы тут же прекратили разговор и моментально разошлись. Теперь же вспомнив тот странный разговор и посматривая всё также украдкой на Иисуса, сотник никак не мог сопоставить связанного Назарянина с тем Сыном Живого Бога, о котором с таким упоением говорили рабы. Его сознание чётко ставило нерушимую границу, что Бог совершенно таинственен и недоступен для людей. Этому учила их религия и множество жрецов и оракулов, вещавших от имени невидимого Бога. А теперь поглядывая на схваченного Назарянина, на этого странного Человека, центурион почему-то думал о Нём. Мог ли этот Иудей на самом деле быть, Тем самым Сыном, о котором так таинственно говорили рабы

или же на самом деле всё это было простым обманом? Когда же он думал об этом, Лонгин вдруг на какой-то миг увидел, что лицо Назарянина стало как-то совершенно странно сиять в ночи, а глаза излучали спокойствие и уверенность, что свидетельствовало Его о внутренней силе. Лонгин даже от удивления протёр свои глаза, считая, что всё это ему померещилось. Иудейская ночь слишком темна, чтобы видеть такие подробности, да и мерцающий свет факелов не в состоянии осветить лицо Назарянина, окружённого легионерами. Уже не доверяя самому себе, Лонгин ещё внимательней всмотрелся в это таинственное лицо, от чего приблизился на несколько шагов ближе к Назарянину. Увидев в Его зрачках прыгающие блики огня, которые на его удивление оказались голубые, что странно сочеталось для этих мест. А ведь на самом деле Его взгляд совершенно кроток и нежен, как у тех ягнят, что приносят в жертву иудеи своему Богу Иегове, - вдруг внезапная мысль пронеслась в голове сотника, от чего он вздрогнул и стал кутаться в свой грубый солдатский плащ. Испытывая дрожь, толи от холода и сырости, толи от напряжения и нервозности.

По своему обыкновению легионеры соблюдали тишину и лишь только иудеи, идущие гурьбой, громко разговаривали между собой. Их страх в отношении Назарянина прошёл и теперь они, обсуждая перипетии ночного происшествия, руками показывали не Иисуса и ругали Его. Наглость и бравада храмовых служителей дошла до того, что время от времени, один из хуливших Его, прорывался к Назарянину и наносил удар по лицу. На что Тот совершенно никак не реагировал и не подавал ни возмущения и крика.

Лонгин видел такое поведение иудеев и понимал, что бывший до этого страх, покинул их, не препятствовал им. Между ними всегда царила договорённость о невмешательстве в иудейские споры и разногласия, и центурион знал это прекрасно. Да и по большому счёту, Лонгин и не мог им запретить, даже если и хотел это сделать. В их обязанности входило препятствия для возникновения народного бунта, который как опасались Иудейские первосвященники, мог бы возникнуть при задержании Иисуса. Он теперь понимал, что их присутствие было лишь в качестве устрашения и подстраховки, от возможного вмешательства сторонников Назарянина. Центуриона не удивляло такое поведение, потому что знал, что люди всегда были жестоки в отношении тех, кого когда-то боялись, но, когда, же подобной угрозы не было, всегда старались уничтожить бывший объект своего личного страха, как ненужное напоминание о прошлом.

Иисус спокойно шёл в окружении толпы, плотным кольцом окружавшей Его, держа перед Собой связанные руки, и ничего не говорил, ни тем более не отвечал на сыпавшие со всех сторон на Него удары. Такое поведение не указывало на собственное бессилие и страх, а скорее всего, подчёркивало готовность исполнять волю людей, схвативших Его и связавших Ему руки. Иисус даже наткнулся несколько раз на спины воинов, шедших впереди Его, крайне осторожно и внимательно смотревших в окружавшую их непроглядную палестинскую тьму. Они

помнили приказ своего сотника быть крайне осторожными и внимательными, ко всем случайно возникшим и подозрительным шорохам.

А Лонгин шёл, и всё думал, как мог этот Иудей, одним словом, повергнуть всех их на землю? Откуда взялась эта невидимая сила, что заставила пригнуть головы римских воинов, преклонявших, только перед своим цезарем. Что же необычное присутствовало там, что и его голова низко склонилась перед Назарянином? Ведь Он ничего не сделал и не предпринял, а лишь спокойно смотрел на пришедших людей, удивительно кротким взглядом. Кроме Назарянина и тех убежавших людей, вероятно, Его сообщников, больше никого в этом саду не было. И Ему, следовательно, не от кого было ждать помощь, но, тем не менее, Лонгин чувствовал присутствие ещё кого-то, более сильного и могущественного, чем они воины сильнейшей державы в мире. И эта невидимая сила пребывала в Нём и вокруг Него, которая и заставляла всех их делать только то, что и хотел этот Назарянин. Вспоминая и прокручивая все эти произошедшие события, Лонгин при этом совершенно не чувствовал стыда, от того, что он, римский офицер и представитель власти, наравне с рабами и слугами упал на землю к Его ногам. Ощувив на себе могущественную, но невидимую силу, он, который всегда преклонялся только перед силой, почувствовал над собой превосходство этого странного Человека. Сам физически сильный и терпеливый к любой боли, он доказал свою силу в битвах и сражениях, и лишь только своей силой и сноровкой он добился определённой карьеры в воинской службе. И благодаря наличию этих качеств, Лонгин в глазах остальных легионеров был авторитетом и лидером, которому они повиновались и за которым шли в бой. А теперь его сила была посрамлена простым Иудеем, который даже и не был воином, и о котором он никогда не слышал. Но именно Он как раз и доказал Лонгину и его воинам, Свою значимость и мощь, силу и власть. Доказал, будучи совершенно простым, на первый взгляд человеком, а на деле оказавшись невероятно таинственным и непонятным.

Подходя лишь только к дворцу, смещённого Римом первосвященника Анны, который в свою очередь был тестем Каиафы, новоиспечённого первосвященника Иудеи, Лонгин немного успокоился. Присутствие в городе, вселило в него уверенность в свою силу и в силу своих солдат, и это несмотря на то, что у него уже сложилось своё особое отношение к Иисусу Назарянину. Он, будучи опытным воином и знающим на деле, что такое сила, преклонялся только перед ней. И он уже по-особому относился к Назарянину, показавшего лично на нём, какой могущественной силой обладает Тот. Не интересовавшийся раньше иудеями и вообще не считая их за людей, центурион, вдруг осознал, что ему совершенно безразлична судьба этого Иудея. К этому Незнакомцу, которого он впервые увидел в саду, открылся у него особый интерес к тому, где и когда, Тот применит в очередной раз Свою невидимую силу.

Поэтому Лонгин с небольшой группой воинов, составлявших всего когорту, находился во дворце Анны и охранял Иисуса. По особой

иудейской традиции все иудеи по-прежнему считали своим первосвященником Анну, не смотря на его смещение и поэтому все сложные вопросы в первую очередь, разрешались у него. Римский гарнизон по обоюдному договору, должен был лишь задержать Иисуса Назарянина, как главного возмутителя спокойствия в Иерусалиме. Чтобы избежать стычки между самими иудеями, связанного Иисуса под конвоем доставили в город, чтобы Тот в свою очередь предстал перед судом верховного синедриона. На этом миссия римского войска закончилась, но Лонгин по собственной инициативе не уходил и упросил тысяченачальника с маленьким подразделением остаться для соблюдения порядка и законности. Рим очень любил в захваченных провинциях соблюдать свой закон, тем самым, подчёркивая не состоятельность местных традиций и порядков. Внешне Лонгин старался показать, что его больше волнует соблюдение римской законности. Но на самом деле, его присутствие сказывалось на особом пристрастии к Иисусу, хотя центурион не хотел самому себе признаваться. Только поэтому он и отклонил просьбу первосвященника покинуть внутренний дворик дворца, заявив вслух всем, что в его лице здесь присутствует закон.

Во дворце Анны присутствовали некоторые члены синедриона, спешно созванные ночью для скорого суда. Вернее, это были те, кто был на стороне Анны и в открытую признавал его Первосвященником Израиля. Потому что этот сан, по закону Моисеева присваивался пожизненно, и только смерть могла освободить от обязанностей первого священника.

Допрос арестованного Назарянина начался прямо внутри дворика, но, когда людей неизвестно откуда взявшись, стало намного больше и всевозможные разговоры, и шум стали затруднять допрос, Иисуса ввели под руки в дом. Уже внутри своих хором, Анна стал расспрашивать Иисуса, В-первую очередь об учениках, о евреях, разделявших Его взгляды и о характере Его учения. Тем самым Анна хотел узнать о количестве Его учеников и, конечно же, о том, как распространилось данное учение и скольких людей увлекло за собой. На допросе обязательно присутствовал и Лонгин с несколькими воинами. Все вопросы, которые он слышал, были ему совершенно не понятны, т.к. никогда не вникал в религию Иудеев. Он больше следил за тем, как поведёт Себя Иисус в окружении всех этих священников и храмовых служителей, и при каких обстоятельствах вновь применит свою таинственную силу. Созерцая этого Человека, Лонгин так увлёкся, что не слышал, что отвечал Иисус на все вопросы первосвященника. И только когда один из храмовых служителей, стоявший в непосредственной близости от Иисуса, со всего размаха ударил Его по щеке, только тогда центурион встрепенулся. Это было настолько неожиданно и удар, был такой силы, что сбил Иисуса Назарея с ног. И тот же служитель с издёвкой в голосе произнёс, обращаясь к упавшему Иисусу: «Как Ты отвечаешь Первосвященнику?!». Иисус, поднявшись, упираясь связанными руками в пол, с повышенной ноткой в голосе ответил ему: «Если Я сказал не правду, докажи, что это не так, а если правду, за что

тогда бьёшь Меня?». После произнесённых Иисусом слов, на некоторое время наступила тишина, и никто больше уже не подходил к Назарянину. Все как-то разом сникли, а того служителя, что ударил Иисуса, не было больше видно. После этого предварительного допроса, Анна отослал Иисуса к своему зятю-первосвященнику Каиафы, сделавшись нерешительным и потеряв всяческий интерес к Нему. Лонгин с воинами и храмовыми служителями, а также с некоторыми членами синедриона, повёл связанного Иисуса к дворцу Каиафы.

Дворец Каиафы отличался великолепием и роскошным убранством, в отличие от дома Анны. Иисуса ввели в зал, находившийся на нижнем этаже. Сам дворец первосвященника состоял из трёх этажей. Окна нижнего этажа, где располагался зал, в котором и творил свой суд Каиафа, выходили как раз в сторону горного склона. Эта скала была гордостью Каиафы, она вся была испещрена вырубленными в твёрдой породе порошками и довольно широкими галереями. Эти помещения тут же заполнились пришедшими римскими воинами, слугами, служителями и рабами. Такое множество людей сопровождало Иисуса Назарянина от дома Анны, до дворца Каиафы. Зал также был вырублен из скалы и с обеих сторон стены и углы зала суда обрублены в форме квадрата, на высоту почти трёх метров. В самой середине зала-суда, находилась горловина узкого прохода в тюрьму, в личную темницу Первосвященника Каиафы, где он и держал строптивых, и не повиновавшихся ему. В своём дворце, который ещё был одновременно и тюрьмой, Каиафа допрашивал Иисуса, опять же в присутствии центуриона и четырёх солдат, окружавших Связанного. В этом дворце присутствовал почти весь синедрион, на лицах многих ещё читалась сладкая дрема, чей сон был прерван по грозному приказу первосвященника, прибыть всем на суд. Поэтому многие члены синедриона зевали, не скрывая этого, а другие хлопали сонными глазами. Один лишь Каиафы сохранял свежесть и уверенность в себе, и в своих действиях. Он же в свою очередь и забрасывал Иисуса вопросами и, не дожидаясь ответа, опять что-то говорил Ему.

Лонгин не успевал следить за ходом слов Каиафы, он не совсем хорошо знал ещё арамейский язык. Но из всех заданных вопросов, он понял одно, что Каиафа и другие первосвященники добивались от Назарянина ответа на вопрос: «Кто Он и Кем является на самом деле?» Но Иисус не отвечал на все их вопросы и только смотрел на первосвященника, у которого лицо становилось красным от гнева. В свою очередь лицо Иисуса, заплыло от ударов, что нанесли Ему во время задержания в саду и по дороге в Иерусалим. Один глаз Назарянина был совершенно закрыт большим кровоподтёком и не открывался.

Уже находясь в совершенной ярости, Каиафа стоявший рядом с Иисусом и брызжа на Него слюной, кричал: «Ты ли Христос, Сын Благословенного?». И лишь только тогда Иисус твёрдо произнёс: «Я!». Каиафа тут же, как бы облегчённо вздохнув, с силой разодрал верх своих одежд и, обернувшись лицом к членам синедриона, задал им

риторический вопрос: «Какие вам ещё нужны подтверждения? Это ли не богохульство против Бога?». Этим вопросом-ответом Каиафа призывал их всех в свидетели.

Лонгин слушавший и смотревший на весь этот диалог, своим нутром ощутил, что эта реакция Каиафа была наигранной и что он, скорее с чувством облегчения выкрикнул эти слова. Почему он так это сделал, сотник ещё не знал, эта тайна откроется ему намного позже. Один из членов синедриона, вдруг воскликнул: «А судит наш закон человека прежде, чем, не выслушав и не узнав, что он делает?». Но под грозным и испепеляющим взглядом Каиафы, крикнувшего первосвященника вытолкнули из зала-суда, во внутренний двор. Другие же члены синедриона, подчёркивая свою солидарность и согласие со словами Каиафы, после его приговора, подходили по очереди к Иисусу Назарею и высказывая своё презрение к Нему, плевали Ему в лицо и били по щекам. Тем самым расписывались в том, что они сознательно и без принуждения вынесли приговор Сыну Божьему. Первосвященников и служителей было довольно много, и все старались вынести своё презрение и зло на стоящего в молчаливом оцепенении Назарянина. Такое поведение священников не понравилось римскому офицеру, представлявшего в данном месте закон и порядок, и он, приказал своим воинам вывести Связанного во двор. Где в это время жгли костры и дым, стелившийся по земле, стал проникать и в зал дворца. Иисуса провели через весь двор, где во множестве находились люди, в другую сторону, противоположную залу суда, воины неотступно следовали за Ним, не отпуская Того ни на шаг. Лонгин ещё некоторое время находился в обществе Каиафы и синедриона, и, получив из рук слуги Первосвященника предписание, предназначавшее губернатору Понтию Пилату, центурион, не сказавший ни слова, так же молча, вышел. В душе ему было неприятно смотреть на всех этих людей, он был простой воин-рубака, любивший справедливое сопоставление сил и не любил людей, творящих лесть и обман.

В предписании указывалось: «Первосвященник Иудеи Каиафа и синедрион, рассмотрел дело по обвинению в богохульстве Иисуса из Назарета, в том, что Он называл Себя во всеуслышание Сыном Благословенного, тем самым возвысил Себя до Бога Израиля Саваофа, чем и нарушил Моисеев закон. Согласно этому закону, Иисус из Назарета приговорён к смертной казни. В добавлении к этому, называя Себя Царём Иудейским, Он выступил против императора Рима Тиберия, являющего нашим царём, что влечёт за собой политическое преступление и призыв к восстанию против императора...»

После вынесения смертного приговора, Иисуса вновь повели связанного под охраной центуриона и воинов из дворца Каиафы, в претории губернатора Пилата.

Было уже раннее утро и конвой Царя, приговорённого к смерти, увеличился в несколько раз. Воинов окружали священники и члены синедриона, готовые дать показания губернатору против Обвиняемого Назарянина. Иисуса вели к римскому наместнику, который был поставлен

самим цезарем и олицетворял собой власть и закон на данной территории. И только он мог подписывать смертные приговоры и давать разрешение на их исполнение. Поэтому Иисуса вели к наместнику с тем, чтобы тот в свою очередь, предал Его смерти, как того требовал синедрион и закон данной страны.

Лонгин возглавлял молчаливую процессию к крепости Антония, где и находился Понтий Пилат со своей супругой Клавдией Прокулой. Совсем недавно они прибыли из своей летней резиденции в Кесарии Филипповой, на праздник Пасхи, по настоятельной просьбе супруги. Накануне Пилат устроил в свою честь пышное застолье, на которую пригласил офицеров гарнизона и некоторых из иудейских князей, с которыми имел торговые дела. По окончании этого пиршества он пребывал в претории, стараясь прийти в чувство, после обильных излияний. Приведя всю разношерстную толпу, состоящую из священников, служителей, слуг и рабов, враждебно настроенных к Назарянину, и оставив их на небольшой площади перед Преторией, Лонгин вошёл внутрь здания. Разномастная иудейская толпа, вместе со связанным Иисусом, не могла войти в языческую резиденцию губернатора, накануне великого праздника, чтобы не оскверниться перед празднованием Великой Субботы.

Претория или резиденция римского губернатора Понтия Пилата, располагалась в башне или как ещё называли её в народе, Крепость Антония. Она располагалась на скальном выступе, т.е. на (приподнятой земле) и вплотную примыкала к северо-западной части Храма. Ёе построил и назвал в честь своего друга Марка Антония Ирод Великий или строитель, как величали царя в народе. Теперь же здесь располагался наместник Пилат со своей свитой, секретарями, а также и воинами Иерусалимского гарнизона.

Утро для наместника выдалось паршивым, мало того, что его мучила мигрень, его жена Клавдия, тоже плохо спала. Всю ночь она громко стонала, толи от боли, толи от кошмарных снов и это раздражало его. Но Пилат её очень любил, правда, по-своему, но любил и потому не позволял себе озвучить своё раздражение. Вошедший Лонгин вручил Пилату предписание от Еврейского синедриона и тут же вышел. Губернатор, покрутив в своих руках послание и не читая, бросил его на маленький мраморный столик. Он так и не мог заснуть, и его мучили жуткие головные боли, связанные с похмельным синдромом. От чего он был поутру раздражителен и зол. Услышав не прекращающийся на улице шум, губернатор, скорчив страдающую мину, вышел навстречу шумевшему народу.

Брезжил рассвет. Утро было прохладное, что говорило о том, что и ночь была соответственно холодной. Пилат вздохнул свежего, холодного воздуха и огляделся. Народ, стоявший перед ним у подножия лестницы, на площади перед входом, кутался, кто во что мог. Солдаты в свои плащи, иудейские священники в накидки, а простой народ в грубые верблюжьи одеяла. По лицу губернатора, оплывшее от бессонной ночи и длительного употребления вина, было видно, что он явно не в духе. Осоловевшими

глазами наместник Иудеи, смотрел на свой народ, над которым он был поставлен кесарем, творить суд и правду.

Увидев, стоявшего посредине связанного Иисуса в окружении легионеров, Пилат, не обращая лично ни к кому, спросил с ноткой раздражения и досады в голосе: «В чём вы обвиняете Этого Человека, и к чему весь этот шум?». Пилат вложил в этот вопрос всю свою неприязнь к пришедшим иудеям, которых он просто презирал. Это не было секретом, для воинов и Лонгина, стоявшего рядом с губернатором. Это не было секретом и для пришедших, которые в свою очередь вели тайную войну и интриги с наместником. Вражда между Пилатом и Иудеями, началась сразу же после того, как первый ввёл свои войска в Иерусалим на зимнюю стоянку. И решил для надругания над еврейскими обычаями, внести в город изображения императора на древках знамён. Пилат это сделал без ведома населения, вступив в город ночью. Когда же узнали об этом, население толпами шли в Кесарию, где и находился Пилат и в течении нескольких дней умоляла убрать изображения. Пилат противостоял требованиям иудеев, говоря им в ответ, что это будет в свою очередь оскорблением для императора. Но иудеи и не думали отступать, вновь и вновь, атаковали претора с просьбой. Тогда Понтий приказал своим войскам окружить всю толпу и немедленно перерубить всех, кто не перестанет шуметь. Иудеи, однако, бросились на землю, обнажив свои шеи под римские мечи, сказав, что они предпочтут умереть, чем допустить такое наглое нарушение мудрого закона. И Пилат, изумлённый стойкостью и сам, будучи, воин, верный своей империи, умел уважать стойкость врагов, не мирясь при этом с ними. Он уступил, приказав немедленно убрать из Иерусалима императорские изображения. С этого времени у Пилата не было спокойствия в правлении. Чем дальше он правил, тем чаще становились его конфликты с населением. Римлянин не хотел отступить от своего намерения, сломить непокорный народ, а иудеи не могли изменить своему Богу. Дважды иудеи жаловались на Пилата кесарю Тиберию, за его жестокое и бессердечное отношение к населению Иудеи, за совершённые казни, и пролитую во множестве невинную кровь. И поэтому всякое выступление народа, Пилат, в первую очередь, рассматривал, как выступление против него, наместника Иудеи. Он всячески старался навредить, помня о том, что жалобы дошли до ушей самого императора.

Лонгин по уголкам подрагивающих губ, знал, что Пилат уже давно страдает мигренью. Она участилась у него в последнее время, и претор пытался вином излечить это недомогание. Стоявший в первом ряду священник, помощник Каиафы, ответил громко в ответ: «Если бы Он не был злодей, мы не привели бы его к тебе. И поэтому суди Его!». Пилат с ухмылкой на лице, опять говорит ко всем стоящим и при этом, не обращая лично ни к кому: «Возьмите Его сами и судите по своему закону». И сказав, он посмотрел со своего возвышения, поверх голов стоящего народа, думая о том, что этот раз, они его не проведут и не заставят исполнить их прихоти. Тот же священник, без какого-либо

раболепства вновь ответил ему: «Нам не разрешено предавать смерти никого, и ты об этом знаешь. Возьми Его и суди, потому что Он возмущает народ, называя Себя Царём Иудейским». Пилат больше ничего не спросил, он смотрел на Иисуса Назарея, стоявшего в окружении враждебной толпы. Он старался вспомнить, где видел этого Человека, и при каких обстоятельствах, потому что ему показалось, что он уже где-то Его видел. Пилат и не заметил, что головная боль оставила его, и губы перестали нервно подёргиваться. Губернатор с интересом рассматривал лицо Человека, который, по словам священников, называл Себя Царём. Он был избит, и Пилат видел синяки, и кровоподтёки на лице, на губах запеклась кровь, и Его взгляд был куда-то устремлён так, что претор никак не мог его поймать. Прохладное утро и свежий воздух, сделал своё дело, и Пилат вспомнил, где он видел этого Иудея. Четыре дня назад, когда он объезжал заставы, он видел, что этот Человек на небольшом осле въезжал в Иерусалим через Царские ворота. Множество народа встречало шумно Его, и клали под ноги животного, свои одежды и пальмовые ветви, восклицая при этом: «Осанна, осанна, благословен Сын Давидов, Царь Иудейский». Пилат ещё тогда сильно удивился и поинтересовался с едущим рядом с ним, иудейским князем, помогавшего в организации пира, что тут происходит и не грозит ли опасностью? На что тот ответил, что народ встречает Пророка и Учителя, сотворившего много чудес и исцелений в стране. И он тогда озабоченный своим пиром, рассмеявшись, махнул на всё рукой, потому что не верил в иудейские сказки об их всемогущем Боге. И вот спустя всего несколько дней, этот Человек связанный стоит уже перед ним, в ожидании своей судьбы. Как, однако, быстро народ забывает тех, кого раньше носил на руках и боготворил! Пилат много видел подобных людей в Риме и учился у них, отбирая для себя всё самое лучшее, что могло бы пригодиться ему в его политической карьере. Он всегда гордился своей интуицией и старался никогда не делать поспешных шагов. Это знание и терпение помогло ему подняться по служебной, дипломатической лестнице. Добиться особого положения при кесаревом дворе, а затем при помощи денег и влиятельных друзей, место наместника Иудеи. Надеюсь, что из этой провинции сумеет извлечь достаточно сестерций и что это правление станет для него трамплином к большому успеху и власти. Но вместо успеха, он лишь имел головную боль от этой провинции и грозное предупреждение от кесаря Тиберия, что в случае ещё одной жалобы на него, он будет с позором снят и отправлен в изгнание. Пилат смотрел на Назарянина и думал, что же ему предпринять в данной ситуации. Вдруг, совершенно не произвольно, у него родилось желание побыть с этим Человеком наедине, и кивнул своему центуриону Лонгину головой, указывая на Иисуса, и не сказав больше не слова, вошёл вовнутрь здания. Сотник вместе с воинами и с Назарянином, также последовали вслед ушедшему претору. Войдя во внутренние покои губернатора, Лонгин увидел, что Пилат, читает принесённое им ранее послание. Не отрываясь от свитка, Пилат приказал офицеру развязать руки Иисусу и отпустить воинов. Претор, читая

написанное, иногда отрываясь, с интересом поглядывал на стоящего перед ним странного Иудея. Проведя достаточно времени в Риме и сам, будучи из знатной римской семьи, общаясь между сенаторами и консулами, и другими видными политиками, Пилат прекрасно научился разбираться в людях. Он имел определённые принципы, как каждый человек, через которые никогда не переступал. Но если вдруг, возникала ситуация достаточно щекотливая и сложная, он поступал как считал для себя нужным, без всякого зазрения совести. Он делал так, как делали вокруг него все люди. Заводил знакомства с теми людьми, которые могли бы ему пригодиться, а потом оставлял их, если они уже были ему не нужны. Опыт, приобретённый в коварном Риме, и был полезен лишь только там, но в знойной и жаркой Иудеи, всё было совсем иначе. И Пилат уже убедился в этом, когда все его взгляды, принципы и манера поведения с людьми, не нашли здесь должного понимания. Поэтому его правление и началось с открытого противостояния, его, как наместника Иудеи и народа, который в свою очередь подогревали синедрион и конечно же первосвященник Анна. Вот и сейчас, Пилат понимал, что священники имели взаимную ненависть к нему, что при этом и не скрывали, пытаются сейчас вновь манипулировать им. Губернатор уже сразу же про себя решил, ещё тогда, когда он выходил к ним, что сегодня не позволит воспользоваться им. Он постарается всё сделать так, чтобы, наконец, одержать над ними победу. Пилат уже сообразил, что Иудеи, пытаясь раздуть ситуацию, выдав её как за политическое преступление, обвинили стоящего перед ним, что этот Человек и есть Царь Иудейский, сеявший смуту в народе против римского владычества. Но Пилат, не имел, ни каких-либо донесений, по поводу волнений среди народа, поэтому спокойно воспринимал явную ложь со стороны первосвященников. Когда кто-то пытался давить на него, помимо его воли и желания, Пилат всегда противился и старался выйти из подобного положения, подставив всегда другого человека. Вот и сейчас Пилат размышлял, как бы ему поступить в данной ситуации, да так, чтобы самому остаться при этом в стороне.

Пилат уже давно прочитал свиток, но делал вид, что он что-то старательно разбирает, на самом, же деле, он размышлял о том, что и самое главное, как сделать в данной ситуации. Всё это время Лонгин, стоявший за спиной губернатора, внимательно смотрел на двоих людей и не издавал ни малейшего шороха. Тишина зависла в комнате, где находились три человека, один из которых для остальных был царём. На какое-то мгновение сотник почувствовал усталость, но он заранее гнал её, догадываясь о том, что отдохнуть ему сегодня вряд ли придётся. Его сердце очень чуткое к различным переменам, подсказывало ему, что ему предстоит сегодня пережить какие-то события, которые впоследствии могут повлиять на его жизнь. Он ощущал это своим нутром и поэтому не мог всё оставить, и тем более сейчас уйти от Назарянина. Он испытывший на себе силу Назарянина, чувствовал себя связанным с Ним невидимой нитью, которую невозможно было порвать. Но его судьба и будущее было пока сокрыто от него до определённого часа и минуты.

Вдруг, неожиданно тишину нарушил голос Пилата, - так Ты Царь Иудейский? - который вложил определённый смысл в эти слова. Этот вопрос был ясен и понятен всем, кто находился в данный момент в комнате. Взгляд губернатора выражал лёгкую иронию, видя перед собой Царя, одетого в простой хитон и одежды, распространённые среди бедноты.

- Ты сам от себя говоришь или кто сказал тебе это? - ответил вопросом на вопрос Иисус.

Пилат только сейчас услышал ровный и спокойный голос стоящего перед ним Иудея, и что-то внутри у него шевельнулось, как будто невидимый ветер ворвался в эту комнату и коснулся его. Претор даже неожиданно вздрогнул, от мимолётного ощущения пронёсшегося ветра, хотя все двери были плотно закрыты. Но уже в следующую секунду Пилат уже забыл об этом и отметил, что у этого Царя, был глубокий и сильный голос, выдававший в Нём оратора или человека, говорящего много и долго вслух.

- Разве я - Иудей? Твой народ и первосвященники отдали Тебя мне. Что Ты сделал? – сменив на более милостивый тон, сказал Пилат Иисусу.

Он уже определил и понял, что стоящий перед ним Человек, не вызывал никакой опасности ни ему, ни тем более кесарю. Ему стало понятно, что священники, лишённые права приводить смертную казнь, хотят его руками, устранить неугодного, выдав Его за мятежника. Прошло буквально несколько секунд, когда эта мысль пронеслась в голове прокуратора, как Иисус вновь произнёс:

- Царство Моё не от мира, если бы от мира этого было Царство Моё, то служители Мои не допустили бы сейчас того, чтобы Я был предан иудеям.

Говорящий был серьёзен и при этом кроток, глядя на Понтия Пилата своими удивительно голубыми глазами. В этом взгляде Пилат увидел глубокую печаль, которая не сочеталась с Его голосом и поведением. Буквально несколько минут назад этой печали в глазах не было и Пилат, про себя удивился, что так сильно могло Того опечалить. Глаза, поддёрнутые дымкой печали, смотрели на него кротко, - как глаза ягнёнка, - подумал претор. Из всего произнесённого Иисусом, он уловил всего лишь одно слово: «Царство». И вдруг ощутив, что его голова совсем перестала болеть, удивлённо коснулся рукой своего виска и немного помассировал, прислушался, не отзовется ли снова боль. Пилат, выдержав паузу, как полагается ему, правителю и наместнику, вновь спросил Его:

- Итак, Ты всё - таки Царь?

Его вопрос прозвучал полу-утвердительно, но с оттенком удивления. Он уже практически разобрался в этой головоломке, что подсунули ему, первосвященники с народом. И потому больше спрашивал для проформы, чтобы ещё раз подтвердить свою версию. Иисус, не задумываясь, сразу же ответил ему:

- Ты говоришь, что Я - Царь. Но Я на то, и родился, и пришёл в этот мир, чтобы свидетельствовать о правде. Всякий, кто рождён от правды, слушает голос Мой!

Эта фраза прозвучала без апломба и дифирамбов, и Назарянин при этом не жестикулировал руками, как делают риторы, с пафосом произнося свои речи. Пилата вновь удивил ответ Иисуса, про себя отмечая, что этот Человек действительно умеет говорить, но что Он хотел этим сказать, Пилат так и не понял. Из всего разговора, он вынес всего одно, что Иудеи, пытаются избавиться от этого странного Человека и пытаются руками Пилата Его убить, выдав за самозваного Царя Иудейского. Он не желал уступать и тем более помогать иудеям, которых ненавидел, и поэтому всегда старался делать всё им наперекор. И больше сказав для себя, чем для своего Собеседника, произнёс:

- А что есть правда?

И совершенно не дожидаясь ответа, который был ему не нужен, так как для себя уже решил, что ему делать с этим Человеком, повернулся к центуриону, тихо стоящему у него за спиной. Пилат уже потерял интерес к допросу и тем более к этому Сумасшедшему. Исчезнувшая до этого боль, снова стала напоминать о себе. Непонятные слова этого Иудея, стали почему-то раздражать его и, обращаясь уже к своему офицеру, сказал:

- Я не вижу в Нём никакой вины, - и опять сделав паузу и заглянув в свиток, продолжил, - здесь написано, что он из Галилеи. Отведите Его к Ироду, пусть он и разбирается со своим народом, а мне нет до них никакого дела.

Произнеся эту длинную фразу, Пилат вздохнул облегчённо, он опять нашёл выход из этой щекотливой ситуации. Он возложил на Ирода решение этого вопроса, тем более что он как раз и находился в Иерусалиме. И не смотря больше ни на кого, подошёл к мраморному столику, чтобы налить себе вина. Боль уже пульсировала в висках и набирала обороты, толкая его найти средство от её избавления. Центурион, исполняя приказ наместника, увёл Иисуса, а Пилат, держа в руках золотую чашу с мальвазией, пошёл к себе в спальню. Проходя мимо комнаты, где отдыхала его супруга Клавдия, он посмотрел сквозь приоткрытые двери, чтобы убедиться в том, что он не разбудил её. Через тонкие занавесы балдахина, он рассмотрел бледное лицо своей жены и локон её тёмных волос, прилипший к влажному лбу. Она была очень красива и нежна, и Пилат обожал её, но не считал для себя зазорным повеселиться с другими женщинами во время пьяных пирушек.

Клавдия Прокула, была незаконнорожденная дочь Клавдии, третьей жены императора Тиберия. Цезарь её не особо жаловал, но и не делал ей ничего плохого. В Риме, жёны прокураторов не должны были отправляться вместе с мужьями в данные им для управления провинции. Но Клавдия была весьма умной и незаурядной женщиной, отличавшейся от тогдашнего развращённого римского общества, нарушила этот негласный закон. И в обход этому правилу, она решила разделить вместе с мужем тяготы жизни в весьма ненадёжной провинции Империи. Тем самым она решила исчезнуть с глаз императора и не напоминать о своём прошлом. Это решение принадлежало ей, и она его приняла без особого

надрыва для себя, понимая, что рано или поздно на неё изольётся гнев цезаря. Её выбор давал надежду на будущее и прекрасную возможность затеряться в отдалённом уголке громадной Империи.

Пилат, любовавшийся тонкими чертами лица Клавдии, отметил про себя, что его супруге нездоровится и, закрыв плотно её двери в спальню, поплёлся к себе. Он шёл и думал о том, что его, правда в том, что Тиберий уже предупреждал его, что следующая поступившая жалоба на него, будет концом всей его карьеры, и ссылкой на какой ни будь остров. И зачем он только согласился на управление этой провинцией? – качая, болевшей головой Пилат, отпивая на ходу любимое вино.

Во дворце тетрарха Ирода, Иисус долго не пробыл. Он не отвечал на вопросы правителя, которые задавал Ирод под пьяный смех свои слуг и рабов. Всё что хотел от Него Ирод, это демонстрацию, какого-либо чуда. Ирод слышал о всех чудесах, которые сотворил Иисус в Своих странствованиях по Палестине. Вся Иерусалимская округа бурлила о последнем великом чуде, сотворённое Иисусом, воскрешение мёртвого Лазаря. Тетрарх тоже об этом был наслышан, и жаждал насладиться и развлечься каким ни будь очередным чудом, сотворённым Назарянином. Распалённый вином он желал веселья, этого хотела и его пьяная свита, похотливо поддакивая, сальным шуткам своего хозяина. Он требовал от Сына Божьего исполнения чудес, чтобы убедиться в Его силе.

Лонгин всё это время находился рядом с Иисусом и видел, что Тот, просто закрыл Свои глаза, тем самым показывая Своё нежелание вступать с кем-либо в беседу. И не добившись от Иисуса ни одного слова, Ирод и всё его окружение присоединились к Его мучителям. Вдоволь поиздевавшись и насмеявшись над Ним, называя Его Царём Иудейским, рабы Ирода накинули на Его плечи ярко-красный плащ, символ царствования, чтобы подчеркнуть нелепость Его требования на трон, тетрарх Галилеи опять отправил Иисуса Назарея к губернатору Иудеи. Ирод так ничего не сказал, и тем более не выразил своего суждения о Нём, полностью предоставив право во всём разобраться Понтию Пилату, как наместнику и официальному представителю римской власти.

В 6 часов утра по римскому времени, Иисус вновь предстал перед Пилатом, который по-прежнему мучился головной болью. Как же не хотелось Пилату участвовать в этом суде, тем более выполнять требования иудеев. Но они настаивали, чтобы именно Понтий Пилат, как представитель кесаря на этом месте, произвёл приговор и суд одновременно. Пилата уже раздражал затянувшийся диалог с иудеями и на их требования судить Назарянина, сказал им:

- Я не нашёл в Нём вины. Есть же у вас обычай, чтобы я отпускал вам одного на Пасху. Хотите ли вы, чтобы я отпустил вам Царя Иудейского?

Он вложил всю свою силу в голос и как бы требовал от стоящей перед ним разношерстной толпы, единогласного соглашения и подчинения. Иисус по-прежнему стоял в окружении римских солдат и не смотрел на людей, которых знал совершенно, опустив Свои глаза вниз. Он спокойно

стоял, и со стороны казалось, что Он думает о чём-то важном, и Пилат много хотел бы отдать, чтобы узнать о чём думает Тот.

Всё это время, начиная от ночного ареста в саду и до нахождения в резиденции, центурион Лонгин неразлучно находился рядом с Иисусом Назарянином. Так уж вышло, что именно на него была возложена обязанность, сопровождать всюду Назарянина, но сотник не роптал и уж тем более не просил его подменить. Он был связан с Назарянином невидимыми нитями, которые были достаточно крепкие и удерживали сотника. Он видел, как устал Назарянин, усталость подкрадывалась от натёртых подошв сандалиями, и на Его лице был серый налёт от усталости и пыли. Тренированное тело воина не откликалось на утомление и вдобавок, внутреннее возбуждение не акцентировало внимание на усталость. Лонгин проникся участием к Назарянину, и ему не нравилось судебное разбирательство, направленное против одного человека. Он видел и понимал, что наместник не имеет ни малейшего желания участвовать в разбирательстве. Как простой воин, Лонгин был справедлив и прост ко всем, исходя из ситуации, которая могла возникнуть, этому его научила жизнь и служба в армии. И вдруг он, уловил тайное желание, которое где-то находилось в самой глубине его сердца, чтобы прокуратор не поддался на требование евреев. Находясь, всё это время с Иисусом, он думал, а иногда и смотрел на Него. Ему ни коим видом не хотелось показывать схваченному Иудею, что он совершенно не разделяет требование народа наказать Назаря. Лонгин в первую очередь видел в Нём, потенциально сильного и совершенно загадочного для него Человека. И осознавал, что Он обладает неизвестной ему силой, которую не мог понять и представить. Он замечал время от времени в Его глазах, кротость и при этом тайную печаль, которая перекликалась с Его не сгибаемой силой воли и духа. Эти глаза поражали центуриона и ставили его впросак, это сочетание силы и кротости, воли и смирения. Он, римский офицер и воин, всегда смотрел в глаза тому, с кем ему предстояло сразиться. Чтобы определить его внутреннее содержание духа и применить то средство, которое обязательно приведёт к победе. Имея такой богатый опыт в людях, он всегда побеждал в очных поединках. Но в очном поединке с Иисусом, Лонгин испытал сокрушительное поражение, и это произошло лишь от одного сказанного слова.

Во дворе, перед входом в преторию, где проходило судилище, собралась большая толпа народа, состоящая из разномастных людей. Жители города, разбуженные шумом, подходили со всех сторон, увеличивая толпу. Женщин почти не было, первосвященники и храмовые служители стояли особо от всех, вперемешку с фарисеями и учителями закона. Вся громадная масса народа что-то требовала и кричала, размахивая при этом руками. По приказу Пилата в спешном порядке пришли легионеры с внутреннего двора и сдерживали шумную толпу, требовавшая от губернатора казни Иисуса. Лонгин очнулся от своих

размышлений и услышал, как иудеи, в один голос одновременно скандировали: «Варавва, Варавва, Варавва!»

Пилат восседал на каменном помосте, откуда, всегда выслушивал приходящих к нему со своими требованиями иудеев. По сигналу его руки, обращённый к одному из надзирателей тюрьмы, стоящего неподалёку, через некоторое время был приведён зелот Варавва. Он был осуждён вместе с двумя своими соучастниками к смертной казни, за открытый мятеж против римского владычества и убийство пяти легионеров. Эта казнь в назидание другим и должна была состояться как раз в Пятницу. Пилат никогда не оттягивал наказание для иудеев, напоминая тем самым, что только он является здесь полнокровным правителем. Каменное возвышение, созданное в виде трона, разделяло Иисуса и Варавву. Толпа на вопрос Пилата кого отпустить, требовала Варавву. Тот в свою очередь, ничего не понимая и не соображая, глупо ухмылялся, показывая гнилые зубы. Цепь, к которой он был прикован, глухо звенела, когда Варавва поднимал свои скованные руки вверх и тряс ими над головой.

Прошло опять некоторое время, и Пилат повторил свой вопрос, и снова толпа была едина в своём решении. Тогда прокуратор, снова махнув надзирателю и указывая пальцем на зелота, тем самым, показывая кого необходимо отпустить. Варавва, ошалевший от подаренной ему свободы, стоял на месте и ещё не верил, что он свободен. Но когда первое оцепенение прошло, он тут же сорвался с места и бросился под радостное улюлюканье в толпу, желая скрыться от римлян, словно боясь, что они могут передумать. Толпа его тут же окружила, и чуть ли не на руках понесли к воротам, как будто это был национальный герой.

Так была совершена самая нелепая ошибка в истории, которая в свою очередь обернулась для всего человечества спасением. Добившись освобождения Вараввы, толпа с ещё большим азартом, стала требовать суда над Иисусом Назарянином. Особо рьяные пытались прорваться к прокуратору, и легионерам пришлось колотить их тупыми концами копий и бить плашмя мечами, чтобы сбить с них азарт и как-то успокоить.

В это время, когда проходило противоборство Пилата с еврейским народом, подошедший раб к каменному возвышению, где сидел губернатор, принёс небольшой свиток. Пилат, не обращая больше внимания на крики толпы, развернул его и стал медленно читать. Это было письмо от его супруги Клавдии, которая взирала на происходящее с небольшой террасы. Узнав, что происходит, она сразу же написала несколько строк и послала своему мужу, восседавшему на помосте. Пилат, читая её послание, сразу же уловил тонкий аромат благовоний, исходящий от свитка. В нём было всего несколько строк, впопыхах написанные женской рукой и Пилат на какой-то миг представил свою красавицу супругу в белоснежной греческой тунике. Клавдия в своём письме предупреждала мужа и просила его о том, чтобы он осторожно обращался со своим Пленником, потому что Он Праведник. Прошедшей ночью во сне, она много пострадала за Него. И чем он сможет искупить свою вину

на земле, если окажется, что осуждённый тобою действительно Сын Божий, а не человек-преступник...

Это письмо и слова, написанные Клавдии, озадачили Пилата, он прислушивался к ней и всегда удивлялся её логичности, и правильности суждения. Но сейчас его озадачил тон, которым она обращалась к нему через это письмо. Он не мог сообразить, какую же роль может играть его супруга в жизни этого Человека? Озадаченный Пилат мельком взглянул на стоящего Иисуса, он знал точно и был уверен, что за этим Человеком нет никакой вины. И только по желанию Первосвященника и синедриона, толпящийся народ требует от Пилата казни Назарянина. Пилат никак не мог повлиять на беснующуюся массу, которая не прекращала размахивать руками и требовать смерти Назарю. Губернатор сейчас стоял перед выбором, который нужно было ему необходимо сделать. С одной стороны, его любимая жена Клавдия, которой он никогда не отказывал, а с другой, эти ненавистные ему евреи с их традициями и законом. На одной чаше весов Фемиды, была его семья и благополучие, а на другой, политическая обстановка, рабом которой он и оказался.

Понтий Пилат, всегда скептически относился ко всем божествам и всякой религии, сделал небольшую приписку, на принесённом свитке. Взяв у стоявшего рядом раба и державшего на золотом подносе письменный прибор, стило, он, обмакнув в чернила поперёк письма, написал: «Если это Сын Божий, и Он воскреснет, то первое, что я сделаю-запрещу чеканить моё изображение на монетах, пока я жив». И отдав рабу, отпустил его небрежным кивком головы. Его скептический тон, однако, не помешал ему принять то решение, которое уже давно созрело в его голове. Он никак не хотел исполнять требования иудеев и решив бичеванием наказать Назарянина, отпустить Его на свободу, как не имевшего за собой никакой вины. И поэтому Понтий Пилат, левой рукой указал Лонгину на Иисуса и приказал отвести Его для наказания плетьюми. Центурион и воины, взяв Иисуса под руки, повели во внутренний двор претории, где располагался весь гарнизон, и происходило бичевание преступников.

Иисуса приковали к каменной плахе, у которой всегда бичевали преступников. Его руки в железных наручниках висели на железной скобе, вбитой в середину каменной глыбы, чтобы Он не думал сорваться или убежать. Всё было продумано до мельчайших мелочей и у преступника, не было совершенно никаких шансов сорваться. С прикованного Иисуса сорвали одежду и стали избивать плетьюми. Два центуриона изъявили желание наказать преступника, и они приступили к обычной для себя работе. Сидящий же за деревянным столом стал монотонно отсчитывать удары. Они особыми плетьюми, с железными крючками, привязанные к хвостам этих плетей, раздирали тело Иисуса при каждом ударе. Ярко-красная кровь обагрила Иисуса ручейками, стекавшая из многочисленных глубоких ран. Один из двух, сотник Квинтилл, любил причинять боль любой жертве. Поэтому он с особым рвением бил назарянина, оттягивая каждый удар на себя, чтобы

причинить максимальную боль. Лонгин не принимал участия в наказании, ему это было сегодня не по душе, и поэтому не присутствовал на бичевании. Он пришёл как раз в тот момент, когда на уже лежащего в беспомощности Иисуса вылили ведро воды. Вокруг всё было забрызгано кровью, Назарей лежал в собственной луже крови возле плахи, руки, прикованные к скобе, не позволяли Ему лежать ничком, находясь на небольшом отвесе. По приказу тысяченачальника прекратившего избивание, Иисуса отстегнули от наручников и отволокли в дальний угол двора, чтобы он пришёл в сознание. Кто-то из солдат в шутку набросил на него старый солдатский плащ, красного цвета, напоминавший царскую багряницу. Многие из солдат, наблюдавших за бичеванием, подошли к сидевшему Иисусу и громко хохотали, тыкали в Него деревянными палками. И здесь центурион Квинтилл, который до этого избивал Иисуса, продолжал издеваться и дурачиться над израненным Царём, как кричали легионеры. Квинтилл особо любивший «острые штучки» надевал на голову поверженного им Царя терновый венок, напоминавший царскую тиару. И концом своей палки сотник натягивал на голову Иисуса колючий венок. Острые шипы ливанского терновника, искололи голову Назарей, добавляя Ему очередные раны. Тот лишь в ответ глухо застонал, совершенно не делая никаких попыток помешать или препятствовать как-то мучителю. Тонкие струйки крови потекли по избитому лицу Царя Иудейского. Другие воины, ради шутки становились перед Ним на колени, перед поверженным царём в багрянице и самодельной тиаре, насмехаясь, говорили Ему: «Радуйся, Царь Иудейский!» Потом ставали с колен и наотмашь били Иисуса по щеке. Несколько воинов плевали Ему в лицо, стараясь, при этом проявить меткость и гоготали, при удачном и точном плевке, а один из них ударил несколько раз тростью по голове, целясь по колючкам, торчащим из венца. Кровь текла по лицу, кровь текла по всему телу. Он был так иссечен плетьюми, что совершенно не было живого места на Нём. Иисус был избит, оплёван, обезображен так, что уже многие не узнавали в Нём прежнего Назарянина. Но для центуриона Лонгина, это был всё тот же, Иисус Назарянин, которого Он впервые увидел этой ночью. Он по-прежнему видел сильного духом и с не сгибаемой волей Человека, которого не смогли сломить ни пытки, ни издевательства. Его глаза порой открывались и Лонгин, не видел в этих глазах страха, который он всегда видел в глазах поверженных врагов. Это его страшно удивляло, и он одного не мог понять, как этот Иудей переносит нечеловеческие муки? Почему он не услышал ни одного крика или вопля о пощаде? Почему Он ни разу не оскорбил и не плюнул в сторону мучивших Его людей, почему? Лонгин часто видел, как доведённые до отчаянья пытками люди, часто в ярости плевали кровавой слюной и бросались в бессильной злобе на обидчиков. Он видел таких людей, но этот Человек превзошёл всех терпеливых и кротких, которых видел и знал Лонгин. Одного не мог понять римский офицер, что двигало этим Человеком, откуда такая кротость и смирение, откуда такое терпение, словно перед ним не человек, а какой-то Бог? В душе Лонгина

происходило какое-то раздвоение, сердцем он был на стороне этого несчастного иудея, но разумом исполнял всё необходимое, что было возложено на него как солдата и командира. Он делал всё машинально, все его движения были отточены, потому что не раз ему приходилось делать то, что он и сейчас делает. Это была его служба, это были его обязанности, за которые ему платили и за которые он присягал императору.

Когда Иисус пришёл в Себя и солдаты уже устав смеяться над Ним, тогда Его подняли и опять привели к Понтию Пилату, продолжавшему сидеть на «губернаторском троне». Опять встал Иисус возле него, в солдатском красном плаще и терновом венце, как насмешка на то, что иудеи называли Его Царём Иудейским. Когда привели Иисуса, Его вид был неузнаваем, Он оставлял после Себя кровавые следы и Сам был весь в крови. Он больше напоминал большой кусок окровавленного мяса, чем человека. Пилат для себя решил, что, наказав, он всё равно отпустит этого Человека. Это будет для него своеобразная месть иудеям, за их жалобы кесарю. И поэтому он встал со своего каменного кресла и, сделав несколько шагов к толпе, вытянув руку и указывая на Иисуса, сказал громко: «Это Человек». Но толпа людей и в первую очередь первосвященники и храмовые служители, в ответ яростно закричали: «Распни Его! Распни...». Пилата вновь охватило раздражение с приступом ярости, евреи никак не хотели повиноваться ему и пытались его подтолкнуть к тому, что он не хотел и не желал делать. По римским законам запрещалось наказывать дважды человека, и если его приговорили к бичеванию, то никак не могли после этого его умерщвлять. Поэтому губернатор по существующим законам и предпринял попытку наказать Иисуса через бичевание. Воины, охранявшие преторию и наместника, с трудом сдерживали бушующий народ, и тогда по сигналу тысяченачальника, на помощь подоспели другие легионеры, и стали успокаивать особо дерзких евреев. Пилат вновь оказался в растерянности, он не хотел смерти Иисуса Назарянина, прекрасно понимая, что Тот ни в чём не виновен. Исходя из этого факта, Пилат мог Его отпустить, не считаясь с этим народом, потому что его слово в этой провинции и было законом. Но, тем не менее, он прекрасно понимал, как опытный политик, что иудеи снова могут пожаловаться на него кесарю, за то, что он не пресёк действия самозванного царя. Пилат уже боялся императора, а особенно ссылки, которая грозила ещё более страшным наказанием, и никак не мог допустить, чтобы жалоба ушла в Рим. То, что они будут жаловаться, Пилат это понимал, видя их ярость и ненависть к Назарянину. Всё это наместник обдумывал, стоя рядом с избитым Иисусом на террасе, возле каменных ступеней.

Обернувшись к Иисусу, Пилат сказал Ему вопросительно: «Откуда Ты взялся на мою голову?» Наместник сказал это с таким раздражением, потому что уже устал от шума, неразберихи и головоломки, которую задали ему иудеи. Иисус ничего не ответил раздражённому Пилату, Его

голова с окровавленным венцом была склонена вниз. Прокуратор уже со злостью в голосе вновь произнёс:

- Ты, почему мне не отвечаешь? Неужели не понимаешь, что Твоя жизнь в моих руках? – и продолжал смотреть на Него вопросительно.

Один из воинов, стоявший сзади дёрнул Иисуса за цепь, которая была обмотана вокруг Него, чтобы Он ответил губернатору. Иисус поднял свои глаза исполненные скорби и тихо произнёс, ни обращаясь, ни к кому, как будто Он и никого не видел перед Собой:

- У тебя нет власти надо Мною, если бы тебе не дано это Свыше, - и сказав, снова опустил голову, не добавляя больше ничего.

Пилат расслышал сказанные тихо слова на греческом языке, который был принят как официальный язык общения в Империи. И обернувшись к толпе, опять крикнул ей:

- Я не нахожу в Нём никакой вины!

Когда он произнёс эти слова, вышедший из серой толпы священник, громко оспорил решение Пилата:

- Ты не друг кесарю! Он называет Себя Царём Иудейским, тем самым посягает на власть самого кесаря! А всякий называющий себя царём противник кесарю!

И тогда Пилат понял, что он снова проиграл иудеям, ему дали ясно понять, что третья жалоба на него кесарю, будет для него последней. У Пилата дрогнуло сердце, потому что знал, что Тиберий слов на ветер не бросает. И тогда он, сойдя по каменным порожкам и вновь сев на свой трон, носивший в народе название «Лифостротон», на котором всегда сидел прокуратор, когда надо было вынести приговор, как официальное лицо Рима. В последней надежде, что они одумаются, он выкрикнул им:

- Царя ли вашего распну?

Толпа же яростно задвигалась, словно бушующее море и забубнила:

- Распни! Распни Его! Распни...

Тот же самый священник, который поставил под сомнение истинное отношение Пилата к кесарю, выкрикнул, обращаясь, конечно же, к нему:

- У нас нет другого царя кроме кесаря!

Пилат поморщился, словно его ударили плетью, и со стороны показалось, что он вдруг съёжился и сгорбился в плечах. Поднявшись, он подошёл к одному из рабов, державший в руках медный таз с водой. Умывая руки и вытирая их полотенцем, он дрожащим голосом произнёс:

- Невиновен я в крови этого Праведника, смотрите вы, - и, подняв свои руки, показал народу.

Кто-то из бурлящей толпы визгливо произнёс:

- Пусть будет Его кровь на нас и наших детях!

Этими словами весь народ одобрил решение Пилата в отношении Иисуса и своё будущее страдание на грешной земле. И по знаку Пилата, Иисуса опять повели во внутренний двор, где уже полным ходом шли приготовления к казни. Во дворе Иисуса одели в Его одежды сорванные, перед бичеванием, кровавый венец оставили на голове, толи, забыв, толи, не захотев мараться об него. Только терновый венец, обгаренный кровью

Сына Божьего, Он уносил от земли, как знак от мира и подарок от людей. Там же, не дав Иисусу отдохнуть, на него взвалили его собственный деревянный крест, на котором Он и должен был умереть. Иисус сам же и должен был нести его, как преступник, признавшийся в своём собственном преступлении, именно так предписывал римский закон единый по всей Империи.

После вынесения приговора, Пилат, войдя во внутренние покои, встретил Клавдию. Она была бледной, со слезами на глазах и ничего ей не сказав, прошёл мимо неё. Пилат чувствовал внутри себя опустошение, он ощущал себя проигравшим во всём в этой жизни. Он в тяжёлом раздумье цедил своё любимое вино и представлял, как Назарянин, которого он приговорил к смерти, должен умереть мучительной и позорной смертью. В глубине души страх, навеянный при имени Тиберия, всё ещё шевелился маленькой змейкой у сердца. Несчастный не знал, что он всего лишь продлил свою агонию, которая уже началась с момента вынесения им приговора. И всё тот же Тиберий по жалобе иудеев, всё-таки отправит Понтия Пилата в бессрочную ссылку, где он самоубийством закончит свою жизнь и последние слова, которые он сказал, как говорит предание, были: «Галилеянин, Ты победил!». Так бесславно и закончится земная жизнь наместника Иудеи Пилата, на чью судьбу выпало вынести смертный приговор Сыну Божьему Иисусу Христу. Господь Бог через Клавдию Прокулу давал шанс Пилату избежать наказания, но страх перед человеческой властью, возобладал больше, чем страх перед Богом.

Печальная процессия, которую возглавлял Лонгин с воинами своей манипулы, шла по узким улочкам Иерусалима, направляясь за город, к возвышенности под названием Голгофа, где и должна состояться публичная казнь преступников. Центурион так и не уступил своего права сопровождать в последний путь Человека, победившего его, одним словом, и Своей кротостью. Трое иудеев-смертников в сопровождении воинов медленно шли к своему последнему месту на земле, двое из них тащили поперечные брусы и лишь Иисус, спотыкаясь, нёс на Себе большой деревянный крест. Обессиливший от ночных переходов и побоев, потерявший много крови, Иисус сразу же отстал от тех двоих, которые шли впереди Его. Квинтилл отвечавший за охрану Царя Иудейского, извергая проклятья и ругательства вперемешку, градом ударов осыпал еле плетущегося Иисуса, подталкивая Его ускорить шаг. Но Тот с каждым пройденным шагом слабел и Его голова, обрамлённая окровавленным венком, опускалась всё ниже и ниже. С Его уст не сорвалось ни одного слова в сторону этого жестокого римского воина. С Божьим терпением Он принимал каждый удар и оскорбления центуриона, Он знал, что делал и для чего это делал. Но человеческая плоть имеет свой предел, если долго подвергать её испытанию, как имеет пределы всё человеческое. Плоть Иисуса Христа под бесчисленными пытками и издевательствами обессилила, но Дух Божий пребывал в Нём и вёл Его к звёздному часу. Пока силы совершенно не оставили Его и не доходя до городских ворот, Иисус упал, придавленный собственным крестом. Воины

стали поднимать упавшего Назарянина. Кто-то из жителей города, стоявших вдоль всей дороги, по которой проходил Иисус, бросился к упавшему, с плоской воды, которую тут же выбил сотник, из поднесших рук к губам Иисуса. И одновременно при этом, извергая проклятья, стал пинать ногами лежащего Христа. На какое-то мгновение, между ними произошел короткий диалог, после которого Квинтилл перестал ругаться и бить Иисуса. Он стоял с вытаращенными глазами и смотрел на Иисуса, крупные капли пота стекали по его грязному лицу. Беспомощность и страх читался на его лице и сам он, как будто окаменел. Солдаты с копьями наперевес оградили Иисуса от жителей, рвущихся к Нему со всех сторон с плачем и криком, и смотрели на центуриона, не понимая, что с ним происходит. Лонгин возглавлявший процессию, заметил, что его воины и Христос остановились на повороте улочки, и сразу же возвратился назад. Он сразу понял, что у Иисуса нет сил нести тяжеленный крест и поэтому приказал воинам взять из толпы, сгрудившейся возле упавшего Иисуса, рослого иудея. Воины, схватив его и не смотря на отчаянные крики, ударами и пинками заставили поднять крест, придавивший Иисуса, а затем толкнули вперёд, указывая копьями путь. Лонгин, разрядивший опасную ситуацию, посмотрел внимательно на стоявшего в немом оцепенении Квинтилла. Он попытался понять, что произошло с центурионом, и помахал перед ним головой, как бы давая понять, что тот слишком переусердствовал, а его злость при этом не знает границ. Но тот ничего не ответил, и всё также странно смотрел на Иисуса жалобным взглядом. Лонгин не обращая больше на него никакого внимания, повёл отставших к городским воротам.

Возле ворот вновь произошла непредвиденная ситуация. Воспользовавшись нерасторопностью солдат, какая-то женщина в одежде куртизанки, проскочив мимо воинов, оказалась прямо перед Иисусом. Она вытерла мокрым платком Его лицо, стирая кровь и пыль, и быстро при этом что-то говорила. А вокруг стоял крик, вопль и плач множества людей. Оторопевшие легионеры пришли в себя и придя в себя, силой оттянули женщину, отбросив её в толпу, чтобы больше не мешала продвижению на Голгофу.

Голгофа или как её ещё называли в народе Лобное место, находилось недалеко от городской стены. На этом месте и предстояло распять всех троих. Похоронная команда воинов споро и деловито занялись приготовлением к казни. Раздев приговорённых и оставив на них лишь набедренные повязки, всех троих повалили на лежащие и готовые к употреблению орудия казни. Одни воины держали жертву, а другие прибывали руки и ноги к балкам, связанным в форме креста. Перед этим, всем троим преступникам дали отпить вино, смешанное со смирной, но Иисус, попробовав, не принял его. В девятом часу по римскому времени, три креста стояли вознесённые на этом округлом возвышении, так что были видны издали. На этом холме заканчивались человеческие страдания Иисуса, начавшиеся с Гефсиманского сада за весь мир. У крестов с распятыми находился и Лонгин, отвечавший за казнь

преступников. По смерти последнего приговорённого, он должен был донести губернатору о том, что казнь состоялась.

Кресты стояли, пригвождённые иудеи висели на них, а Лонгин всё не уходил вслед за похоронной командой. Какая-то неведомая ему сила, удерживала на холме у этих крестов. Все девять часов Лонгин находился рядом или был в непосредственной близости с Иисусом. За всё это время он не слышал от Него ни одного жалобного крика или вопля о пощаде. Ни одного! Ни одного слова ругательства или угроз, не сорвалось с Его губ, в сторону солдат и его, руководившего воинами. Центурион был потрясён этим Человеком, он был поражён Его терпением и кротости, Его нестигаемой волей. Силу этого Назарянина он видел и читал в Его глазах, и в Его поведении накануне смерти. Никого ещё из иудеев не уважал так Лонгин, как этого «Царя Иудейского», за все годы, проведённые им в Палестине. Личность и внутренняя сила Назарянина сразила его, заставив по-другому относиться к Нему. Перелом в душе Лонгина начавшийся с момента знакомства с Иисусом в саду, всё ещё продолжался. Он уже понимал, что с ним что-то происходит, но пока не мог объяснить сам себе это, и тем более осознать. Он стоял у креста, где висел Иисус и смотрел на Него уставшими глазами. Это были глаза человека, повидавшие в своей жизни много зла, горя и боли. В них уже читался вопрос, на который мог ответить только Господь, висевший на кресте над ним. Легионеры кидали жребий и делили хитон распятого Царя, сотник не препятствовал этому. По римскому обычаю, одежды считались своего рода «плата» за похоронные услуги. Лонгин не отгонял также и женщин, стоявших у креста Назарянина, и громко рыдавших. Одна из них, средних лет, протягивала руки туда вверх, где находился распятый её сын, и причитала на арамейском языке. Она могла быть Его матерью, подумал Лонгин, странно, как она похожа на его мать. Может быть в горе, все матери мира похожи друг на друга, - также продолжал думать он. Сотник не раз видевший кровь и слёзы, на этот раз испытал комок, подобранный к его горлу. Ему впервые в жизни стало жалко эту причитающую мать-еврейку. Он видел неподдельное горе этой женщины, её боль и слёзы, и всё это доходило до его простого солдатского сердца. Ему действительно было жаль эту мать, рыдавшую у креста, но он ничего не мог изменить, ничего! Но зато он чувствовал изменения в себе, особенно, после того как услышал слова Иисуса: «Боже! Прости им, они не знают, что творят». Словно острым мечом, эти сказанные слова, разделили его душу и сердце. Вложив в его сердце боль, а в душу печаль о несправедливости и зле. Лонгин видел и людей, стоявших чуть вдали от места казни, многие из которых плакали и били себя в грудь. Общее горе охватило их, потому что они потеряли сейчас самое дорогое что имели, это Сына Божьего, но зато приобрели спасение, которое снизойдёт на эту грешную землю, после Его вознесения.

По истечению третьего часа казни, в полдень, настала тьма по всей Палестинской земле. Люди стали очевидцами солнечного затмения, в котором солнце скрылось, и наступила самая настоящая звёздная ночь, в

середине дня. Страх и ужас охватил иудеев, находившихся на Лобном месте, и они побежали в город, ища спасения. Они все стремились укрыться за его каменными стенами от будущего гнева, как кричали люди в истерии. Внезапно наступившая темнота, внесла такой хаос и смятение, что иудеи рвали на себе одежды, закрывали головы, крича на разные лады, что это наказание на них, зато, что они распяли Сына Божьего. Дикий страх смёл в одну секунду всех людей с Голгофской возвышенности, оставив лишь сотника Лонгина и нескольких воинов, а также женщин и юношу, стоявших у креста с Иисусом. Воины испуганно смотрели на своего командира, который в свою очередь и сам был потрясён не меньше. Внезапное изменение в природе, резкая смена дня на ночь, подействовало на римских солдат отрезвляюще. Те самые легионеры, которые до этого невозмутимо смотрели на страдания Царя Иудейского, глумились и смеялись над Ним, теперь, перестав злословить и ухмыляться, испуганно озирались по сторонам. Темнота, внезапно сошедшая днём, внушила им животный страх и открыла жуткое ощущение виновности в содеянном преступлении. Так было усмотрено свыше, чтобы люди, участвовавшие в казне, наконец-то осознали, что же они на самом деле сделали. Это было необходимо для того, чтобы их парализованные души смогли бы, в последние минуты жизни Господа на земле, исполниться благодати, сошедшей от Отца и разглядеть в распятом, действительно Сына Бога.

Ночные звёзды и полная луна светили на чёрном небосклоне, и их матовый свет освещал Голгофу и три страшных креста, на которых висели люди. Лунный свет озарял лицо Иисуса, и Его губы прошептали: «Или, или! Лама савахфани!». Вся похоронная команда, разыграв одежды распятых и оставив свои инструменты, сбежали прочь от крестов, оставив Лонгина и шестерых солдат. Женщины, не обращая внимания на темноту и переполох, ещё сильней укутавшись в свои чёрные накидки, продолжали рыдать. Центурион, совершенно сбитый с толку столь стремительным поворотом событий, как очарованный смотрел на висящего Иисуса. Внезапное наступление темноты, да и ещё днём, подтолкнуло его к неожиданному решению. Но он пока не мог ещё сказать вслух его, сознательно отрекаясь от своего императора, которому присягал верой и жизнью. Лонгин понял самое главное, что мучило его уже несколько часов, что он стоит у порога истины и скоро станет её обладателем. Что-то новое возникло в его груди, какое-то щемящее чувство озарило сердце, ранее им никогда не изведенное и изливалось из него чудодейственным потоком, заполняя его всего. Лонгин буквально на глазах преобразался, и ему казалось, что он видит себя со стороны, хотя непрерывно продолжал смотреть на Иисуса. Словно он старался запечатлеть в своей памяти Его образ, изуродованный римским правосудием. Его глаза, не моргая, смотрели на распятого Царя, желая утонуть в Его взгляде. Вдруг, что-то прозрачное и невесомое, отделилось от его плоти и устремилось, туда вверх, где висел пригвождённый к дереву Спаситель мира. Но та же невидимая нить, не отпускала «её» от физического тела. Такое раздвоение он видел и не видел, ощущал и при

этом ничего не ощущал, словно всё его тело крепко спит, а сам он находится где-то совершенно в другом месте.

Гримаса боли исказило лицо Царя, когда судороги от разорванных мышц и нервов, пошли по телу, а грудь Его при этом судорожно поднималась, чтобы опавшие лёгкие приняли в себя очередную порцию воздуха. Глаза у Него были закрыты, губы время от времени что-то шептали. Как будто этот Человек сейчас находился где-то далеко, на стыке двух миров и Ему сейчас нет дела до реальности происходящего, до того, что Он сейчас умирает и чёрный ангел смерти витает над крестами. Лонгин услышал, что распятый что-то сказал, но он не понял Его слов, они не совсем отчётливо прозвучали. Ветер, появившийся также внезапно, унёс слова Иисуса, предназначенные для стоящих у подножия креста. Но стоявший у ног Иисуса юноша встрепенулся и стал ещё пристальней смотреть в лицо своего Учителя и Господа, а женщины запричитали при этом ещё громче. Сотник понял, что эти слова были сказаны им, потому что, та женщина, которая была похожа на его мать, опёрлась на руку еврейского юноши.

Тьма всё также накрывала землю, зловещая тишина, прерываемая порывами ветра, охватила Голгофу. С легионерами тоже происходило что-то особое, что они все хранили молчание, каждый, в себе переживая происходящее. Им друг стало казаться, что крест, на котором висел Царь Иудейский, стал увеличиваться в размерах, а стоявшие по бокам, наоборот уменьшаться. Некоторые воины с приглушённым возгласом, опустились на колени, а другие, попятились назад. Центурион, стоявший неподвижно, не замечал, что происходит с его воинами, он находился в собственных переживаниях. У Лонгина повлажнели глаза, толи от долгого смотрения в одну точку, толи от нахлынувших чувств. Он поднёс руки к глазам, чтобы убрать слезы, нависшие над ресницами, и вдруг понял, что эта темнота тесно связана с Тем, Кто распят - Иудейским Царём! Это открытие словно стрелой пронеслось в его мозгу и озарило его истиной, которая и подарила ему ответ на мучивший вопрос. Это открытие, словно признание случившегося, послужило толчком к тому, чтобы он наконец-то признал, что это не простой человек, которого он видел, а Человек, обладающий Божественной силой. Признание, должно было сейчас вылиться в крик, но он ещё застрял в горле Лонгина, не сумевший прорваться сквозь пучину неверия и греха.

Внезапно висевший Иисус вдруг вскрикнул громко, - Свершилось!!- что заставило всех людей, стоявших на холме вздрогнуть. Женщины в чёрном и юноша, Лонгин и воины, все они посмотрели на Его лицо. А Он, склонив голову, что-то сказал ещё, но уже тише и невнятной, от чего Лонгин не услышал сказанного. Какой-то воин всё пытался копьём, что-то достать у Его лица, и сотник совершенно не понимал, что тот хочет сделать, потому что они все находились в прострации. Застрявший крик не давал центуриону сконцентрироваться на всех мелочах, которые происходили вокруг него. Все люди почти одновременно поняли, что Царь умер. Его тело вдруг обмякло и провисло на руках, а колени

подогнулись. В тот же самый миг, когда наступила Его смерть, раздался страшный треск и грохот в небесах. Земля, на которой жил и ходил Иисус, сотряслась от сокрушительного землетрясения. Глубокие трещины рассекали дороги и площади, земля проседала, образовывая ямы, а в Храме, священная занавеса была разодрана надвое. Люди, стоявшие в оцепенении на возвышенности, видели и ощущали колебания почвы, трещины изрезали неровный холм, его края стали проседать, обнажая каменные глыбы.

Шесть часов, которые провёл Лонгин на Голгофе, подарили ему невероятные события, повлёкшие за собой определённые открытия. Одно вслед за другим, событие и открытие, и снова это повторение. Всё его неверие рухнуло в один миг, препятствия стоящее на пути личного признания рухнуло. Человеческая душа восстала над грешной плотью, потому что она питается от Божьей искры, способной не просто зажечь душу, а заставить её сиять Божьим светом. Эта волшебная искра засияла в душе, сердце и разуме центуриона, сражённого невидимыми им ранее чудесами. Побеждённая плоть не смогла более препятствовать рождению нового человека. Разум Лонгина оживший от соприкосновения с Божьей истиной, устами сотника, воскликнул на весь мир: «По истине – Он был Сын Божий!». В эти слова, он вложил всё. Все свои мысли, переживания, открытия и увиденное им. Вот только сейчас он понял, что весь этот путь, по которому шёл Иисус Царь Иудейский, на самом деле проделал Божий Сын. Только Он способен, одним словом, лишить силы и власти, только Он способен проявить невероятную кротость, только Он смог сам возлечь на свой крест и при этом просить Бога о милости тех, кто убивает Его, только Он и больше нет никого! Лонгин вспоминал глаза Божьего Сына полные печали и скорби, он видел Божье терпение и кротость, он увидел в этом отражение Небесного Царства, в котором Он действительно был Царём! Центурион Лонгин гроза врагов Рима, не стыдился своих слёз, они лились тихо и беззвучно по его щекам, смывая пыль и грязь палестинских дорог. Римские воины стояли на коленях, один плашмя лежал на земле и с надрывом вдыхал воздух, словно ему нечем было дышать. Яркое солнце уже светило во всю, наполняя округу удивительно мягким и ровным светом, и при этом освящая Голгофу, кресты и Божьего Сына. Солнце возникло также внезапно, как и исчезло до этого. С последним колебанием земли, с воплем сотника о признании Бога, солнце появилось на небосклоне и лучи, падавшие почти вертикально, освятили упавшую голову Божьего Сына, небесным ореолом радуги, скрыв кровавый, колючий венчик. Не одна только душа сотника воскресла в тот день на Голгофе. Воины, простые люди, не знавшие до этого ни Бога, ни любви, ни радости, они также приняли из уст своего командира этот призыв. Для их простых сердец, было настолько очевидно и ясно, что всё происходящее непременно связано с этим Иисусом Царём Иудейским, который на самом деле, есть Сын Божий! Легионеры рыдали от стыда и страха сделанного, один же лежал на земле у ног матери распятого Иисуса, которая, обняв ноги своего Сына, гладила их своей рукой.

Стоящие рядом женщины, скинув свои покрывала, поражённые увиденным, просто смотрели на Умершего. Еврейский юноша, поддерживающий мать Назарянина, стоял, опустив голову, скрывая свои слёзы. Равнодушных не было и не могло здесь быть, здесь стояли те, которые были определены Богом от начала сотворения мира. Это должно было быть и это на самом деле произошло! Став достоянием всего мира, истории и человеческой жизни.

...Иисус умер на Голгофе, но на этой же самой Голгофе ожил человек. Ожил язычник, участвовавший в казни Божьего Сына. Он был мёртв для Бога и ожил, и воздал хвалу Богу, принимая Иисуса Назарянина за Сына Божьего. Ожившая душа центуриона, получив помощь свыше, сокрушило бремя греха и плоти, теперь прославила Бога, подтвердив ещё одним, очередным чудом «рождение свыше», которое произошло на глазах у всех присутствующих у Гроба Господня. Язычник, римлянин, воин-захватчик, убийца, отвергавший правду и любовь, не знавший Бога, отдал своё сердце Тому, которого собственноручно убил, пригвоздив к столбу. Для этого сердца, для этой души Он Христос всегда жив. Для Бога не сокрыто было сердце этого воина, готовое и способное принять спасение прямо у креста. И Бог усмотрел в своём плане, жизнь этого сотника, чтобы она тесно переплеталась с жизнью Иисуса Сына Божьего на всём Его последнем отрезке пути. Лонгин вместе с Христом проделал этот путь, от самого начала и до конца. Бог прощает всех, кто приходит к Нему и не вспоминает больше грехов никогда. Кровь Иисуса Христа Сына Божьего омывает, все грехи и омыла этого сотника, дав ему рождение свыше, и сделав его при этом служителем. Бывший воин, центурион, слуга империи и Пилата, стал пресвитером первохристианской церкви. Он оставил всё, что имел и после вознесения Христа, Дух, сошедший с небес, повёл его в Каппадокию. Где служил Лонгин Богу и создавал Церковь Христа. Возможно, это и повлияло в своё время, что Каппадокия, а теперь современная Армения, первая из всех стран, официально приняло христианство, как государственную религию. Мы не умоляем заслуги Лонгина, свидетельствующий своею жизнью и верой, подкреплённая делами, что Христос оживил и спас его. Некогда мёртвого, Иисус призвал его и направил в мир, к людям, нести Его слово. И ничто уже не могло увести его с дороги в вечность, с того самого момента, когда его дух признал, и уста провозгласили Сына Божьего.

Когда же пришёл его час умирать, он не отказался от веры во Христа, которого когда-то распял. Он сам отдал жизнь за Того, Кого, когда-то убил. Пилат издал указ казнить бывшего римского центуриона, нарушившего присягу кесарю и Империи. Снова жизнь свела судьбы Пилата и Лонгина. Но на этот раз, бывший сотник, достиг небес и имя его записано в Книге Агнца. Пришедшие воины и зная хорошо центуриона Лонгина, не желали убивать его. Но Лонгин сам стал на колени и привычным, командирским голосом, призвал их к послушанию, вытащить свои мечи и отрубить ему голову. И легионеры, подчинившись только ему, совершили то, для чего и послал их Пилат.

Сила Христа, воплотившись в Святой Дух, живёт и поныне и творит свои чудеса в современном мире. Оживляя и воскрешая души тех людей, кто признаёт Иисуса Христа, как своего Господа и Спасителя.

6.06.03г

МАЛХУС

**- Ко Мне обратитесь и будете спасены,
все концы земли; ибо Я Бог, и нет иного.
(Ис. 45:22)**

*

*

*

...Ночь в Иудее наступает стремительно, и темнота тут же обволакивает всю землю, загоня всё живое в свои жилища. Ночные звёзды мерцают в таком количестве, что, кажется, будто бы небесный извозчик рассыпал драгоценные камни по всему небесному горизонту. Они тускло мерцают и притягивают к себе взгляд, своей загадочностью и таинственностью. С наступлением темноты люди перестают какое-либо движение и находятся в своих домах, освещаемые масляными лампами, факелами и домашними очагами. Это время тишины и сна, а также уединённой молитвы для уставшей за день человеческой души.

Большая группа людей, в эту ночь, выходила из Иерусалима и направлялась к речному потоку Кедрон, что протекал за стенами города. Людей было много и что было на первый взгляд странно, шума, кроме топота ног, практически не было. Факелов было также мало, так что большая часть людей находилась в темноте. Но, тем не менее, они все дружно шли друг за другом, в каком-то зловещем молчании и напряжении. Которое в свою очередь исходило от этой толпы, идущих молчаливо в одном направлении. Свет, падавший от факелов, освещал лишь немногих, но среди них, можно было рассмотреть легионеров, храмовых служителей и рабов. Они все, по молчаливому согласию, смешались между собой, что говорило об их волнении и страхе. Все они держали в своих руках оружие или подобие на него. Римские легионеры сжимали копья и шли осторожно, поглядывая по сторонам, готовые к любой неожиданности. Большие продолговатые щиты, были укрыты солдатскими плащами, чтобы при случайном ударе не издать лишнего звука. Храмовые служители и рабы, в свою очередь сжимали крепко мечи и деревянные дубинки. Молчаливое напряжение и оружие, подсказывало, что все эти готовятся напасть на кого-то тайно. Грозную и вооружённую толпу вёл один человек, который уверенно шёл по знакомой только ему тропе, освещая себе путь масляным фонарём. Этого человека звали Иуда, и он был, апостолом Иисуса Назарянина, известного как Великого Пророка. Вся эта толпа, шедшая за Иудой, направлялась за одним человеком, чтобы схватить его. Но именно этим человеком и был как раз Христос Сын Божий. Рядом с Иудой, отставая всего на один шаг, шёл раб первосвященника себе под ноги, чтобы ненароком не зацепиться ногой за камень или корни Анны Малхус. Он нервно сжимал в правой руке дубину и посматривал деревьев, и не растянуться на пыльной тропе. Буквально перед самым выходом со двора первосвященника, его родной брат, который тоже был рабом, принёс кувшин с вином. Они выпили его тайком и при этом очень быстро, чтобы никто ненароком не заметил. Выпив скоро неразбавленное вино, они оба обрадовались этой удаче, которая так была редка в их нелёгкой жизни. С самого дня своего рождения, сколько себя они помнили, они жили

и служили во дворце первосвященника Анны. Он, согласно иудейским законам и традиции, до самой своей смерти, считался главным Первосвященником Иудеи, единственно имевший право входить за занавес, в святая святых храма. Малхус и его старший брат, были пожизненными рабами первосвященника, и след, от шила оставленный на правой мочке уха говорил всем об этом. Братья не представляли себе, что такое свобода и не знали, что она означает, хотя, в тайне всё равно думали об этом. Между собой они никогда об этом не разговаривали, но понимали друг друга по горьким вздыханиям, которые раздавались, время от времени. Так они и жили, не имея ничего, и не принадлежали себе, потому что целиком и полностью находились в подчинении своего господина, были его личной вещью.

Брат Малхуса каким-то образом умудрился тайно похитить из кладовой опечатанный кувшин с вином. Он воспользовался суматохой, которая царила во всём дворце, и стянул кувшин, когда проходил мимо открытой кладовой, где хранились винные запасы первосвященника. Спрятав краденное в складках своей одежды и предупредив Малхуса, они затем поспешно распили вино, за колючим кустарником спрятавший их от окружающих. Выпитое вино согрело их и дало на некоторое время пьяную смелость Малхусу. Когда же по знаку, люди двинулись со двора, Малхус встал в середину колонны, поближе к своему старшему брату. Первосвященник Анна и его зять Каиафа, вооружив своих рабов, и послали их в помощь храмовым служителям и римским легионерам, на случай если ученики Назарянина окажут сопротивление. Подогретый перед походом вином, Малхус взял увесистую палку, чтобы крушить врагов своего хозяина, при этом, совершенно не зная, на кого они идут. Только уже идя по узким улочкам Иерусалима, он услышал, как служители говорили о каком-то Иисусе, оживившего совершенно недавно мёртвого Лазаря из Вифании. Уже к этому времени люди в темноте смешались между собой, Малхус потеряв из вида своего брата, прибил к небольшой группе, которую освещал свет от фонаря, в руке галилеянина, уверенно шедшего впереди. Только тогда Малхус услышал, что они все идут всего за одним человеком, чтобы его схватить и удивился. Он не раз слышал от рабов, что в Галилее появился удивительный Пророк, который творит чудеса, которых ещё никогда до него не делали. Но поглощенный своими каждодневными делами, он не мог серьёзно воспринять эти известия. Малхус не мог думать о том, что его не касалось, и даже не понимал, что имеет право на личные мысли и размышления. Вся его сущность не могла понять, что каждый человек может обладать правом на личный выбор в том или ином. Он родился рабом, рос и жил как раб первосвященника и думал умереть только рабом. Малхус не мог себе представить, что кто-то может освободить его от вечных уз рабства и подарить ему удивительный, и чудесный мир истинной свободы. Поэтому он, никогда не воспринимал ничего всерьёз, что не входило в его рамки понимания как раба, и никогда не расспрашивал о чудесах, по которым грезил соучастники неволи.

Когда же он узнал, что нужно схватить всего одного человека, Назарянина, как все называли Его между собой, охватившее удивление не покидало его, даже когда они находились уже за городом. Незаметно для группы, Малхус прибавил шаг и оказался рядом с галилеянином, шедшим самым первым. Увидев его лицо в свете масляного фонаря, он сразу вспомнил, что видел, как тот, разговаривал с его хозяином-первосвященником. По согнутой спине галилеянина и потому как разговаривал с ним его господин, он понял, что тот был подкуплен, потому что не раз наблюдал подобные картины. Малхус шёл рядом, отставая всего на шаг от него, и при этом думал, зачем нужно столько людей на одного человека? Хмель ударившая от вина в голову, не только одарила Малхуса храбростью, но и заставила его думать, что раньше с ним никогда не было. Искусственная смелость Малхуса быстро таяла, когда, спустившись к реке, ночная прохлада охватила его. Он задрожал всем телом, толи то холода, толи от страха, толи от того, что хмель приятно одурманивавшая его, теперь вдруг исчезла. Растерявшись от новых ощущений, Малхус до этого уверенно шедший за лидером, вдруг споткнулся и едва не упал на землю. И сразу же страх сковал его сердце. Он прекрасно понимал, что никогда не был храбрецом и воином, и все эти смелые мысли появились лишь от выпитого им вина. Ему захотелось остановиться и юркнуть, куда ни будь в сторону и спрятаться от всех, как это он делал всегда, когда страх сжимал его сердце. Шедшие за ним люди не давали ему такой возможности, потому что окружали его со всех сторон. При этом все молчали, и какая-то опасность витала над головами идущих людей. Малхус ощущал всем своим телом эту опасность, и потому от страха его сердце билось учащённо, а несмотря на прохладу пот заливал глаза. Он уже не хотел никакой драки и лелеял себя надеждой, что всё обойдётся без его участия. Дубина в его потных ладонях, показалась ему тяжёлой и норовила выпасть из рук. Теперь он жалел, что послушался своего брата и пошёл этой ночью искушать свою судьбу.

Малхус не мог знать, что эта ночь станет переломной в его жизни, но он узнает, что же такое свобода из рук Бога, ощутив Его прикосновение на себе. Потому что Бог сотворил человека быть свободным и счастливым.

Тропинка привела всех в Гефсиманский сад, что располагался на Елеонской горе. Шедший впереди всех Иуда, чуть сбавил темп и стал озираться по сторонам, толи, опасаясь кого-то, толи наоборот ища. Все идущие за ним также сбавили шаг, потому что он и должен был привести всех на тайное место сбора Назарянина и Его учеников. Малхус тоже стал озираться и напряжённо всматриваться в темноту. Сад стал наполняться людьми и исходящий свет от присутствия факелов, немного рассеял тьму. И освятил группу молчаливо стоящих людей где-то в середине сада. Иуда, увидев их уверенно направился к ним, при этом развёл руки в сторону, словно собирался обниматься с кем-то. Человек стоящий чуть в стороне от основной группы и скрытый в темноте, неожиданно для всех громко произнёс: «Кого ищите?» Кто-то из пришедших в сад, ответил: «Иисуса Назаря». В это же самое время, Малхус упал плашмя на притоптанную землю. Он даже не понял вначале, что с ним произошло, и не обратил

внимания на то, что все пришедшие с ним тоже лежали на земле. Когда же он пришёл в себя и стал подниматься, то внимательно посмотрел себе под ноги, предполагая, что возможно зацепился за какие-нибудь корни или ветки. Но так ничего подозрительного не обнаружил. При падении Малхус выронил своё оружие, и оно откатилось куда-то в сторону. Испугавшись, что он остался без своей дубины, Малхус стал шарить в темноте рукой вокруг себя. Опять всё тот же сильный и уверенный голос, снова произнёс: «Иуда! целованием ли предаёшь Сына Человеческого?» Этот голос, казалось бы, шёл сверху, словно кто-то невидимый находился в небе и обращался к людям, находящимся на земле. После произнесённых слов, образовалась пауза, и тишина навалилась на всех, непривычно давя на ушные перепонки. Но тут же тишина взорвалась хаосом различных звуков, и множество людей одновременно начали перемещаться по ночному саду. Рабы, державшие в руках факела и стоявшие до этого на одном месте, вдруг бросились в разные стороны, образуя кольцо вокруг сада, словно они были на охоте и загоняли зверя. Тихий до этого момента сад превратился в какофонию криков, звуков и топота ног.

В бликах мерцающего огня Малхус увидел наконец-то свою дубину и тут же бросился к ней, протягивая руку, боясь, что её кто-то может взять. Она как раз лежала у ног того Человека, что стоял в стороне от всех, совершенно один. С вытянутыми руками он сделал несколько шагов по направлению к ней, торопясь схватить своё оружие, чтобы защитить свою жизнь. Он почти оказался у цели и коснулся при этом край хитона, всё также стоявшего на одном месте Человека. И в то же самое время, кто-то ударил его по голове, то чего Малхус упал на колени, возле Назарянина охватив Его ноги. Вслед за ударом резкая и острая боль, пронзила его, и он дико закричал, от страха и неожиданности. Он схватился руками за то место, где ощутил боль, и почти к земле склонив голову. По шее и рукам потекло что-то тёплое и липкое. Боль не отпускала Малхуса, парализовав при этом всю правую сторону лица и от этого, испуганный раб кричал, не переставая диким голосом. Заглушая его крик, Назарянин, обращаясь к бегущим и суевающимся людям, крикнул: «Я сказал вам, что это Я! Оставьте их, пусть идут, - и буквально, через несколько секунд добавил, - да сбудется слово, речённое Им: из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого». После произнесённых слов, которые возымели действие, воины, служители и рабы, перестали бегать по саду, и они все стали собираться вокруг Иисуса. Через некоторое время Он стоял в плотном кольце обступивших Его не прошенных гостей. Но Иисус, не обращая на них никакого внимания, наклонился к сидящему у Его ног раба и коснулся его залитых собственной кровью рук, заглянул ему в глаза. Тот перестал кричать, увидев перед собой лицо Человека, за которым он пришёл вместе с остальными. Свет осветил лицо Иисуса и Малхус увидел перед собой Его глаза, исполненные скорби и сострадания. В этих глазах отражалась его боль, которую ему причинил Его ученик. От лёгкого прикосновения рук Назарянина, боль тут же оставила Малхуса, и он в свою очередь, как замороженный смотрел на своего Исцелителя. Иисус, в свою очередь, смотря ему прямо в глаза, сказал коленапреклонённому рабу: «Ты

свободен!» И тут же выпрямившись, он сейчас же отступил от него и протянул Свои руки римским воинам, стоявших рядом. Легионеры, неуверенно поглядывая друг на друга, словно не знали, что им надо делать. Пока находящийся поблизости тысяченачальник не приказал воинам связать Его. И лишь только после этого, они все скопом навалились на Него, связывая и нещадно пихая при этом руками.

Малхус на всё происходящее продолжал смотреть, всё так же сидя на земле. Он то и дело смотрел на свои окровавленные и руки, и бросал взгляд на Человека, который только что его исцелил от боли и крови. Малхус ещё не совсем пришёл в себя от пережитого потрясения и страха, но понимал одно, что Тот на которого он пришёл с дубиной, ничего плохого ему не сделал, но при этом ещё и вылечил от раны. Собственными глазами Малхус увидел чудо, сотворённое руками Назарянина, о котором он уже столько слышал. В его мозгах уже сидела мысль, которая и сверлила его, что перед ним Великий Человек, способный сотворить больше того, что сделал сейчас. Никто не мог бы так быстро сотворить чудо, как это только что сделал Назарянин. Поражённый до глубины души увиденным и испытавший на себе исцеляющие руки, Малхус вдруг ощутил в себе удивительную лёгкость и спокойствие. Он так и оставался сидеть на земле, после того как увели Иисуса Назарея, и темнота укрыла его от всех остальных, с кем он пришёл сюда. Ему необходимо было побыть одному в эту минуту, и поэтому он не отзывался. Возможно, это был его брат, который кричал и звал, ища его в ночном саду. Но он продолжал сидеть один в темноте и тишине сада, переживая в себе происшедшее с ним невероятно событие, участником которого он был сам. Его руки, испачканные собственной кровью, подтверждали, что это чудо было реальным, а разум ещё отказывался верить. Но буквально несколько минут назад, он кричал от боли и страха, держав в своих руках, собственное отрубленное ухо. Всё это было тогда, а сейчас ни крови, ни боли, ни страха он больше не испытывал. И вера от увиденного и пережитого им чуда, побеждала его разум и неверие. Удивительная сила и любовь этого Человека заставляла поверить в Него, как в Пророка, обладавшего Божественной властью. Вера, возродившаяся из пепла, заполняла его, изгоняя из сердца неверие и злость к Богу, допустившего ему родиться и жить в рабстве. Малхус ощущал, что его наполняет совершенно новое, ранее не изведенное им чувство умиротворения и радости, также неизвестно откуда взявшееся. Он ещё раз коснулся своего уха, кончиками своих пальцев, чтобы убедиться в том, что всё происходящее было явью. Подушечками пальцев, он мял свою мочку уха и вдруг, до него дошло нечто. Он не находил и не чувствовал след от шила, который и сделал его рабом на всю жизнь?! Его спина мгновенно вспотела, сердце бешено билось и выскакивало из груди, а пальцы продолжали ощупывать ухо. Но старого следа, как будто и никогда не было вообще! Его ухо было целым, без шрамов и прокола, и он испытал даже боль, когда сильно согнул его. Что же с ним на самом деле произошло? - думал Малхус, ища глазами в темноте Того, Кто смог бы ему ответить на вопрос. Но он был один, совершенно один и ему, было предоставлено теперь Богом время и право на свой выбор. Так значит

всё это, правда, что говорили о Назарянине?! Он действительно Бог или как ещё о Нём говорили, что Он Сын, пришедший от Отца с небес! Он сошёл с небес, чтобы спасти наш народ от рабства язычников! Значит, Он и есть Мессия, обещанный древними пророками, - все эти мысли ворвались в его разум, а затем в сердце стремительным потоком, освобождая от рабства греха и зависимости. Теперь и только теперь, Малхус понял, почему Назарянин сказал ему, что ты свободен! Только теперь, увидев и испытав на себе, Малхус понял и поверил в то, что этот Назарянин и есть Сын Божий, и только Он имел право освободить его от рабства. Только Он обладающий силой и властью Бога, мог сотворить одно за другим такие чудеса с ним, не смотря даже на то, что он Малхус, пришел вместе со всеми схватить Его. Только Бог Израиля имеет право освободить его от рабства и даровать ему теперь новую жизнь, изменить его веру и избавить от уз и греха. От этого духовного переживания, от внутреннего признания, слёзы брызнули из его глаз, и Малхус упал лицом на землю и громко закричал: «Прости меня Адонай! Прости, я не знал...»

...Эхо от этого крика разнеслось по всему саду. Его никто не мог услышать, кроме одного Бога. Только Он и знает цену каждой душе, рождённой от Него! И потому так высоко ценя её, вновь и вновь стучится в сердца людей, напоминая о Своем существовании. Каждая душа, это искрящая звезда на Божьем небосклоне Небесного Царства Живого и Единого Отца, Сына и Святого Духа, исполненного светом и любовью. Свобода всегда исходит только от Бога, потому что всё от Него, Им и к Нему! Аминь.

16.09.04г.

Симон Пётр

- Ибо, кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придёт во славе Отца своего со святыми своими.

(Мрк. 8:38)

*

*

*

... «Не пропоёт петух трижды, как ты отречёшься от Меня!» - эти слова жгли его раскалённым железом. От стыда, от горького разочарования и обиды, в первую очередь только на себя, он бежал в ночи, не понимая, куда и зачем. Он хотел скрыться от укоризненного взгляда своего Учителя, который оставил в его сердце раскалённую рану. Эта рана была ужасной и кровоточила, кровью и слезами покаяния.

... «Как он ошибался!! Как он был глуп и смешон перед самим собой! Как он мог отречься от своего Учителя, Который имел глаголы вечной жизни? Как смог его язык трижды сказать, что не знает Его?! И он не провалился под землю, не сгорел в пламени стыда, от того, что предал своего Учителя! Своего любимого Господа и Учителя, с Которым столько времени ходил вместе... Но ведь я любил и люблю Его! Прости меня, Господи, прости меня!!» - кричал он в темноту иерусалимской ночи. Никто не мог слышать его, потому что он находился уже за пределами города. Слезы лились потоком из его глаз, крупные капли падали на грудь, но он не замечал этого и не делал никаких попыток, чтобы их утереть. Это были горькие слёзы разочарования, это были слёзы осуждения на самого себя. Звёзды сияли на небосклоне, но их свет был так ничтожен, что практически не освещали ему дорогу. Луна была скрыта страшными, чёрными облаками, которые давили на него сверху, и совершенно не было никаких сил сопротивляться им. Ему казалось, что он безостановочно летит в пропасть и спасенья ему нет, и не будет уже никогда. От осознания этого, его охватил новый, более сильный приступ внутренней боли, слёзы уже градом покатались из глаз и он, в полном отчаянье, обхватив свою голову руками, обессиленным упал на небольшой пригорок.

Так он и лежал, вспоминая последние прошедшие события, вновь и вновь прокручивая в своей памяти, случившиеся с ним во внутреннем дворе первосвященника Анны. Он не ощущал ночной прохлады, внутренний огонь сжигал его всего.

Вдруг, он вспомнил, как впервые признал Учителя, когда понял, что перед ним стоит действительно совершенно необычный Человек, обладающий истиной. Именно тогда он почувствовал первый страх в сердце, когда стоял на коленях в лодке перед Ним, наполненной рыбой, которую только что поймали по Его слову, после безуспешной ночной ловли. Этот страх открыл ему, что Он знает всё, знает самые сокровенные тайны, к познанию которых стремилась всегда душа его. Оставив после этого открытия на берегу Галилейского моря свои лодки и весь улов, он безоговорочно пошёл за Ним. Пошёл, чтобы узнать Его истину, пошёл,

потому что увидел в Нём свет. А затем, он же, по слову своего Учителя, первый из двенадцати пошёл по воде, к Учителю, идущему по бушующему морю, навстречу им. В своём страстном порыве любви, он и не заметил того, что идёт по воде, потому что всей своей душой рвался к Тому, Которого любил так горячо и искренне. Его глаза видели только Его сияющий силуэт, шедший по воде, и он слышал голос своего Учителя, звавшего к Себе. Когда же он, внезапно опомнился, что идёт по воде, то тут же стал тонуть в море, которое в ту ночь было не спокойно. И опять же, он в страхе закричал, обращаясь к Нему, своему Учителю и протягивая Ему свои руки: «Господи! помоги мне!» Он помог ему, как это делал всегда, поддержал его и укрепил, не дав утонуть, сказав при этом лишь одно: «Зачем ты усомнился?». Да, Господь всегда относился к нему благосклонно и очень любил его, который только что предал и отказался от Него. Слезы перестали литься из глаз и он, удручённый, сидел, обхватив свои колени, положив на них свою голову. А ведь Учитель предупреждал его, говорил ему, что сатана готов напасть на него и что он, трижды отречётся от своего Господа. Он тогда не мог в это поверить, до той самой минуты, когда всё и произошло во дворе первосвященника. Не мог он тогда поверить, что Учитель говорит это про него! Не мог!! Но как он тогда горячился и бил себя в грудь кулаком, что этого никогда не будет: «Ведь я, первый признал, что - Сын Бога Живого, я, первый пошёл к Тебе по воде, тогда, по Галилейскому морю?!» Он даже тогда, вложил в своё сердце страшную мысль, что Учитель не справедлив и недооценивает его веру и преданность. И уже в запальчивости, в обиде, он крикнул, чтобы убедить наверно себя: «Господи! С Тобой я готов и в темницу, и на смерть идти!». Сказал он с укоризной в голосе, которую мог вложить его простой, рыбацкий разум. В эту минуту, после сказанного, он был так горд, что именно он и только он, смог это сказать, немного даже упрекая Господа в несправедливом обвинении. Как он мог тогда так подумать и сказать, как хватило у него смелости сказать это Ему? Тому, Кто воскресил из смерти Лазаря и накормил хлебами тысячи, Которому повиновалась вся природа и вся бесовская нечисть! Он господь знал всё и поэтому имел право так говорить, и говорил ему тогда заранее, предупреждал его, предостерегал, чтобы не смел, надеяться только на себя, и при этом не гордился собой. А он так старался возражать Ему, Учителю, Который знал о нём всё! Он понадеялся только на себя, на свою храбрость и не смог, вернее не захотел, по достоинству оценить слова Учителя. Потому что всегда считал себя человеком смелым и ловким, решительным и сообразительным в принятии решений, среди всех учеников. И притом, никто не любил Его так, как он! Вот теперь этот образ, который он сам о себе мысленно создал, разбит в дребезги. И только сегодня, он увидел, что он всего-навсего дрожащий трус, испугавшийся какой-то служанки-девчонки, да насмешек и угроз рабов и служителей. Он не мог понять, почему это всё произошло с ним, с тем, который так преданно и самоотверженно любил Учителя? Тут он вспомнил укоризненный взгляд своего Учителя, которым Тот посмотрел на него, с дальнего угла внутреннего дворика после того, как петух трижды пропел. И так горько застонал, и заскрежетал зубами на себя,

думая о том, что теперь Учитель думает о нём? Что Он сейчас думает о нём, стоя перед синедрионом? А что они вообще сейчас могут сделать Ему? Неужели Его, всё же Иудеи убьют, исполнив тем самым, своё давнее желание? Если они всё же посмеют поднять руки на Сына Божьего, то он уже тогда не сможет Его увидеть никогда. Если это так и будет, то, что же ему тогда делать? Ведь он тогда должен, что-то предпринять, он должен сказать Учителю и признаться Ему, что Он был прав. Он должен, потому что любит Его и сейчас любит ещё сильнее! Учитель знал, что он предаст его и не прогнал его, не унизил, и не отругал, а только печально посмотрел на него тогда, покачивая Своей головой. Учитель любил его, Он любил всех, кто приходил к Нему, всех, кто тянулся к Нему, как к истинному Свету, ища, в нём любви, тепла и сочувствия. Но, как и что он должен желать? Что ему предпринять, чтобы Учитель снова увидел его? Всё же страшно возвращаться туда, откуда он совсем недавно сбежал. Эти противоречия, мгновенно затушили в нём, внезапно вспыхнувший азарт, под влиянием внутреннего стыда и раскаивания.

Внезапно, но вспомнил, что Учитель говорил ему, как Он молился о нём. Он просил тогда Отца, чтобы Он сохранил веру у него, и она осталась твёрдой, и несокрушимой. Чтобы сатана не смог забрать его веру и лишить его этого дара. И если Сам Отец, Бог услышал эту молитву Своего Сына, то что же он сейчас делает здесь? Почему же он, ещё не вернулся и не сказал своему Учителю, что он всё понял и осознал! Он всё понял!! Ему больше не к кому идти, потому что его Учитель – Сын Живого Бога! Он сошёл с небес, чтобы рассказать им об Отце и Царстве, которое ждёт всех Его учеников. Он уже не ощущал той боли, которая пригнала его сюда, сердце уже не кровоточило от осуждения, но всё равно, на душе у него было пасмурно от пережитого. Возможно, он через слёзы покаяния выплакал занозу, сидящую в сердце, от взгляда Учителя, возможно, она растворилась от того, что он понял, что Бог предусмотрел это падение с тем, чтобы он впредь не был высокомерен и не гордился собой, а был во всём всегда послушен Господу. Именно этого и хотел всегда Учитель от него, полного послушания и примирения. Если б он тогда прислушался бы к словам Учителя, всё могло бы обернуться иначе, по-другому. Сколько же раз помогал ему Учитель...

Только сейчас он почувствовал холод весенней ночи, окружавшей его. Брезжил рассвет, и его тело затекло от холода, и от долгого сидения. Он поёжился и стал растирать себя руками, разгоняя застывшую кровь по своему телу. Его лицо просохло от слез, и он поглядывал на город, из которого совсем недавно позорно бежал. И только сейчас он обнаружил, что снова оказался в том самом месте, в саду, за потоком Кедрон, где накануне и был схвачен им Учитель. Его ноги сами принесли его сюда, помимо его воли, почти к тому месту, где Учитель просил их поддержать Его в молитве. А они, тогда отягощённые от дневной ходьбы, спали, положив друг на друга свои головы. И только сейчас он мог помолиться, только сейчас, после того, когда испытал боль унижения и горечь осуждения, когда он стал нуждаться в Господе и в Его помощи, и присутствии, он возжелал молиться. Размышляя один в тишине, он думал о том, чего всё же ждал от него Учитель. Когда же

боль, терзавшая его сердце и душу, открыла ему это, когда страх от одиночества и от содеянного предательства истерзала его, после этого он понял, что он должен сейчас был сделать и что сказать своему Учителю. Он это понял только тогда, когда с позором оставил Его, предал Его и отрёкся от Него, а Учитель простил его! Как сейчас он нуждается в Господе, в Его любви и должен сказать ему снова: «Господи! Прости меня, Ты же знаешь, что я люблю Тебя!». С этими словами, уже сказанные вслух, он поднялся и пошёл по знакомой тропе, уже не раз исхоженной за эту ночь, и направился снова в город. Он знал, что должен вернуться к своему Учителю и посмотреть на Него, чтобы Тот увидел, что Его ученик Пётр, как он назвал его, изменился. Только сейчас, он может называться Его учеником, потому что, только сейчас готов принять каждое сказанное им слово, чтобы исполнить его и жить по нему. Да, ему всё ещё нехорошо от того, что он сделал и остаточный страх, всё ещё пребывал в его сердце. Но одно он уже знает совершенно точно, Бог теперь не допустит, чтобы его вера пришла в упадок и стала подобно той самой засохшей смоковнице, проклятой Учителем. Сейчас же он должен торопиться к Учителю, и посмотреть Ему в глаза. Явить ему, что он по-прежнему любит Его, и верит в Пославшего Его Бога-Отца. Он шёл и думал, ускоряя с каждой минутой свой шаг, потому что понимал, что у него всё же будет новая жизнь. Всех их ждёт что-то новое и совершенно необычное, о котором они ещё никогда не думали и не знали. Что им вскоре всё откроется, они вскоре все узнают и поймут, почему всё так произошло. Они должны лишь только ждать, того часа и события, о котором когда-то говорил Учитель...

...Город уже давно проснулся и жители, торопились узнать о том, что же произошло прошедшей ночью. Зло торжествовало всюду, но оно ещё не знало, что будет, как всегда, посрамлено, что оно будет временно, потому что нет ничего и никого, ни на земле, ни на небе, чтобы могло противостоять слову Господа Бога.

19.05.04г.

Клавдия Прокула.

**-Потому что Бог производит в вас хотение
и действие по Своему благоволению.**

(Флп. 2:13)

*

*

*

...Клавдия стояла на террасе и, скрываясь в её глубине горько, плакала. Слезы катились по её красивому, обрамлённому каштановыми волосами, лицу и падали на каменные плиты. Она не замечала их и не утирала, её руки сжимали каменную балюстраду, огораживающую вдоль и поперёк террасу. Для неё, это утро было самым худшим за всю её прожитую жизнь. Только что её муж, наместник Иудеи Понтий Пилат, отправил на смерть Иисуса, Великого Пророка и Праведника. В её руке был зажат кусок пергамента, на котором она написала мужу, предупредительное послание, чтобы он не слушал священников. Но он, к её горькому сожалению, сделал всё наоборот. Сделал всё в угоду священникам и иудеям, побоявшись их жалобы императору.

Клавдия всегда была в курсе всех событий мужа и знала о предупреждении, который вынес Пилату кесарь Тиберий. Она часто давала советы, которые помогали Пилату добиться определённых успехов на политической арене. Но сегодня и сейчас он её не послушал, и отправил на смерть совершенно невинного Человека. Клавдия знала, что именно сегодня решалась судьба её мужа, и что он отсрочил свою агонию лишь на время, которое с вынесением приговора Иисусу, уже вступила в свои права. Она видела и прекрасно понимала, что её муж в последнее время не правит по своей воле, правление ему навязывали, подчиняя губернатора, делая его зависимым от разных людей и обстоятельств. А это рано или поздно, всегда приводит к краху. Она знала то, о чём думала, будучи одной из важных особ императорского дворца. Она была незаконнорожденной дочерью третьей жены кесаря Тиберия и хорошо знала атмосферу и обстановку, царившую во дворце. Под напором обстоятельств она была вынуждена выйти замуж за преуспевающего в политике дипломата Понтия Пилата, пришедшего в политику с военного поприща. Кличка «Пилатус - человек с копьём», он приобрёл в армии, считаясь лучшим копьеметателем. С того времени она прилепилась за ним и уже фигурировала как официальное имя. Клавдия в обход традиций римского двора, уехала вместе с наместником-мужем в провинцию, где он должен был править. Тогда как другие жёны, оставались дома, дожидаясь своих мужей из военных походов или из провинций, куда направлял служить своих подчинённых император. И многим из них приходилось ждать долгие годы, а некоторые даже и забывали о семейных узах. Такие правила царили и были в ходу в Империи, и среди римских сановников и патриций. Клавдия была первая, кто нарушила этот негласный закон, уехав с мужем Понтием Пилатом в далёкую Иудею. Она была

вынуждена это сделать, чтобы не попадаться на глаза Тиберию и не напоминать о том, что не приходится его дочерью, и не быть соблазном для развращённого императора.

И вот уже несколько лет, как она здесь, в этой жаркой Иудее, среди религиозного, но интересного ей народа. Она не лезла в личную жизнь мужа, предоставив ему полную свободу действий. Она видела его упорство и противостояние с иудейским народом, его нежелание прислушаться к её советам и своему голосу совести. И больше времени она проводила в одиночестве или в окружении служанок-евреек, общаясь на их языке. Благодаря своей познавательной натуре, острому уму и хорошей памяти, она в совершенстве и за короткий срок, овладела арамейским языком, на котором говорили здешние жители. В особо жаркие месяцы, она отправлялась с мужем в летнюю резиденцию на берегу моря, в Кесарию, а в остальное время, находилась в Иерусалиме, в претории, находящейся в Крепости Антония. Её самым излюбленным местом для прогулок был сад, с самыми диковинными и разнообразными растениями. Сад находился в довольно просторном, внутреннем дворе Крепости. Возле фонтана, в прохладе и тишине экзотического сада, она читала написанные на арамейском языке свитки, которые находила через мужа или слушала учителей и толкователей, читавших ей книги древних пророков. Так незамысловато проходило её время.

Там же у фонтана, она и услышала об Иисусе из Назарета. Служанки на перебой рассказывали ей, что в Иерусалиме, появился Великий Пророк, который вернул зрение слепорождённому и сотворил ещё множество других чудес. В народе Его называют Илией, другие Пророком, а некоторые даже Христом или Мессией. Он же, Сам себя называет Сыном Божьим, сошедшим с небес по воле Бога и Отца Своего Небесного. История исцеления слепорождённого настолько охватила и завлекла Клавдию, что ей непременно захотелось поближе увидеть этого Человека. Она прекрасно понимала, что без вмешательства свыше, невозможно дать человеку то, что он до этого никогда не имел. Это может сделать лишь только Тот, Кто обладает абсолютной силой и властью в этом мире. В глубине души она, была глубоко набожна, и ей хотелось верить в то, что где-то есть Бог, Которому не безразличны судьбы людей. К этому привела её жизнь и одиночество, в которое она была вынуждена спрятаться, чтобы сохранить себя в чистоте и непорочности. Она не верила всерьёз в пантеон римских богов, которые проповедовали вакханалию и разврат, потому что была нравственной женщиной, и не предавалась страстям и порокам, царившим в Риме. Она нагляделась, как в императорском дворце творились такие непотребства, о которых она не слышала даже среди варваров. В такие минуты она пряталась, где ни будь, чтобы не видеть и не слышать, как протекают оргии во дворце кесаря. В её душе всегда присутствовал страх, который не могла объяснить. Страх перед таинственным и необъяснимым в жизни, страх перед будущим и её личной неустроенной судьбой. Как она хотела избавиться от страха и быть уверенной в своём будущем, но не могла и тем более не знала, как это сделать. Вот поэтому религия иудеев

привлекала её тем, что иудеи знали, верили и чтили своего Бога-Саваофа, на протяжении уже многих и многих веков. Она слышала из древних книг о чудесах, которые Бог творил для Своего народа и поражалась Его могуществом, и силой над другими богами. Этот невидимый Бог привлекал её, давал ей надежду и ощущение, что Он в силах защитить её такую одинокую и несчастную. Когда же Клавдия услышала про Иисуса из Назарета, она невольно потянулась к Нему, чтобы узнать и увидеть Его, подобно тому, как цветок тянется к свету, как жаждущая лань к чистой родниковой воде, как мать к своему ребёнку, чтобы приласкать своё любимое чадо. Она своим сердцем и душой почувствовала, что только Он сможет дать ей ответ на вопрос, который мучил её всегда, это страх одиночества и смерти. Но в тот момент, когда она поняла, где может найти ответ, Его уже в Иерусалиме не было, да и не совсем было просто ей, жене губернатора ходить по городу, и искать всюду Его. Поэтому она всегда у фонтана, ожидала от своих служанок новых новостей о Пророке из Назарета, которые они собирали для неё, бродя по городу.

И теперь дни для Клавдии полетели стремительно, что она даже перестала их замечать. Она совсем отдалилась от мужа, который в свою очередь погряз в борьбе с иудеями и в разгульных оргиях. Каждое новое чудо, которое творил Иисус в стране, удивляло Клавдию всё больше и больше, приводя её в благоговейный трепет пред именем Чудотворца. Она видела очень многих людей и побывала в разных уголках великой Империи, но никто не мог творить подобного, как это делал Иисус из Назарета. Служанки приносили различные слухи о Христе, говорили, что весь город раскололся на два лагеря. Одни из них утверждали, что Иисус Назарянин, это Христос, Который должен был прийти по Писанию и что Его дела, которые Он делал, никто из людей повторить не может. Другие же наоборот, говорили, что в Нём сидит бес, и все чудеса Он делает силою бесовской. Но Клавдия, своим женским чутьём и интуицией, понимала одно, что только любящее сердце способно творить добро и давать людям то, в чём они нуждаются постоянно: радость, мир и счастье. Она хотела видеть Иисуса, она, очень хотела пригласить Его в свой дом, чтобы Он смог бы оживить сердце её мужа. Клавдия страстно этого желала и грезилась о встрече, надеясь, что она всё же состоится.

Однажды, ближе к вечеру, её любимая служанка, с которой она больше всего любила говорить об Иисусе, прибежала, запыхавшись в сад, где и находилась её госпожа. Упав к её ногам и крепко обняв, она поведала о том, что Назарянин воскресил из смерти Лазаря, проживающего совсем недалеко от Иерусалима, в селенье Вифании. Все люди в городе говорят только об этом чуде и толпами идут в Вифанию, чтобы вживую увидеть воскресшего Лазаря. Служанка Мариам, рассказывала с таким жаром в голосе, её глаза блестели живым огнём веры, в которых читалось, что это настоящий Христос, Мессия, обещанный Богом Своему народу. Горячая и живая вера служанки Мариам, тут же передалась её госпоже, которая, услышав, в страстном порыве подняв служанку с колен, обняла её со слезами на глазах. Сердце Клавдии забилося фонтаном веры, от удивительного чуда

сотворённым Христом и её надежда ещё больше укрепилась в том, что Сын Бога обязательно придёт к ней, потому что она этого страстно хочет и откроет ей всю правду жизни. Она с нетерпением ожидала встречи с Тем, Кто перевернул всю её жизнь, открыл совершенно другой мир и показал ей Бога, Который любит людей и помогает им. Клавдия разрешила помолиться своей служанке Господу-Саваофу, Который послал в этот мир Христа и за услышанные счастливые минуты торжества жизни над смертью. Клавдия где-то внутри себя благодарила Бога, за то, что она по неведомой ей причине отправилась вслед за мужем, чтобы собственными глазами увидеть и услышать о чуде Жизни.

За четыре дня до Иудейской Пасхи, все жители Иерусалима вышли встречать Иисуса, въезжавшего на осле в Царские ворота. Клавдия отпустила всех своих служанок, на эту встречу с Христом, чтобы они могли воочию увидеть Его и прославить за все чудеса, сотворённые для народа Израильского. Она не могла пойти, хотя очень хотела этого, но обязательства, которые муж возложил на неё, не давали ей возможности отлучиться из претория. Сердце Клавдии от - чего-то было уверено, что она вскоре увидит Его, хотя, ещё не знало, что это будет значительно раньше, чем она себе представляло. Господь, вскоре Сам к ней придёт...

Дни ожидания после въезда Иисуса, пролетали как птицы, и Клавдия их попросту не замечала, погружённая в свои размышления и мечты. Она с вождением впитывала в себя каждое слово произнесённое Иисусом и переданное ей служанками. Через день после торжественного прихода Иисуса в город, она совершала с мужем небольшую прогулку в черте Иерусалима. Проходя мимо храма, возле открытых ворот, она увидела через тонкую материю, обвинявшую её паланкин, большую толпу людей. Она окружала Человека в белых одеждах, и её сердце подсказало, что это и есть Он! Пророк Небесного Царства! Её душа затрепетало в радостном предчувствии, что их встреча уже неизбежна. И что Он обязательно придёт к ней, потому что пришёл в этот мир, именно для людей, жаждущих спасения и жизни.

В ночь с Четверга на Пятницу, она долго не ложилась. До поздних сумерек Клавдия просидела у фонтана одна и размышляла. На душе было какое-то непонятное томление, и её сердце посылало в мозг сигналы боли и страха. Такие переживания она испытывала всегда, когда теряла что-то близкое и дорогое ей. Ближе к ночи стало очень прохладно и к тому же, у неё непривычно разболелась сильно голова. Клавдия, путаясь в свои одежды, пошла в свою спальню. И там, не успев переодеться, как уже спала. Сон сморил её мгновенно, буквально свалив её с ног. Он был тяжёл и почти не был похож на сон, потому что страшные видения делали его не правдоподобно реальным. Ночной кошмар показывал её незнакомого Человека, стоявшего рядом с её мужем. Он был весь в крови и оставлял после Себя кровавые следы. Во сне же ей казалось, что она хорошо знает этого Человека, а в то же время, что видит Его впервые. Она же стояла перед Ним на коленях и протягивала руки, что-то говорила и плакала. Она не могла понять, что говорила, но её горькие слёзы показывали, что это была глубокая

скорбь. Когда же она стояла так и плакала, внезапно появился Ангел в белоснежных одеждах, в таких ярких, что она невольно закрыла глаза. Он встал рядом с ней и сказал: «Твой муж отдаст на смерть Сына Небесного!» И тут же Он пропал, словно Его вообще не было, а она проснулась, вся в поту, в немоги и с учащённо бьющимся сердцем. Сон это или явь, она так и не могла понять, но чувствовала, что в её сердце поселился страх от того, что видела и слышала. Она не могла подняться, ночь и прошедший страшный сон, лишил её сил, и Клавдия даже подумала, что у неё случился приступ лихорадки. Проснувшись, она невольно прислушалась к шуму, который доносился через приоткрытые двери спальни. Это был гул от множества голосов, большого скопления народа, находящегося прямо перед преторией на площади, где обычно её муж производил суд. Услышав голос людей, она мгновенно встала, оправилась и вышла.

...Слёзы катились по её бледному лицу. Она видела всё и понимала то, что происходит, хотя и не могла слышать всех сказанных слов. Но толпа иудеев кричала на Пилата: «Распни Его! Распни!!». А рядом с её мужем стоял Иисус Назарянин, которого только что видела во сне, с устало опущенной головой, обрамлённой кровавым царским венком. Только теперь она поняла, что ночной кошмар, стал на самом деле для неё явью и что Христос стоит перед ней весь в крови, и обезображен. Всё точно так, как было в её видении. Когда эта мысль вонзилась в её мозг, ноги, отказывая ей повиноваться, тут же подогнулись, и она упала на колени там же, где и стояла. Письмо, которое она посылала мужу, валялось теперь под её коленями. Она так и не смогла предостеречь его от будущего гнева, который ей был открыт во сне, как предупреждение. Её сердце разрывалось от нестерпимой боли, от ужасного горя, которое вошло в её душу как клинок меча. И виновником этой боли, стал её муж, который только что отправил умирать Сына Бога. Клавдия столько мечтала о том, чтобы встретиться с Божьим Сыном, мечтала о частице радости и счастья исходящей от Него. Но вместо этого она видит лишь одну кровь, ненависть людей и свою собственную боль. Только теперь она поняла, о чём пытался предупредить её Ангел. Она увидела Небесного Сына, как мечтала, а также и узнала того, кто разрушит все её мечты. Словно злой рок в лице её мужа Пилата завис над ней и совершил преступление против Неба и Любви.

Народ разошёлся сразу же, как только Иисуса увели во внутренний двор претории. И снова тишина зависла местом, где только что был отправлен на смерть Праведник. Клавдия поднялась с колен и стояла в совершенной растерянности, не зная, что ей предпринять. Пилат в глубокой задумчивости, всё так же сидел в своём каменном троне, поднял голову и посмотрел туда, где белела женская туника. Он знал, что это стоит Клавдия и что она пыталась ему помочь. Клавдия, заметив его взгляд, невольно отпрянула вглубь террасы и спряталась за колонну. Она не могла вынести взгляда человека, который только что разрушил своими руками её жизнь.

...Клавдия уже понимала, что не будет жить так, как жила до этого дня прежде. Она знала, что теперь Иерусалим станет для неё вторым домом и останется здесь, потому что именно в этой стране она нашла свой смысл и

узнала о настоящем Боге. Но не представляла себе пока, где и как будет жить. Она так же не знала и самого главного, что невозможно убить Жизнь, что невозможно убить Того, Который Сам даёт жизнь и жизнь с избытком. Она пока не знала, что Его смерть окажется для неё жизнью и спасением для всего мира. И она не могла пока знать, что чудо воскресения, которое подарит Бог-Отец для всех любящих Его Сына, будет так же и для неё Клавдии. Только позже она узнает, что всегда являлась частью Божественного плана и её душа принадлежит уже небесам, где в данный момент находится Сын Божий в ожидании часа встречи со Своей Невестой.

17.06.04г.

Варавва.

- Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его, и долг простил ему...

И разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга.

(Матф.18:27;28)

*

*

*

...Он услышал через маленькое решетчатое оконце, которое выходило во внутренний двор Крепости Антония, стук молотков. Это сбивали кресты, для троих иудеев-зелотов, находящихся как раз в тюрьме претории. Один из них, только что услышал этот стук и в бессильной ярости, метался по маленькой камере, стараясь не звенеть цепью, которая сковывала его руки.

Вдруг, услышав ещё какой-то посторонний шум, который заглушил стук молотков, и крики солдат, он сразу же насторожился. Человек остановился там, где настиг его потусторонний шум и стал прислушиваться, повернув своё ухо к окошку. Постояв так несколько секунд, он, чтобы лучше слышать, подошёл ближе к окну, забранный толстыми железными прутьями и, подпрыгнув, уцепился за прутья руками и подтянулся до уровня своих глаз. Он увидел небольшой участок двора и снующих всюду легионеров, не обращая больше внимания на них, он вновь прислушался, пытаясь разобрать причину возникшего шума. Ему показалось, что он услышал своё собственное имя, но тут солдаты, сбивавшие для них кресты, о чём-то громко заспорили и он опять, так ничего и не смог разобрать. Его руки от напряжения затекли и, спрыгнув на каменные плиты пола, он случайно зацепился за стену цепью, которая звякнула в абсолютной тишине тюрьмы. С опаской он посмотрел на железную дверь с маленьким оконцем, в которое время от времени, заглядывал стражник. Но тот, так и не заглянул, возможно, не услышал или же, его просто не было на месте. Он знал, что сегодня должен умереть, но страха не чувствовал, потому что уже привык к ощущению смерти, с которым породнился, когда вступил на тропу партизанской войны с римлянами. Вместо этого он испытывал чувство досады, что так мало сделал для своего народа, который находился под железным игом Рима, и так мало пожил для себя. Так мало Бог-Саваоф отпустил ему время, вот если бы продлить ему, хотя бы ещё немного времени...

Но на этом месте, его мысль внезапно оборвалась, потому что услышал шаги идущих по коридору людей и затем, последовал звон ключей, открывавших дверь его камеры. Он отскочил инстинктивно от двери в сторону, когда она открылась и, выставив вперёд свои кулаки, демонстрируя, что совершенно не боится вошедших. Охранник-легионер, стоя у порога, внимательно осмотрел всю камеру и, ухмыльнувшись, сделал шаг вперёд. Он схватил арестованного за цепь, которая сковывала его руки, и сильно дёрнул её на себя. Арестованный, не ожидая такого обращения, чуть было не упал на

пол камеры, но успел припасть на левое колено, значительно ушиб его при этом. Солдат вновь дёрнул за цепь, делая шаг назад, но арестованный иудей, уже зная это, своевременно сделал шаг вперёд, сохраняя равновесие, чтобы снова не упасть. Всего лишь несколькими рывками цепи, охранник подчинил себе волю человека, находящегося в камере смертников.

Так, под присмотром двух легионеров, охранявших резиденцию прокуратора Иудеи, он шёл в бессильной злобе, не зная, что можно предпринять в такой ситуации. Он не хотел умирать так рано, но и не знал, что можно сделать, его воля уже была поработана римлянами ещё раньше, когда он находился в подземной тюрьме Башни Антония. Буквально на короткий миг, в его мозгу пронеслась далёкая картина детства, когда он вместе с братьями слушал раввина и учился впервые молиться Богу Израиля. Тогда это ему очень нравилось, и сердце горело, исполненное гордостью за такого чудесного и могущественного Бога, Который имел его народ. Но с возрастом и вера его оскудела, и молиться он стал совсем редко, и всё больше и больше, радовался своим личным успехам и силе. А теперь нет бывшего величия, нет славы и его той, былой мощи, которой всегда хвалился, а есть одна лишь цепь, сковывающая его руки и хватчики, ведущие его наверно на смерть. И есть у него всего некоторое время, чтобы успеть насладиться жизнью, которая сейчас вокруг него.

Опять его мысли были нарушены от мощного крика и он, только теперь услышал отчётливо, что же на самом деле кричали: «Варавву! Варавву!!». От неожиданности он остановился, но идущий впереди воин почувствовал, как натянулась цепь, вновь с силой её дёрнул, заставляя зелота, снова сделать шаг. Его вывели с внутреннего двора претории, и повели дальше по коридору, ведя к площади, на которой обычно вершил свой суд наместник Иудеи Понтий Пилат. Он хорошо знал это место, потому что несколько раз замыслили напасть на Пилата и убить его, освободив тем самым Иерусалим, и иудеев от римского владычества. Но этому дерзкому плану не суждено было сбыться, во-первых, восставшие или как ещё в народе называли партизан-зелоты, не могли оказать серьёзной военной угрозы римскому гарнизону. Они не могли пронести оружие в город через ворота, которые в свою очередь тщательно охранялись легионерами. И поэтому кроме коротких ножей, которые они скрывали в складках своих плащей-аба, другого оружия у них быть не могло. Этого было мало для хорошо вооружённых воинов, охранявших наместника, чтобы оказать им должное сопротивление. Подобные планы рухнули как дом, построенный на песке.

Опять его воспоминания прервались, так как из тёмного коридора, по которому его вели, они внезапно попали в крытую галерею, перед которой стояла большая толпа народа. Это заставило его снова напрячься и солдат, державший цепь в своих руках, с силой дёрнул её, пресекая малейшую попытку неповиновения. Он понял, что наступила минута, когда должна решиться его судьба и только удивлялся тому, что его привели сюда. Он увидел Пилата, говорящего о чём-то с первосвященниками, находящихся в первых рядах толпы. Рядом с Пилатом стоял Человек с опущенной головой, который показался ему знакомым. Он ещё раз внимательней всмотрелся и

понял, что хорошо знает Его, и не мог ошибиться в Нём?! Да, он знал его и много раз видел, и слышал Его речи, что Он не от мира сего, но был послан Своим Отцом. Он никогда не разделял Его слов и взглядов, в том, чтобы победить врага любовью и молитвой, и тем более, прощать его. И что самое главное, он никак не принимал Его, как Сына Божьего, потому что, к тому времени уже был слишком приземлённым и верил, что только с оружием в руках, можно добиться свободы для себя и народа. Он всегда считал, что лишь только мечом можно освободить Иудею и полностью уничтожив врага, освободиться от рабства. Подходя ближе, он увидел, что руки Божьего Сына связаны впереди. Это слегка озадачило его: «интересно, что же мог сделать этот Праведник, Который только и делал, что говорил и забивал голову народу своими речами, - внезапно подумал он, - но, чтобы Он не сделал, Он теперь здесь, так же, как и я» - эти мысли пронеслись в его голове. Осмотревшись внимательней вокруг, он начал догадываться, почему вдруг находится здесь и для чего его привели именно сюда. По традиции, существующей издавна, на Пасху, наместник должен был отпустить одного из приговорённых к смерти, как это предписывал закон. Но у него, почти не было надежды, что Пилат отпустит именно его, зачинщика восстания, убившего, при этом пять римских воинов, вместе с двумя другими братьями, ожидавших своей участи. Он думал и почти был уверен, что, скорее всего, Пилат отпустит этого Святошу, который поэтому и находится здесь. Он не смотрел с надеждой в сторону Пилата и даже не слушал, что делал и говорил прокуратор. Всё его внимание было направлено на толпу, стоявшую на площади перед ними. Ему вдруг показалось, что он увидел своих братьев по оружию, но людей было так много и они стояли плотно, почти прижимаясь, друг к другу. Но даже если бы и был кто здесь, то вряд ли смогут отбить его, это он всё прекрасно понимал, окидывая взглядом всех легионеров, которые копьями наперевес сдерживали толпу. Прокуратор опять, что-то сказал, вернее он даже и не успел закончить свою фразу, как толпа, почти одновременно стала снова кричать: «Варавву! Варавву!!». Он даже пошатнулся от неожиданного крика и страха, который почему-то вдруг пробрался в его сердце, и сжал его так больно, что в глазах у него потемнело. Темнота ещё не отпускала его, когда он почувствовал, как солдат опять дёрнул за цепь, подтягивая к себе. Больше по инерции, чем по своему собственному желанию, он выставил вперёд свои руки, ища какой-либо опоры, от неожиданного рывка солдата. Боль улетучилась из его сердца, темнота отпустила его, и он увидел перед собой римского воина. Рядом с ними, на расстоянии вытянутой руки от них стоял Пилат, в белом столе. Тот стоял к нему спиной и смотрел на священников, сбитых в одну кучку, что-то кричащих со злостью ему.

Вдруг до него только сейчас, дошёл весь смысл происходящего! Пилат отпускает его, а не этого Праведника и Эскулапа! Его, врага Рима и лично Понтия Пилата! От этих мыслей вихрем пронёсшихся, он опьянел, словно выпил вина, и голова закружилась, в сладкой истоме. Ему некогда было вдаваться в подробности и разъяснения, почему отпускают именно его, потому что наслаждался, сказанным Пилатом, словом: «Отпустить!».

Охранник-легионер по приказу снял с рук Вараввы цепи и оттолкнул от себя, как бы показывая ему, что тот совершенно стал свободен. Варавва ощутил внутри себя силы, его руки стали свободны и лёгкими, что он бы сейчас взлетел бы, будь бы у него крылья как у Икара! Он свободен! Его руки свободны и ничто уже не держит его здесь, и тем более никто. Неужели Иегова услышал его тихие молитвы, неужели Он узнал все его тайные мысли и помог ему? В ответ на эти все вопросы, он дико засмеялся, от внезапной радости, охватившей его. Римский легионер по-прежнему стоял рядом с ним, держа в руках снятые цепи, и с невозмутимым лицом смотрел на зелота. А он открыто смеялся в лицо этому римлянину, который буквально несколько минут назад, был для него олицетворением власти и силы. Но теперь он свободен и снова может делать то, что делал раньше, а другого он не знал и не хотел. Буквально краем глаза он посмотрел на Иисуса, их разделял каменный трон губернатора. Он мог бы дотронуться до Него рукой, если бы хотел. Но Тот стоял спокойно и тихо, с низко опущенной головой, в красном солдатском плаще накинутым на Его плечи. Варавва так и не увидел Его лица, он так и не подумал о том, зачем же Он стоит здесь и для чего? Он так и не понял, что Бог дал ему ещё один шанс на спасение и что вместо него, умрёт Сам Сын Божий. Который как раз и пришёл в этот мир, чтобы спасти каждого грешника и лично его Варавву!

Но освобождённый уже не думал, ни о чём больше, свобода манила его и звала к себе упиться этой неожиданной минутой радости и счастья. Он сделал свой первый шаг, ещё не совсем уверенный шаг к свободе, всё ещё не веря, что свободен. Никто не удержал его, никто не окликнул его, воин остался на том же месте, всё так же безучастно смотрел на Варавву. Пилат даже не обернулся в его сторону. Варавва сделал ещё один шаг и ещё, и оказался в толпе. Она с криком подхватила его и буквально на руках понесла к выходу, шумно радуясь тому, что достигли успеха в противостоянии наместнику. Они сумели победить губернатора и в очередной раз показали его несостоятельность, и добились освобождения их местного героя, Вараввы!

Он ушёл, так и не взглянул на Того, Кому обязан был своей жизнью. Потому что считал себя уже героем и кумиром всех, кто сопротивляется врагам и поэтому вряд ли замечал, что стоит рядом с Самим Богом. Именно Ему теперь придётся занять центральное место на кресте, вместо Вараввы.

А что же Варавва? Он, как донесли до нашего времени предания, снова возглавил восстание против Рима. И снова убивал, и грабил, и вторично был приговорён к смерти, и закончил свою жизнь, трагически на кресте. Он умер не прощённым грешником, так и не поняв одного, что Бог Иисус предоставил ему возможность обрести свободу и стать обладателем жизни. Но человеческая гордость слепа, когда видит рядом с собой Бога, а посему «воскресение осуждения» — вот её удел!

11.08.04г.

Квинтилл.

- Ты видел, Господи, не умолчи;
Господи! Не удаляйся от меня.

(Пс.34:22)

*

*

*

Его вели по узким улочкам Иерусалима, на место казни, под названием Голгофа. Все жители города и его многочисленные гости, стояли вдоль узкой дороги, ведущей к страшному месту. Вели Его, Господа, вели Христа Иисуса, Который исцелял прокажённых, возвращал зрение и слух, лечил бесноватых и воскрешал мёртвых. Вели Иисуса Назарянина, Который во всеуслышание называл Себя Сыном Божиим и говорил, что Он и Отец одно! Никто не делал таких дел и не творил чудес, которые совершал Иисус Назарей. Вся Палестина разделилась на два лагеря, весь израильский народ разделился на две группы. Одни, а их было большинство, не могли принять Его как Посланца с небес и считали Его бесноватым; другие же, их было меньшинство, считали Его за Христа Иисуса, Сына Бога Живого. Многие не понимали Его слов, и сюда их привело праздное любопытство поглазеть на публичную казнь. Но те, кто способен был принимать Его слово и верил, и любил Христа, пришли на этот крёстный путь, проводить Своего Господа и Учителя. Горько плача и причитая, те, кто любил Его, ударяли себя руками в грудь, разрывали свои одежды и протягивали к Нему руки. Все глаза Иерусалима были обращены на Того, Кто говорил от имени Отца Своего. Многие глаза горели надеждой на очередное чудо и ожидали сверхъестественных событий с участием Самого Бога Израилева. Другие же с любовью и слезами провожали Иисуса, а третьи, со злостью и презрением плевали вслед, и бросали слова, как камни: «Если Ты - Христос! Спаси Себя и других!».

Лицо Назарянина выражало усталость и боль, по Его лицу стекала кровь, от колючек тернового венца, впившихся в Его голову. Римские воины издевались над Христом после того, как провели над Ним экзекуцию плетьюми и ради потехи, сплели царский венец из терновника, и с силой водрузили на голову избитому Христу. Колючки прокололи кожу, и кровь смешалась вместе с потом, грязью и пылью уличной дороги.

Иисус, всё ниже и ниже опускался под Своим тяжёлым крестом, привязанный к Его спине через поперечную балку. Весь гарнизон города охранял эту траурную процессию и холм, где должны были распять Назарянина. Это было сделано по просьбе первосвященников, которые боялись, что многочисленные ученика Галилеянина, попытаются отбить своего Учителя.

Среди тех, кто охранял Христа, особой жестокостью выделялся римский офицер, центурион Квинтилл, ветеран преторианской гвардии, не раз, участвовавший в войнах и подавлении восстаний в различных провинциях. Он гордился своими наградами и многочисленными шрамами, украшавших всё его тело. Легионеры уважали его за храбрость, за не

дюжинную силу, но не любили и побаивались за жестокость. Благодаря именно этому, он и был сослан из Рима, где командовал манипулой ветеранов в преторианском легионе, личной охране императора. Его отправили в самую горячую точку провинцию во всей Империи, где бы он мог искупить свою вину, убивая врагов Империи и цезаря. Так он и оказался в Иудее, где ему был предоставлен широкий выбор проявления своей жестокости, в отношении порабощённого еврейского народа. Он был изобретателем различных надругательств и издевательств, над Иисусом Христом. Только по его слову, воины гарнизона, сплели венок из ливанской колючки и он, лично сам, надел его на голову Мученика, причиняя Ему страшную боль. Деревянной тростью он вдавил колючий венок, от чего колючки глубоко вонзились в голову Иисуса. Квинтилл плевал в лицо Христа и бил Его той же самой тростью, заставляя угадывать, кто это сделал. Он как палач, игрался с жертвой и, наслаждаясь, упиваясь, своей властью, могуществом и силой. На самом же деле, он был слепым орудием в руках «князя мира сего», который всегда невидимо присутствовал там, где шло искушение Христа. Все оскорбления на самом же деле, были всего лишь частью скорбей, которые и должен был испытать Сын Человеческий. Он это знал и сознательно пошёл на это, исполняя волю Отца, чтобы принести и даровать людям спасение.

Царь Иудейский, как презрительно называли Его римляне, терпеливо переносил оскорбления беснующегося Квинтиллы, которому всё никак не удавалось, заставить строптивного Иудея, просить пощады и милости у него.

Вот и сейчас, находясь в сопровождении и охраняя Назарянина, Квинтилл тупым древком копья пинал Иисуса в спину, подталкивая Его на ходу. Начиная с претории, Квинтилл не отходил от Назарянина, сатана избрал именно этого римского офицера, любящего издевательства, чтобы искушать Христа. Центурион, обуреваемый злобой, не переставая бил и истязал Назарянина с того самого момента, когда тысяченачальник отдал Христа, обвинённого в политическом преступлении, ему для подготовки к публичной казни. Квинтилл, подталкиваемый вселенской злобой, готовил Христа к позорной смерти на кресте. Он злобно хохотал и считал громко свои удары, когда в паре с другим сотником, стегал Христа Иисуса римской плетью. И старался как можно больнее нанести удар, по обнаженному телу Иудейского Царя, как было написано в обвинении. При этом спорил с воинами, что первый свалит Царя с ног и потому торопился исполнить своё обещание. Он был весь обрызган кровью Иисуса, но казалось, что этого не видит и в своей ярости превзошёл всех. Когда же Христа Иисуса вели уже по городу, он и здесь старался причинить боль и страдание. Он бил Его бичом, когда Тот под тяжестью креста падал, то толкал и бил по рёбрам древком копья, заставляя передвигаться быстрее. Центурион не замечал никого, ни солдат, ни жителей города, стоящих плотной толпой вдоль дороги. Всё его внимание было сосредоточено и обращено на Назарянина, Который всё это знал и понимал.

Вдруг, кто-то, выскочив из толпы и в три шага оказался возле Иисуса, держа в руках плоску с холодной водой, чтобы Христос смог бы смочить

Свои запёкшие губы. Но свирепый стражник, строго охранявший ведомого на казнь, ударом древка копья сбил этого человека на землю и ногой отбросил плошку, из которой вылилась вода на древние камни Иерусалима. Квинтилл увидел, что Иисус остановился и ударил Его со всей силы по лицу, вымещая на Нём свою ярость. Иисус, еле державшийся на ногах, тут же упал, подняться Он уже самостоятельно не смог, обессилев, и вдобавок тяжёлый крест придавил Его к земле. Центурион Квинтилл, со смехом ударяя бичом по ногам Христа, заставляя Его подняться, прокричал: «Иди, Назарянин, осталось немного, Ты всё равно скоро сдохнешь!» Иисус только сейчас, прошептал ему в ответ, разбитыми губами: «Тебе так нравится жизнь? Так наслаждайся ею вечно», - и опустил Свою голову, отягощённую царским венцом. Этот небольшой диалог между Христом и Квинтиллом, был таким коротким, что никто даже не заметил и ничего не понял, что же на самом деле произошло. Только подъехавший на белом коне офицер, возглавлявший всю процессию на Лобное место, видя, что эта группа с Христом остановилась, вернулся к повороту, где и лежал придавленный крестом Иисус. Вокруг Него стояли легионеры и охраняли лежавшего Назарянина, отталкивая от Него руки людей, тянувшиеся со всех сторон, чтобы прикоснуться к упавшему Господу. Центурион сразу же оценил ситуацию и, видя, что Царь не в силах подняться, приказал поднять обессилевшего Иисуса, и снять с Него крест. Затем указал солдатам на стоявшего невдалеке от поворота рослого иудея, отдал приказ возложить на него крест Христа. Легионеры бросились выполнять приказ и где ударами, где пинками, заставили Симона, шедшего со своего поля домой, поднять упавший крест и следовать сзади за Христом.

Сначала воины, а потом и весь народ, обошли Квинтилла, который стоял словно в оцепенении на том же самом месте, где избивал Христа Иисуса. Он стоял, вытаращив свои глаза, и ртом хватал раскалённый воздух, как будто ему не хватало воздуха. Что-то вошло в его сердце с последними словами, произнесёнными Иисусом, и крепко сжало его. Страх, который он уже не испытывал много лет, огненным обручем сдавил его грудь так, что и не мог вздохнуть. Он всё стоял и стоял, страх охватил его сознание полностью, холодные капли пота, несмотря на жару, проступили на лбу. Центурион буквально на миг, увидел будущую свою жизнь, которая ожидала его, за границей временного пространства. Ледяной ужас, находящийся там, коснулся его и тут же умертвил злобную плоть, заставив дух трепетать в поисках помощи. Только один Человек на всей земле мог ему помочь. Тот, Который сейчас удалялся от него и над Которым Квинтилл издевался.

Грозный центурион Квинтилл, остался совершенно один, он не мог ступить и шагу, увиденный и испытанный им ужас парализовал его. Его оставил даже сатана, уже не нужного ему римского офицера, избрав для себя другой объект. Падший ангел следовал вслед за Сыном Божьим, вернее его притягивал крест, на котором должен был умереть Христос. И он притягивал сатану, как орудие казни над Сыном Бога, которое он определил на земле для расплаты.

Квинтилл, по-прежнему стоявший один, среди опустевшей улочки, старался что-то крикнуть, вслед уходящим людям. Взглянув в последний раз на удаляющую фигуру Христа, которая тут же скрылась на спуске холма, ноги центуриона неожиданно дрогнули, и он, рухнул на колени. На глазах у него выступили слёзы, капавшие в дорожную пыль, а губы что-то шептали. Только один ветер, который овевал римского воина, поднявшего в слепой ярости руку на Сына Божьего, смог услышать крик его души: «Прости меня, Господи!! Прости меня, Христос, царь Иудейский, по незнанию совершил, по жестокости своего сердца, совершил насилие над Тобою!» Эти слова ветер понёс вперёд, чтобы Сын Человеческий, уже висевший на кресте и умирающий за грехи всех людей, смог услышать эту сокрушённую душу.

И тогда Иисус громким голосом воскликнул: «Свершилось! Отче, в руки Твои предаю Дух Мой!» Сказав это, испустил Свой дух.

P.S.

Так написано о событиях, которые произошли в тот день. Предания донесли, что разговор всё же был между римским офицером и Иисусом, в момент следования на казнь. Если же они произошли немного иначе, то всё равно Христос не оттолкнёт никого, кто искренне обратится к нему, потому что пришёл для нас и умер за грехи каждого из нас. Аминь.

11.11.02г.

Незнакомец.

- Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною.

(Откр.3:20)

*

*

*

Приближалась Пасха Иудейская. Всё мужское население Иудеи, начало собираться в Иерусалиме, чтобы очиститься перед праздником, а потом и участвовать в нём. Толпы людей всё шли и шли, со всех отдалённых городов и селений страны. Сам наместник Иудеи Понтий Пилат прибыл в столицу из своей летней резиденции, расположенной на берегу Великого моря. По его приказу была усилена охрана всех городских ворот с тем, чтобы в город не проникли восставшие zeloty или секарии, как чаще их звали в народе, и не пронесли бы с собой оружие. Legionеры, стоявшие у ворот, тщательно осматривали всех входящих мужчин и проверяли всю поклажу, которую везли на повозках и ослах. Римские власти боялись, что при большом скоплении людей в одном городе, опять смогут возникнуть волнения, как это было уже не раз. Весь гарнизон города нёс усиленную охрану, стараясь предотвратить любые поползновения против римского владычества.

Незнакомец, путаясь в головной платок-куфи, подошёл к Иерусалиму с восточной стороны. Он, долго не думая, пристроился к каравану, который медленно входил в город через Восточные ворота. Золотые и серебряные колокольчики, надетые на толстые шеи верблюдов-дромадеров, громко звенели, распространяя по всей округе радостную весть, о своём прибытии. Этот незнакомец что-то вполголоса сказал одному из погонщиков и, кинув ему монету, тут же скрылся в одной из повозок, находящейся рядом с караваном. Тот же в свою очередь, закидал его соломой и постарался сдвинуть тюки так, чтобы скрыть лежащего на дне повозки человека.

Этот незнакомец предпринял все попытки, чтобы не попасть в руки римских воинов. Ему нежелательно вообще было с ними встречаться, из-за того, что считался государственным преступником. Его разыскивали римские власти, за убийство офицера и двух legionеров, которое он совершил, защищая себя, свой дом и своих ближних. Он встретил с оружием тех, кто тоже пришёл в его дом, с тем же. Тогда его сопротивление солдатам, хаотично переросло в восстание и его поддержали родственники, друзья и соседи. Но их первая победа была не долгой, пришедшие на помощь римские когорты, быстро и самое главное умело подавили восстание бедноты. Он тогда успел скрыться, хотя его долго преследовали и гнали по узким улочкам Иерусалима. Его не смогли догнать, но запомнили лицо и то, как прекрасно владел римским мечом. И вот сейчас, он опять пытается проникнуть в столицу Иудеи, чтобы снова попытаться сделать то, что не удалось в тот раз. Все его приятели-галилеяне, должны были также по одному или по двое, проникнуть в Иерусалим, чтобы помочь в осуществлении задуманного плана восстания. Он сражался против Рима, его война была против кесаря, который

нарушил его покой и отобрал всё, что имел, и что досталось по наследству от родителей. Лишившись всего, что он имел, изменилась и вся его жизнь. Весь свой смысл жизни и единственную цель, он видел в сопротивлении и ненависти Риму. Он верил в Бога-Яхве, он любил своих рано ушедших из жизни родителей и благодаря своей няне, он сохранил память о них. Незнакомец любил и обожал свою страну, которая дала ему богатство и славу, и готов был умереть за Бога и Иудею. Никогда он не разделял Бога и страну, для него это было единое целое, монолит, который уже существовал много веков. В его жилах текла кровь древнего княжеского рода, и он знал своих предков, вплоть до царствования великого царя Давида.

И вот теперь он, представитель княжеского рода и царского колена, должен был пробираться тайком в свой любимый и родной город. Где когда-то имел большой дом, много слуг, вёл большую торговлю по всей территории Империи. Всего этого он лишился из-за доноса, по которому его обвинили в том, что он поддерживал восставших zelотов и закупает для них оружие. Его большой дом был отобран и стал собственностью императора, слуги и рабы, были сосланы на галеры, всё богатство и товары, отошли Риму, а сам был вынужден скрываться, как беглый раб. Оставшиеся деньги и склады с товаром, которые находились во многих приобретённых портовых городах Империи, он превратил в золото, чтобы использовать в своей войне против Рима. Эта ненависть, стала его страстью, которая заполняла всё его сердце и отодвинула веру в Единый и Всемогущий Яхве, и изменила всю его жизнь. Он много лет посвятил себя изучению и познанию римского могущества и власти изнутри, живя в самом же Риме. В этом центре и скоплении всех языческих богов, всевозможного греха и беззакония, который существовал во всём мире. Он брал уроки фехтования у лучших преподавателей и не раз, участвовал в гладиаторских боях, под вымышленным именем - Самсон. И побеждал, потому что по праву, был самый лучший, но не из-за того, что мастерски владел мечом, а то, что ненависть к римскому орлу, давала возможность доказать своё превосходство. Он узнавал Рим, чтобы победить его же оружием. И видел, и понимал, что Рим утопает в роскоши, и пресыщается самым утончённым развратом. Это был железный колосс на глиняных ногах, всё ещё сильный, но не тот, времён Цезаря и Помпея. Рим, был «Вавилоном» римской эпохи, час которого ещё не пробил.

Караван под звон колокольчиков и гортанных криков погонщиков, медленно и спокойно входил в город. Римские воины, уставшие от дневной жары и ежеминутного мелькания людей перед их глазами, бегло осмотрели весь караван. Когда же им предложили вино, которое было специально приготовлено для них в дар, то охранники и вовсе перестали обращать внимание. Так незнакомец без особых усилий и приключений, пробрался в город и как только, повозка, в которой он прятался, удалилась на безопасное расстояние от ворот, он вылез из-под тюков и растворился в наступающих сумерках. Караван следовал в караван-сарай, а путь незнакомца лежал совершенно в другую сторону.

В этот же день, но через другие ворота, под общие крики хвалы и прославления, въехал Иисус на осле. Люди стелили пальмовые листья и свои одежды, признавая в Нём Царя Израилева и Пророка. Таким образом, два совершенно разных человека, две разные судьбы и жизни, при разных обстоятельствах вошли в город Им вскоре суждено будет встретиться, чтобы Одному из них умереть, а другому ожить.

Незнакомец пришёл к дому расположенный в южной части города и по условному знаку вошёл вовнутрь здания. Там его уже ждали многие из его друзей-галилеян. В этом доме они договорились встретиться и именно в этом доме, они прятали своё оружие, которое было доставлено в город другими людьми. Они готовились к бунту со всей тщательностью и предосторожностью, учитывая все прежние ошибки предыдущих восстаний. Их было немного, которые объединились вокруг своего предводителя, наследника княжеской крови. Но это были самые отчаянные молодые люди, которые горели решительным и яростным огнём ненависти к Риму. Каждый из них желал покончить с владычеством язычников над ними и освободить свою страну от рабства. Эта единая цель и объединяла их в этом сговоре, сближала их души и сердца, в едином порыве умереть, но добиться если не для себя, то для других, свободы. Именно свобода была их единственной целью и смыслом всей их жизни. Они жаждали физической свободы, совершенно не догадываясь о том, что есть некто, Который пришёл спасти всех людей и в том числе, этих юношей. Всех их объединяло желание жить и иметь единое, и свободное царство, в котором будут находиться только они, избранный Богом-Саваофом - народ Израиля. Но не догадывались, что для них приготовлен чудесный Божий мир, Царство славы и вечной радости. И путь туда лежал через Человека, сильного в слове и деле, объявившего всему Израилю, что Он истинно Сын Божий!

Впервые незнакомец услышал о Пророке, Который творит великие чудеса в Иудеи, когда прибыл из Рима. В караване, который направлялся до Гивы и где находился незнакомец, он и узнал об Иисусе Христе. Он уже на протяжении двух лет ходит по всей Иудеи и возвещает о том, чтобы люди покались, потому что Царство Божие уже приблизилось. Христос, как чаще называют Его люди, творит дела, которые никто до Него не делал, исцелял прокажённых, изгонял бесов и возвращал зрение слепым. Однажды Он накормил пятью хлебами тысячи людей и всюду, где бы ни был, проповедует Евангелие Небес, которое якобы передал Ему, наш Отец Небесный. Народ жаждал сделать Его своим царём, но Он ушёл от людей, чем изумил и удивил весь народ. Назарянин или как чаще называли Его - Учитель, говорил о каком-то непонятном Царстве, в котором будут находиться те, кто примет Его слово и уверует, что Он посланец от Всевышнего Бога.

Незнакомец, услышав о таких событиях, которые произошли в момент его отсутствия, проникнулся огромным интересом к личности Иисуса из Назарета. Он долго расспрашивал караванщиков обо всём, что они знали и могли слышать о действиях этого удивительного Человека. Эти рассказы очень заинтересовали незнакомца, и он почувствовал какую-то тягу к Назарянину, хотя ещё не видел и тем более не слышал Его. Он мечтал

встретить человека, который смог бы объединить весь народ, для освободительной войны против римлян. И его сердце вспыхнуло радостью, когда услышал, что народ назвал своим царём, этого Назарянина, творившего великие и чудные дела. Но в одночасье испытал разочарование, что Он не возглавил народ и не призвал Израиля сбросить иго захватчиков. Незнакомец, не понаслышке знал и видел мощь Римской империи, и считал, что, только ведя по всей территории партизанскую войну, можно претендовать на кратковременный успех. И только мечом, а не словом, внезапной атакой, а не проповедью, можно уничтожить своего врага. Так он думал и считал, не зная главного, что Царство Божие, это не земная страна с её царьками и армией, а нечто большее, которое даётся только через веру. Он хотел свободы для себя и своего народа, но надеялся больше на себя, чем на Своего Бога. Незнакомец не отвергал Яхве, но и не мог поверить пророкам, обещавшим в своё время Израилю Спасителя Царя!

Первый раз он увидел Иисуса Назаря в храме, когда тот находился в притворе Соломоновом, в окружении множества книжных учителей и фарисеев. Незнакомец появился там не просто из любопытства, любящий свою страну и знающий её закон, он как праведный иудей, пришёл принести свою жертву Яхве. Он хотел испросить благословения у Бога на освободительную войну против врага. Но увидев в Храме Назарянина, совершенно забыл, зачем пришёл сюда. Взглянув, он сразу понял, что это и есть Тот Человек, о Котором ему когда-то говорили, потому что Он выделялся среди всех, окружавших Его людей. Назарянин выделялся не ростом и физической силой, а от Него исходила сила, которая была невидима глазом, но ощутима душой и разумом. Его особая стать, Его голос, каждое сказанное Им слово, поведение, было каким-то особенным. При первом же взгляде на Него, незнакомец сразу же понял, что это и есть тот Человек, Который смог бы повести за Собой весь народ. Он, знавший многих высокопоставленных особ в Империи, мгновенно определил в Назаряnine, качества и черты характера, принадлежавшие только Царю. Только уверенный в себе и знающий свою силу, власть и могущество, мог вести себя подобным образом, как вёл Себя Назарянин. Незнакомец всё это уловил сразу, не спрашивая Его и не вступая в диалог, потому что сам, будучи из княжеского рода, в кругу своих слуг и рабов, он вёл себя также. Невозможно скрыть свою принадлежность к Высшей власти, и незнакомец не понимал, почему Назарянин отрёкся от трона, который хотел предложить Ему народ? Весь народ пошёл бы за Ним, он, сделал бы Его своим Царём и они, тогда бы точно победили Рим. Почему же Он отказался от этого? – думал незнакомец и внимательно вслушивался в каждое слово, сказанное Царём. Он отметил сильный и волевой голос, и также подметил, что умом и знанием, тягаться с Ним никто не смог бы. Но главное, что незнакомец увидел и открыл в Нём, это Его особая чистота, которая читалась в мыслях, была видна в поведении и Его речи. От этого открытия, его сердце затрепетало в осуждении, внезапно проснувшаяся совесть, которую он уже давно похоронил, стала открывать в нём, всю ничтожность его прожитой жизни. Ему стало не по себе, от того, что увидел действительно достойного Человека, Который мог бы стать

Царём. Стыд, краской выступивший на лице, от того, что чистота, исходящая от Назарянина, осудила его образ жизни, которую вёл он. Это жизнь без Бога, без закона и очищения от греха ненависти, которая сжигала его изнутри. Ненависть к Риму и его господству, изменила всю его жизнь, его мысли, чувства и переживания. И он сейчас испытал желание изменить себя и всю свою жизнь. Но это желание, навеянное чистотой и святостью Назарянина, было кратковременно, потому что его сердце было опутано холодной ненавистью, которая подобна змее, отравляла его душу и жизнь. Буквально на миг слёзы горького сожаления проступили на слезах, но он не дал им пролиться, он не позволил показать свою слабость перед стоящими рядом с ним людьми. Тут же проснувшаяся ненависть, разбуженная совестью, осушила его слёзы и сделала своё чёрное дело, вернув ему прежнее сознание. Он будет сражаться, он будет продолжать своё задуманное предприятие, чего бы ему это не стоило, эта мысль, нисшедшая из глубин сердца, заглушила внезапно проснувшуюся в нём совесть. И незнакомец с сожалением посмотрел на Назарянина, Который, не смотря на Свой скромный хитон, выглядел как настоящий Царь. Он и не сомневался в том, что Назарянин мог быть царём, колена Иудино из которого происходит царский род, был один из самых нищих и слабых в Израиле на данное время. Да и на троне восседавший Ирод, не был из поколения Давидова, за которым Бог оставил право наследовать трон, это тоже знал незнакомец. Возможно, кровь великого царя Давида, течёт в жилах Этого Человека, вот почему он и разглядел в Нём уверенность в Своих действиях и почувствовал силу, исходящую из Его слов. С большим сожалением он покинул территорию Храма, хотя его сердце тревожно билось и толкало его снова туда, к тому Человеку, чтобы ещё раз побыть рядом с чистотой и святостью. Побывать рядом с Человеком, Который действительно мог бы стать Царём...

На протяжении последующих дней, незнакомец был как не свой, он путался в мыслях, словах и делах. Образ Назарянина никак не выходил у него из головы. Он всё время, снова и снова возвращался к той неожиданной встрече с Ним в Храме. И при этом, он тут же, чувствовал уколы совести, которые напоминали ему о той жизни, которую вёл. Друзья видели его состояние, но не мешали ему, давая возможность разобраться самому в своих собственных чувствах. Видение царя в простых одеждах неумолимо стояло в его глазах. Его лицо, которое он запомнил, было, таким приветливым и напоминало ему, о том ощущении, которое он когда-то испытывал, но, к сожалению, давно забыл. И только сейчас, прокручивая в своей памяти встречу с Назарянином, он вспомнил, что такое любящее лицо он всегда видел у своей матери. Любовь всегда исходила из материнских рук, глаз, слов и именно это, излучало лицо Иисуса Назарея! Незнакомца поражало это сходство и при этом удивляло, что мужское лицо способно выражать подобные чувства. Он всегда считал, что кроме мужества, силы воли и духа, на мужских лицах, другого не должно ничего быть. Но как он ошибался! В лице Назарянина сочеталась гармония любви и крепости духа и ему, как представителю аристократии, это хорошо было видно. Незнакомец по наитию понимал, что это не просто человек и не простой выходец из народа.

Но при этом и терялся в своих догадках, кто, же мог быть на самом деле Он? Ему казалось, что он стоит у порога какой-то неизвестной ему тайны, но не мог пока понять, как её раскрыть. Где ему найти ключ к отгадке, чтобы открыть потайную дверь и переступив порог, собственными глазами увидеть то, что было от него скрыто.

Эти несколько дней пролетели, словно в тумане, Суббота уже приблизилась, а значит и час восстания настал. Но он практически не участвовал в приготовлении переворота, его друзья-галилеяне сами готовили всё необходимое и только ждали от него условленного сигнала. Незнакомец не мог долго сидеть на одном месте и ходил по улочкам Иерусалима. Он хотел избежать встречи с Назарянином, но, тем не менее, душа подспудно искала Его. Это было удивительно для него, и он не понимал одного, почему подобное происходит с ним. Разум отвергал и боялся встречи с Ним, а душа и сердце искали Его. Наступила Пятница, канун перед Субботой, этот день был великий для иудеев. Незнакомец был отрешён от всех праздничных приготовлений, в которых принимала участие жители и гости Иерусалима. Он весь был погружён в свои мысли и старался понять, что же так затронуло его, при встрече с Назарянином. Какая сила, изошедшая из Его слов, произвела переворот в его душе? Что же за невидимая рука, смогла затронуть его самое сокровенное место и нажать на невидимую пружину, которая издавала болезненный стон внутри его сердца, при одном только упоминании о Нём? Так бродил он с подобным хаосом мыслей по городу, в надежде, на что...да он и сам не мог понять себя, что нужно было сейчас ему.

Однажды утром, во время подобных размышлений, когда он бродил по улицам, незнакомец услышал, что Великого Пророка из Назарета осудили на казнь. И что Он, вместе с двумя захваченными зелотами, которых, он мог знать наверняка, умертвят позорной смертью на кресте. Незнакомец был сражён этой услышанной вестью, он и не мог подумать, что Пророк мог представлять страшную угрозу Риму, раз Его решили казнить как преступника перед Империей. Только сейчас, когда, услышав, что Назарянина сегодня казнят, он понял, как, оказывается, хочет снова увидеть Его, чтобы узнать... а что же он мог спросить у Него? За что Его приговорили к смерти или же, почему Он отрёкся от земной славы? Незнакомец сам ещё не решил, что его больше волновало, но услышанное известие, подтолкнуло его снова встретиться с Иисусом. И он почти побежал, по ходу узнавая, где и когда состоится публичная казнь, над не состоявшимся в его мыслях Царём.

Иисуса, отягощённого крестом, вели по той узкой улочке, которая впоследствии войдёт в историю всего мира, как последний путь или путь Скорбей Иисуса Христа. Изнемогая под тяжестью Собственного креста, обливаясь кровью и потом, Он шаг за шагом, отмерял Свой путь по Виа Долороса. Тысячи глаз подозрительно смотрели на Него, Который оживил Лазаря, накормил хлебами тысячи, исцелил сотни больных и одержимых. Тот, Который творил милостыню, Сам теперь нуждался в ней. Другие же тысячи, со скорбью, болью и слезами, провожали Того, Кто вложил в их сердца мир, исцелил больные души и даровал счастье приобретённой новой

жизни. Но были и такие, которые ещё метались, не могли понять, кто, же лично для них, этот Человек? Какое место Он занимает в этих сердцах и одним из таких людей, как раз и был, кстати, незнакомец. А он как раз шёл по пятам, за шедшим чуть впереди него Назарянином и никак не мог встретиться взглядом с Ним. Но через некоторое время произошла заминка, вызванная падением Иисуса, и тогда незнакомцу удалось обойти упавшего с крестом Христа, и солдат, что стояли вокруг, защищая арестованного от людей, со всех сторон, рвавшихся к Нему. Теперь незнакомец был впереди Назарянина и мог не только увидеть, но и даже задать Ему вопрос, который хотел. Когда же Иисус был готов снова нести Свой крест и продолжить путь, незнакомец вдруг увидел табличку, висевшую у Него на шее. И увидев, что было написано на ней, он остолбенел. На трёх официальных языках: арамейском, греческом и римском языках, было начертано: «Иисус Назарей Царь Иудейский». Незнакомец, конечно, знал греческий и умел читать ромейский текст, и поэтому свободно прочитал на всех трёх языках, одно и то же. Испарина выступила у него на лбу, от того, что он прочитал. Мысли лихорадочно, обгоняя друг друга, закружились в его голове, так значит Он действительно Царь?! И он не ошибался в своих рассуждениях, когда рассматривал Его. Это действительно наш царь как гласит закон и власть, предавшая Его на смерть, - думал незнакомец.

Иисус всё также медленно, неся Свой крест, прошёл мимо него, люди, двинувшиеся следом, чуть не сбили его с ног. Ему теперь необходимо было время, чтобы определиться, что нужно предпринять в этой ужасной суматохе. Первая мысль, которая посетила его, это отбить у солдат Царя. Но он трезво понимал, что фактически один он этого не сможет сделать, да и времени как раз у него совсем не было. Когда же незнакомца охватил первый порыв, он тут же вспомнил, что Назарянин, уже один раз отрёкся от царской власти, которую Ему предлагали. Да и захочет ли Он снова её? Незнакомец знал ответ, который мог бы сорваться с уст Иисуса. «Так за что же Он всё же должен был умереть?», - усиленно думал Незнакомец и напряжённо смотрел в ту сторону, куда пошёл Иисус. Их разделяло сотни и сотни людей, всех влекло к Нему, Который шёл умирать на Голгофе за этот мир. Незнакомец вспомнил, что Он говорил тогда, в Храме о том, что должен вскоре умереть и воскреснуть! Назарянин предсказывал о Своей смерти, как о событии уже решённом и неизменным. Когда Он говорил тогда о своей смерти, Его голос не дрожал, и не было никакого сомнения, ни в Его поведении, ни в тоне голоса. Незнакомец только сейчас понял, когда слова Иисуса сбылись о Его смерти, что он видит перед собой Пророка, Который знал своё будущее и знал час своей смерти. Это открытие заставило совсем по-другому посмотреть на все происходящие события и, конечно же, на Иисуса, Который кротко и смиренно вёл Себя. Весь мир признал его царём, а теперь вдобавок, Он ещё и Пророк, наделённый особыми полномочиями от Бога. Эти мысли буквально ошеломили незнакомца, и он совсем по-другому увидел Иисуса, не так как думал и видел ранее. Вся ненависть, гнездившаяся в сердце, исчезла куда-то, он уже не хотел войны, кроткий вид Царя и Пророка сразил его. И ему вдруг показалось, что именно весь Израиль был представлен этим

Человеком, тащившим из последних сил крест на Себе, на котором и должен был умереть. Эту смерть он предсказал, а значит, предсказал и своё будущее, и будущее всего мира?! Небесное царство, о котором он столько говорил, непременно наступит! Незнакомец забыл в эту минуту откровения обо всём на свете. Свет истины коснулся этого сердца, и душа его радостно затрепетала. Она воскресла от того, что рядом с ней прошёл Бог, Который явился в этот мир, чтобы взять грехи всего мира и, конечно же, этой самой души, желавшей теперь узнать истину. Он теперь хотел лишь одного, снова услышать речь Назарянина, но это было уже невозможно. Но не поздно сделать ещё то, к чему призывал Назарянин, это признать Его, как своего Царя и Пророка, сошедшего с небес! Эта вера возрождённой души, полностью вытеснила ненависть и зажгла в нём новую надежду. И он знал, что может сделать, чтобы привлечь к себе внимание Назарянина, которое он когда-то игнорировал. Однажды незнакомец умирал от жажды, когда шёл один в пустыне и какой-то тоже одинокий путник спас его жизнь, подарив глоток воды. И он сделает это, он даст глоток живительной влаги, как знак своего признания и смирения перед Ним, Царём Иудейским. Это решение подтолкнуло незнакомца к активным действиям, и он рванулся вперёд, чтобы сделать то, что жаждала его душа. Кто-то из людей оставил на дороге кувшин с водой, словно предлагал помочь не кому ни будь, а именно Христу. Поэтому незнакомец прямо на ходу прихватил его и машинально кинул свой кошель на то место, где стоял кувшин, чтобы никто не обвинил его в краже, и побежал дальше. Он почти догонял ушедшего вперёд Назарянина, проталкиваясь между идущими по улочке людьми. Они как будто понимали и знали, что он хочет сделать, и куда бежит. И поэтому расступались перед ним, давая ему дорогу. Незнакомец не помнил, где и у кого взял деревянную чашку, чтобы налить в неё воды, он держал её наготове, чтобы тут же плеснуть туда воду.

Перед самым выходом из города, у городских ворот, Иисус вновь упал. Подняться Он был уже не в силах. Благодаря этой возникшей заминке, незнакомец настиг Иисуса Назарянина. Он наконец-то нашёл своего Царя, перед Которым хотел преклонить свои колени и голову. Римский воин, охранявший Иисуса, бил ногой упавшего Царя, а наклонившийся центурион, что-то говорил Ему в лицо. Волна жалости охватила незнакомца и плеснув в чашку воды, он молниеносно кинулся к своему Царю, изнывавшему от жажды. Но он смог лишь только поднести к устам полулежащего Иисуса чашку воды, как центурион, стоявший рядом, выбил ногой деревянную ёмкость из рук незнакомца. Легионер тут же пришёл на помощь своему офицеру и древком копья сбил с ног подбежавшего незнакомца. Он упал на свою собственную воду, пролитую на древние иерусалимские камни. В падении незнакомец увидел глаза Иисуса, и их взгляд буквально на короткий миг встретился. Но именно в эти мгновенья, он и понял всё! Тем спасителем, подарившим ему глоток воды, а потом внезапно исчезнувшим и был Он! Это был Иисус Назарянин, а ему казалось, что это всего лишь было видение. Одного мгновенья было достаточно, чтобы понять ему, что Царь знал его всегда и ждал. Он ждал от него ответного шага, Он ждал признания и

принятие Его. И уже лежа на камнях, в пыли, незнакомец виноватым взглядом смотрел на Иисуса, своего Спасителя и Царя, молчаливо извиняясь, что не донёс до Него ни капли воды.

Но для Иисуса важно было признание, которое изошло от сердца этого человека. Потому что он жаждал спасти каждую душу, возжелавшую прийти к своей тихой гавани, находящейся только в объятиях Бога. Придёт время, наступит час, когда Дух, сошедший с небес, изольёт Свою благодать на каждого незнакомца, поверившему Евангелию и открывшего своё сердце для истины. А чьё сердце услышало призыв Бога и открыло двери свои, там Иисус построит обитель Свою, чтобы подарить этой душе жизнь вечную. Аминь.

10.09.04г.

Симон Кириянин.

- Я возвещаю от начала, что будет в конце, и от древних времён то, что ещё не сделалось, говорю: Мой совет, и всё, что Мне угодно Я сделаю.

(Ис.46:10)

*

*

*

Предрассветное утро опускалось над Иудейской землёй, освещая один из самых знатных и древних городов Палестины. Этим городом был Иерусалим, жемчужина ближнего востока, который знаменитый царь Давид, когда-то сделал своей столицей. В этом же городе находился, признанным одним из семи чудес света в архитектурном строении - Храм Соломона. Но уже к описываемым событиям, храм не имел такого великолепия, которое имел в эпоху великих царей Израиля. Иерусалим был участником многих великих событий и по плану Бога, именно этот город, стоящий на Сионе, стал последним земным пристанищем Иисуса Христа. Этот избранный от начала веков земной Сион стал центром, где столкнулись в решающей поединке тьма и Свет. И именно здесь, Бог должен поставить Свою последнюю точку над многовековым планом спасения и вынести свой вердикт.

Город, ранним утром распахивал свои объятя, встречал спешащих людей, которые входили и въезжали со всех концов мира. Наступала Пятница, канун перед Субботой и те, кто ночевал у городских стен, получили право первыми войти в город. У каждого вошедшего были свои важные дела и планы, которые они спешили успеть сделать перед праздником. Но они ещё не знали, что через несколько часов все их дела поблекнут и отойдут на второй план, а, то и вообще изменятся. Потому что настанет время, о котором говорили и писали пророки, и вещал сам Иисус Назарей. Пробьёт час, когда должно исполниться всякая правда и умереть Сыну Человеческому, исполняя волю Своего Отца. И люди собственными руками, ослеплённые ненавистью к Свету и истине, прибьют к кресту самого Сына Божьего. Иерусалим, который не раз уже видел, как убивают пророков, станет на этот раз молчаливым свидетелем всего Скорбного пути и крестной смерти Христа. Все жители увидят славу Сына Божьего и станут очевидцами величайших событий мира.

Симон возвращался со своего поля, где и провёл всю ночь. Он мастерил ограду, которая нуждалась в ремонте, чтобы сохранить свой урожай от нежелательных гостей. И опоздавший с вечера попасть в город, так как находился в удалении от него, он остался ночевать в шалаше, на своём участке поля. С тем, чтобы назавтра уже закончить свою работу и пораньше прийти домой, ещё успеть приготовиться к Празднику. Это был тихий и уравновешенный человек, занимавшийся сельским хозяйством, чтобы прокормить себя, жену и двух маленьких детей. Рабов они не имели, поэтому и был вынужден сам ходить на поле, и присматривать за своим урожаем. Пшеница уже заколосилась, и колос полнел, вбирая в себя тепло солнечных лучей. Симон торопился сделать всю работу, он спешил домой к жене и своим сыновьям Александру и Руфу, которых очень любил. Он не видел их уже больше суток и скучал по ним, семья для него была второй родиной, которую любил без памяти. Окинув в последний

раз своё поле и всю проделанную работу, которую он успел сделать, повеселевший Симон, быстрым шагом направился к Иерусалиму. Он ещё не знал, что Создатель избрал его Симона, за кроткий нрав и любовь к семье, стать последним человеком, кто рука об руку пройдёт весь скорбный путь с Сыном Божьим. Симон не только сопровождает Христа на Его Голгофу, но и понесёт на себе Его крест и положит своё сердце, и свою душу у ног распятого Иисуса Христа. Планы Божии, это далеко идущие и уместающие только в Божьем разуме действия, которые никогда невозможно постичь человеку.

Симон спешил, ещё не зная, что сегодня его жизнь кардинально изменится и что именно сегодня, он своими глазами увидит Того, Которого весь Израиль ожидает на протяжении столетий. Он будет идти рядом с обещанным Богом ранее Мессией, и Его Святая кровь будет на нём, как залог его будущего спасения. Ещё перед входом в Иерусалим, Симон вдруг ощутил, что в городе что-то произошло. У городских ворот практически не было людей и возбуждённые стражники, тревожно бросали свои взгляды вглубь города. Создавалось впечатление, что они что-то знали и ожидали. Симон без всяких помех прошёл через городские ворота. Его это очень удивило, потому что римские воины всегда, придирчиво обыскивали входящих в город, опасаясь секариев. Они в свою очередь, даже не посмотрели в его в сторону, сосредоточенно куда-то всматриваясь, и напряжённо разговаривая между собой. Он медленно пошёл по узким, знакомым ему улочкам, неся на себе свой рабочий инструмент, всё ещё опасаясь, что стражники, окрикнут его. Симон шёл и думал о том, какой урожай он соберёт, чтобы хватило денег рассчитаться с долгами и приобрести всё самое необходимое для семьи. С удивлением и недоумением он заметил, что люди, а особенно женщины, все куда-то спешат, обгоняя его при этом. День приближался к двенадцати часам по римскому исчислению. Порабощённая Иудея обязана была жить не только по римским законам, но и по римскому календарю. Пройдя ещё некоторое расстояние, Симон наткнулся на толпу, стоящих на повороте улицы. Еврейские женщины, которых было большинство, тихо голосили и тогда Симон сообразил, что сейчас должны провести по этой улице преступников, ведущих на казнь. В больших городах, как обычно это всегда практиковалось, потому что смертный приговор в отношении того или иного преступника, исполнялся всегда за стенами города, на специальном холме. При этом власти, подобными мероприятиями проводили устрашение в назидание другим, желающим выступить против власти.

Симон решил остаться, чтобы посмотреть, кто же на этот раз будет, и кого поведут по городу. Он всё равно не мог пройти к своему дому, а толкаться среди женщин, которых на его удивление было много, он не хотел. При этом в глубине своего сердца Симон, вдруг испытал чувство беспокойства, весёлое настроение, которое у него до этого было, внезапно улетучилось. И вместо радости и лёгкости от наступающего праздника, он ощутил какую-то тяжесть на душе, словно кто-то, невидимый придавил

его сверху, к тому самому месту, где он сейчас находился. Симон из-за этого, даже немного ссутулился, но легче ему не стало. Вдруг он услышал крики и мимо него прошли двое преступников, несущих на себе поперечные балки от крестов, орудие их смерти, на которых они и должны были вскоре умереть. Каждый гражданин римской империи знал, что всякий, кто несёт на себе крест, орудие своей смерти, тем самым признаёт себя виновным в содеянном преступлении против законной и существующей власти. Несмотря на то, что преступники уже прошли к месту своей казни, люди не расходились, словно они ещё кого-то ждали...

По отдельным отрывкам разговоров, Симон услышал, что должны сейчас провести Иисуса Назаряя, Великого Пророка, творившего небывалые до этого чудеса в Иудее. Его осудил синедрион, через наместника Понтия Пилата и приговорили к позорной смерти, зато, что Он назвал Себя Сыном Поднебесного. Симон слышал об этом Пророке не раз, но никогда не видел, находясь постоянно в работе, которая практически забирала всё его время. Он также слышал о чудесах, которые сотворил этот Человек, особенно много разговоров и споров было по поводу воскресшего из мёртвых Лазаря. В народе было много споров о Нём, кем же Он на самом деле мог быть. Одни считали его за Мессию, другие же в свою очередь говорили, что Он один из греческих шарлатанов, которых много бродило по белому свету. Симон для себя так и не сделал никакого выбора, кем же Он мог быть на самом-то деле и может только поэтому остался, чтобы посмотреть на Него воочию. Пока он так думал, внезапно шум и крики усилились, и все люди подались вперёд.

Назарянин появился неожиданно. Он шел, еле переставляя ноги, согнувшись под тяжестью Собственного целого креста, который нёс на плечах. Его со всех сторон окружали вооружённые легионеры. Они постоянно торопили и подталкивали Его, и при этом, отбивали руки тянувшихся к Нему людей, стоящих вдоль улицы, по которой Он шёл. Такого зрелища, которое представилось сейчас ему, Симон ещё не видел. Избитый и весь окровавленный Человек из последних сил тянул Своё Собственное орудие смерти на Себе. Плачь и крики, одновременно возникшие, слились в один общий гул. Симон растерялся от увиденного, будучи сам по себе мягким человеком, он не ожидал такого зрелища и решил уйти, чтобы не видеть подобное. Но его ноги налились свинцом и не повиновались ему. Плетущийся под тяжестью Назарянин, совершенно обессиленный упал на уличные камни, и мгновенно образовалась свалка, в которой невозможно было что-либо разобрать. Возле упавшего Иисуса, сразу же сгрудились воины и ещё откуда-то взявшиеся люди. Кто-то их охранников Назарянина, преграждал путь рванувшихся женщин к лежащему Иисусу, а центурион в это время бил Его коротким бичом, заставляя подняться. Выскочивший из толпы мужчина, одетый как римский солдат, в несколько прыжков оказался рядом с лежащим Назарянином. В его руках была плошка с водой, которую он хотел поднести к запекшим губам Иисуса. Но ему не дали исполнить желаемого,

так как был тут же, сбит легионерами с ног и отброшен в сторону на людей, толпящихся кругом. Невозможно было определить, сколько продолжалась подобная неразбериха, но все события прокручивались столь стремительно, что Симон просто не в состоянии был понимать всего происходящего. Заминка послужила тому, что великое множество людей со всех сторон потянулась к тому месту, где лежал упавший Христос, придавленный тяжёлым крестом. В это время римский офицер, возглавлявший данную процессию на белом коне, заметив, что передвижение третьего преступника приостановилось, тут же возвратился назад. Быстро подъехав, он стал издавать резкие и отрывочные команды, пытаясь взять инициативу в собственные руки. Сразу же, подчинившись приказам, двое солдат стали отвязывать крест со спины, всё ещё лежащего Иисуса, а двое других, уже поднимали Его на ноги. Симон краем глаза увидел, как этот же самый офицер, указывает на него рукой и что-то приказал своим воинам. От страха у Симона внезапно подкосились ноги и, уронив свой инструмент, он едва успел сделать всего пару шагов назад, как тут же был крепко схвачен римскими солдатами. Симон не мог понять, что от него хотят эти язычники и за что они схватили его. Но один из схвативших его воинов, на арамейском языке крикнул ему в лицо: «Бери Его крест и тащи на себе!» Только теперь он понял, что хотят от него солдаты и громко закричал, обращаясь к офицеру: «Я ничего плохого не сделал! Я же не преступник, чтобы на себе тащить чужой крест?!» Другой же легионер, в ответ лишь ударил его бичом, силой заставляя поднять лежащий на уличных камнях крест Назарянина. Он же в свою очередь стоял, ни на что, абсолютно не реагируя, пошатываясь из стороны в сторону. Офицер, наведя порядок, махнул легионерам рукой, отдавая им, приказание двигаться быстрее и умчался вперёд. Воины подтолкнули копьями Иисуса, Который пошёл в указанное Ему направление, а Симон двинулся вслед за Ним, с Его роковой ношей. Но Назарянин не хотел просто так идти и всеми, оставшимися силами, старался в Свою очередь помочь несчастному еврею. Тем самым Он хотел показать, что это только Его крест, на котором только Он имеет право умереть и больше никто из людей. Назарянин то и дело спотыкался, ноги совершенно не слушались Его, несколько раз Он падал. Симон, видя мучения Назарянина, одной рукой удерживал крест, а другой, поднимал Его. Он был уже измазан кровью Назарянина, когда Тот в Свою очередь пытался помочь ему и соприкасался с ним. Но Симон не замечал этого, всё его внимание было сейчас обращено на Него, на Того, Кто был в данный момент рядом с ним. Воины постоянно в процессе пути издевались над Царём Иудейским, так было написано на табличке, висевшей на Его груди. Время от времени, воины стегали Иисуса бичом, подгоняя Его ускорить Свой шаг. Симон же в свою очередь, уже смирился с тем, что его выбрали нести крест ослабевшего преступника. Но за короткое время, проведённое с этим Царём Иудейским, как гласил написанный приговор, он уже стал сомневаться в истинности объявленного приговора. Множество людей, стоявших вдоль дороги, по которой они все шли, протягивали свои руки к

Окровавленному человеку, при этом обращались к Нему, как к Богу, восклицая: «Господи! Господи Иисус!!» Женщины рыдали, многие из них стояли на коленях, провожая в последний путь Сына Человеческого. Симон притих под крестом, вначале от стыда и страха, теперь же от того, что происходило вокруг них сейчас. Он осознавал, что этот Человек сейчас должен умереть и старался рассмотреть Его лицо. Человек же должен был в Свою очередь умереть как преступник, но при этом старался помочь Симону и снять с него это презрение. Ни одного ругательства, ни одного злого выкрика не сорвалось с уст этого Человека, чья голова в насмешку над Ним, была увенчана терновым венцом. И только одно единственное слово он слышал, которое срывалось с Его уст: «Адонай!! Адонай!! Адонай!!» Пристыженный Симон, старался изо всех сил тащить не только крест, но и Его иссечённого и избитого так, что, ни одного живого места не было на теле Человека, обвиненного в подстрекательстве против существующей власти. Римские же воины в свою очередь продолжали глумиться по-всякому над Иисусом, для них это была лишь очередная забава, чтобы наказать ещё одного появившегося из ниоткуда новоиспечённого царя. Для Симона это было мучение, видя, что все жители Иерусалима скорбят и плачут по своему Господу, свои собственные слёзы застилали глаза. Каждая любящая и умеющая любить душа, чувствует несправедливость и боль, в отношении всякого человека, невинно оскорблённого и или униженного, и старается воздать ей должное. Это и есть тот принцип действия любви, это характер, который принадлежит только Богу. Так и Симон уже не помнил, что кричал от страха совсем недавно, когда его заставляли нести крест Иисуса. Но только сейчас он увидел и отчётливо понял, что этот Человек – невиновен! Поэтому старался помочь в том малом, что мог сейчас сделать для Него, это поддержать и принять на себя часть тех ударов, которые постоянно сыпались на Иисуса Назарянина. Смирение и кротость, но никак не страх видел Симон в глазах Иисуса. Его поразило то, что он видел в них, это полное отсутствие страха, гнева и ненависти! Симон был поражён увиденным и думал, как же это может быть, что этот Человек совершенно не боится смерти? Для любого человека одно упоминание о смерти, это уже предел ужаса, который он может испытать. Эта мысль не давала Симону покоя, потому что на его глазах был Тот, Который не ведал никакого страха. Вдруг Симон понял, что Он знает для чего и зачем это делает, и поэтому не боится умереть. Не боится смерти, поэтому нет страха, нет ужаса в Его глазах, нет ненависти и зла! «Простому, грешному человеку это не под силу, - с благоговейным страхом уже думал Симон, - так неужели это Он, о Ком писали пророки? А те чудеса, о которых он столько слышал, действительно дело Его рук?» Симон уже не сомневался, что это так и есть. Увидев собственными очами и услышав всё, что происходит вокруг, когда Назарянина вели на Голгофу, где должен был умереть в утеху тем, кто так и не поверил Ему, он отдал своё сердце Пророку. Для него Назарянин был Великий Пророк, Который не сделал ничего такого, за что Он должен был умереть

позорной смертью. В глазах этого Человека, Симон увидел отражение вечности, которое в корне изменило его отношение к будущему, к тому, что оно есть и этот Человек знает его. Со слезами на глазах, Симон тащил большой крест, а Иисус шёл за ним, вернее уже плёлся из последних сил. С каждым шагом силы оставляли Его, и Он отставал от идущего Симона всё дальше, и дальше.

У городских ворот произошла ещё одна, непредвиденная остановка. Назарянин снова упал и в этот момент к Нему, подбежала женщина, и присев возле Него, стала вытирать Его лицо платком. Легионеры, охранявшие Иисуса, каждый занимался своим делом, а вернее, оттаскивали и отталкивали людей, рвущихся к упавшему Мессии, и не заметили, что женщина находится рядом с Иисусом. Симон остановился и, переводя дыхание, в пол оборота смотрел на них. Женщина плача, и что-то быстро говоря Христу, вытирала Его лицо от крови и пота, своим платком, мокрым от слёз. От увиденной картины, сердце сжалось у Симона и ему вместе с этой женщиной, захотелось припасть к Его ногам, и просить у Него прощения, зато что, не поверил в Него раньше. Просить за то, что раньше не признал в Нём Мессию, обещанного Богом Израилю. Просить за то, что считал Его преступником и боялся Его, просить за народ, что убивает Посланца с Небес. Женщина продолжала плакать и целовала Ему руки, которые она держала в своих руках. Она помогла подняться с земли Царю, приговорённого к смерти, собственным народом и Он лишь благодарно посмотрел на неё, не в силах что-либо сказать ей. Симон заметил, что Иисус кивком головы поблагодарил её, женщину, которая не побоялась оказать Ему помощь. Все эти события вложились в десятки секунд, но Симону показалось, что происходящее растянулось на минуты. Время, которое подчинено лишь Богу, перестало здесь существовать и её границы, были сдвинуты, чтобы он ощутил на себе, действие вечности и жизни, которая находилась в Назарянине. Та вечная жизнь, ради которой Он сошёл с небес, чтобы даровать всякому принимающему Его и верующего в Пославшего Его. Небесная благодать, пребывающая на том самом месте, скрывала женщину, делаая её невидимой для солдат, и она же коснулась сердца Симона. Коснулась, чтобы очистить и освободить от прошлой, греховной жизни без Бога. Покаяние родилось в его душе, слёзы раскаивания полились из глаз Симона и он, опустив свою голову, по-мужски, скупно плакал. Он признал в Нём Христа, он признал в Нём самого Бога, способного прощать и любить так, как это может делать только Бог. Этих несколько секунд хватило Симону увидеть Живого Бога, понять свою ничтожность перед Святым и Великим, идущим на свою смерть. Это признание помогла ему сделать женщина, которая изливала свою любовь и нежность, вытирая лицо и целуя окровавленные руки Христа. Этих секунд хватило, чтобы душа Симона переродилась от находящего рядом с ним Бога, и теперь принадлежать только Ему одному. Только Бог решает кому и где, и самое главное, когда, родиться человеческой душе от животворящего Духа Божьего, чтобы воссоединиться с вечной жизнью.

Солдаты, наконец-то спохватились и, увидев женщину, грубо оттолкнули её от Иисуса Назарянина и, восстановив порядок, вновь двинулись. Эта процессия, омытая слезами, двинулась, чтобы теперь уже остановиться только на Голгофе. На холме, почти на самой её возвышенности Иисус упал в последний раз и больше не поднялся. Римская охрана, выставленная на холме, пинками и ударами копий, а кое-где и бичами, заставляли ползти Господа по сотворённой Им земле, чтобы лечь на свой крест. Симон к тому времени уже сбросил свою ношу, где-то на середине холма, где ему указали легионеры. Как раз между двумя лежащими деревянными крестами, на которых уже прибывали приговоренных, и стал в стороне. Он смотрел как окровавленный Мессия ползёт к своему орудию смерти, чтобы собственноручно подставить Свои руки для ржавых гвоздей, на котором должен умереть во спасение многих. Чтобы пострадать Самому, но дать жизнь многим, чтобы умереть один раз и вернуться вновь, но уже в другом качестве, как задумал Творец всего живого. Симон стоял в толпе людей и плакал, в его сердце родившаяся любовь от Бога, наполняла и заполняла его душу, делая соучастником Божьих скорбей.

Римские солдаты быстро и деловито распяли Христа или Царя Иудейского, как было написано на табличке, находящейся над Его головой. Словно каждый день распинают Живого Бог и вознесли Его крест над землёй. Его подняли над землёй, как и говорил он Своему народу, которого призовет к Себе. Симон смотрел на крест, на котором висел его Спаситель, толпа, принявшая в себя последнего, кто был рядом с Богом, улюлюкала и плакала одновременно. Людская ненависть и любовь, вперемешку находилась вокруг Симона, делая и его участником переживаний этой толпы. Симон был в ней, но он, как и другие тысячи, принявших Христа и уверовавших в Него, не принадлежали этой толпе и не были во тьме. Они были от Бога, они родились от Света и принадлежали только Свету, и любовь в их сердцах, снизошла от Него. Симон донёс эту любовь, которую дали ему Небеса, до сердец своих детей Александра и Руфа, сделав их наследниками обетования и спасения. Открыл им мир Бога, который раскрылся в Иисусе Христе и в Котором, исполнились все пророчества, оставленные Израилю для ожидания своего Мессии. Любовь, сошедшая свыше в сердце Симона, перешла в сердце его сыновей, сделав их учениками Христа и распространителями Евангелия.

И весь мир узнал о том, что смерть Христа и Его воскресение, это исполнившийся план спасения человечества и благодать, и милость, опустилась с Небес в Духе Святом изошедшим от Иисуса Христа.

26.09.04г.

Вероника.

- Всё, что даёт Мне Отец, ко Мне приходит, и
приходящего ко Мне не изгоню вон.

(Иоан.6:37)

*

*

*

...Зарождался новый день в Иудее. Он обещал преподнести очень важные события, которые повлияют на жизнь многих людей, и отразится даже на будущем Иерусалима. Почти все жители города знали, что именно сегодня будут судить Иисуса из Назарета, Который называл Себя во всеуслышание Сыном Всевышнего. Это событие уже отразилось на наступающем дне, зловещая тишина охватила весь город, как предвестник страшных событий. Им суждено исполниться, как предсказывали пророки, спустя несколько часов.

В Иерусалиме наступило Пасхальное утро. Жители встречали Пасху в кругу своих семей, и только в одном доме не горела минора, и не было пасхальной трапезы. Это был дом Вероники. Она была молодой женщиной, но жила одна. Ни семьи, ни детей у неё не было, да и не могло быть, из-за её профессии. Она сладко потягивалась после ночного сна, утренняя прохлада её тербила, заставляла избавляться от сладостного дрёма. Она была одной из тех, кто не знал о событиях, происшедших этой ночью. Для неё все дни в последнее время сплелись в одно целое. Её ремесло, которым занималась Вероника, заставляло забывать обо всём, что её окружает и не обращать ни на что внимания. Эта работа определяла весь её смысл, это была её жизнь, полная плотского наслаждения и удовольствия. Она уже давно не ходила в Храм, она уже давно не обращалась к Богу Израиля и не исповедовала свои грехи. Для неё праздник Пасхи, был очередным днём удовлетворения и богатого заработка. Её нынешнее существование, полностью отвергло всё-то прошлое, с которым была когда-то связана Вероника. Она росла в благопристойной и благочестивой иудейской семье, почитающей Моисея и пророков. Родители очень любили маленькую Веронику, потому что она была одна в семье и для них, она была спасением. У них долго не было детей, и они уже сами считали это Божьим наказанием за их какие-то грехи. И когда уже оба вступили в эпоху золотого возраста, Бог неожиданно благословил их девочкой, которая по обоюдному согласию была названа Вероникой. С родителями Вероника постоянно посещала Храм и стоя в женской половине, вместе со своей матерью, любовалась его величием, и предавалась благоговейным мечтаниям. Но её родители рано умерли, и Вероника осталась совсем одна, в этом жестоком и несправедливом мире. Она познакомилась с бедностью и лишениями, испытала голод, и столкнулась с ненавистью людей. Бог наградил Веронику удивительной красотой, что и стало для неё предметом зависти и зла. Очень долго Вероника сопротивлялась жизни и всем её трудностям, пока, не поддавшись уговорам своей соседки-куртизанки, стала на путь разврата и соблазна. Преодолевая отвращение, она стала дарить за золото, своё прекрасное девичье тело и красоту. Её соседка была слишком старой, чтобы самой заниматься этой работой и на первых порах, помогала ей познавать все «прелести профессии». Не будем говорить

о том, терзала ли её совесть от такого занятия, мы просто этого не знаем, а знает лишь один только Бог.

Прохладное утро обещало перейти в жаркий день. Вероника, дыша воздухом, стояла во внутреннем дворике своего дома, наслаждаясь одиночеством и тишиной. Как вдруг, она услышала странный шум и разговор множества людей на улице. Наскоро одевшись, она решила выйти и посмотреть из праздного любопытства, что произошло, и откуда появился в это утро, подозрительный шум на улице города. Она жила недалеко от дворца Первосвященника Каиафы и не испытывала от этого никаких неудобств. Порок и закон, прекрасно уживались на одной узкой улочке и ладили между собой, сохраняя границы своих владений. Поэтому, когда она вышла на улицу Иерусалима, в первую очередь она увидела возбуждённых людей, сновавших возле дворца Первосвященника. Стоявшие по близости люди, обсуждали на все лады перипетии суда над Иисусом Назарянином, который учинил Ему синедрион. Вероника, не смотря на свой обособленный образ жизни, тем не менее, не раз и не два, слышала о Пророке из Назарета. И что Он объявился в Галилее и творил небывалые чудеса и знамения силой Бога-Отца. Он называл Себя Сыном Божиим и был благодетелем для нищих, больных и калек, яростно обличал всех фарисеев и законников страны. Она слышала всё это, но особо не вникала в подобные истории, безразличие было её спутницей жизни, которую ненавидела. Её вера в Живого Бога иссякла, когда встала на путь порока и поэтому, просто не могла поверить в кого-то, Кто пришёл спасти Израиль. Тем более знала, что для неё нет никакого спасения и прощения, потому что, то ремесло, которым она занималась, поставила на самую низшую ступень человеческого общества. Закон её страны приравнивал к проказе, которая побивалась камнями и Вероника, считала себя прокажённой и изгоем всего общества. По Моисееву закону, её подлежало побить камнями, но, те же начальники, которые были призваны хранить закон, не редко обращались к ней, за плотскими услугами. Вот так и жила Вероника, совершенно одна, презираемая всеми иудеями, подчиняясь лишь греху похоти, который умело, манипулировал людьми. Душа её спряталась в собственную раковину обиды от собственного бессилия изменить, что-либо в своей жизни. Она мечтала о семье и детях как всякая женщина, но не могла иметь, ни того ни другого. И поэтому всё дальше и всё глубже погружалась в грех, переходя на ночной образ жизни, чтобы не видеть людей и их осуждающие взгляды. Все услышанные новости об Иисусе, не находили отклика в её сердце, находящимся в страшной темнице греха.

Услышав, что этот Иисус из Назарета, о Котором столько говорила вся Иудея, находится уже в Иерусалиме и предстанет сейчас перед судом римского прокуратора Пилата. С наместником Иудеи, Вероника была хорошо и близко знакома. Этот римский аристократ, очень любил устраивать пьяные оргии, а красивые женщины, были всегда украшением этих гульбищ. Поэтому, скорее, из любопытства, чем из-за желания что-то узнать, Вероника, не зная, куда себя деть в это утро, позволила себя вовлечь в толпу народа, движущая к претории. Где и должен был состояться суд над

Назарянином, когда Его приведут в свою очередь от царя Ирода. Её праздное любопытство, подкреплённое чувством удивления к судьбе этого Незнакомца из Галилеи, родило в ней желание посмотреть на Него. Ей всё же было непонятно, за что могут осудить этого Человека, если Он творил только добро и исцелял людей? Может быть, Он совершил какое-либо преступление, которое открылось совсем недавно, если сам наместник Иудеи должен вынести приговор? От всех этих мыслей, на душе было как-то смутно и её праздничное утреннее настроение, стало меняться на беспокойство. Сердце у Вероники ещё от рождения было добрым и любвеобильным, и каждый раз страдало, когда видела издевательства, и страдания других. Она сама прошла через многое и старалась всегда помочь в беде и горе другим. Вероника умела разбираться в людях, этому научила её жизнь и профессия.

Иисус мешал многим в этой стране: духовенству, которое лишалось монополии на веру, знати, да и самой власти, которая и вела Его на суд.

Подталкиваемая чисто женским любопытством, она шла в преторию, которая располагалась в Крепости Антония, чтобы своими глазами лицезреть, это странное судилище. Её дом, где она принимала своих гостей, находился как раз на дороге между дворцом первосвященника и Преторией. Идя вместе со всеми, она из толпы выделялась своим нарядом блудницы. Но это ей не мешало общаться и вступать в разговоры. Возбуждённые люди, обсуждавшие происходящие события, не обращали на неё никакого внимания. Все были поглощены предстоящим судом и зрелищем. Она слышала разговоры в толпе, одни говорили, что Он – Пророк, обещанный Израилю Богом. Другие же, что Он настоящий безумец и обманщик. Но все эти разговоры не особо трогали Веронику, потому что она совершенно охладела к Богу и к тем обетованиям, которыми когда-то в прошлом жили её родители. И лишь один разговор, вернее беседа двух женщин, вдруг, особому запал в её душу. Разговаривавшие между собой женщины, некоторое время шли рядом с ней и поэтому, она стала невольно их слушательницей. Веронике не надо было прислушиваться и ловить каждое слово, женщины говорили громко, и каждое сказанное слово она хорошо слышала, словно это для неё они приготовили свой рассказ. Женщины говорили о том, что Иисус из Назарета, Которого сейчас будут судить, однажды спас в Храме от расправы блудницу. Её притащили на площадь для суда фарисеи, чтобы на глазах Назарянина придать смерти, как того велит Моисеев закон. Но, однако же, Иисус, не только противостоял законникам и фарисеям, но и сумел защитить её, а затем и спасти от смерти, которая уже в виде разъярённой толпы, поднявшей камни, зависла над её головой. Самое же главное, что запомнила хорошо Вероника и именно это, и запало ей в душу, что Иисус, не только не осудил блудницу, но и простил все её грехи. Он как Посланник Бога, имел на Себе подобные полномочия и власть так поступать. Сын Божий отпустил тогда пострадавшую женщину с миром, и при этом ничего от неё не взяв. Благодарная Господу, эта блудница впоследствии стала Его самой преданной ученицей, следовавшей за Ним по пятам везде, где бы Он ни был. Этот смелый поступок Иисуса понравился Веронике и ещё больше возбудил в ней интерес к этому Человеку. Особенно

после услышанного разговора, веронику поразило изменение той куртизанки, которую спас Назарянин. Она шла и размышляла о том, как могла она вырваться из страшных лап той жизни, из которой Веронике никак не удавалось выбраться или же, всё дело в Человеке, Иисусе из Назарета? Ей очень захотелось увидеть Его, особенно после услышанного и посмотреть в глаза, если удастся, чтобы самой убедиться, кто же Он есть на самом-то деле? Она могла читать по глазам и знала то, что глаза не могут лгать. Этот случай с блудницей не выходил из её головы, он крепко засел в её сердце и с болью в душе, размышляла о случившемся. Ведь и её жизнь ничем не отличалась от той, которую спас тот Человек. Кто мог бы так же заступиться за неё, случись друг с ней такая неприятность? Кто, не побрезговав стал бы на пути смерти, преградив ей дорогу от камней, кто же? И где гарантия, что и её не поволокут под крики людей на камни, ради подтверждения своей власти и исполнения закона? Этого она не могла знать, но ждала помощи, только от кого?.. С этими мыслями она подошла к претории и ожидая Его, стояла чуть в стороне от входа, утомившись от проделанного пути. Она стояла и думала об услышанном, все эти известия зародили в ней переживания и новая волна эмоций заполнила её душа. Она очень давно мечтала порвать с этой порочной жизнью, но как это сделать и что она будет делать потом, она этого не знала и не понимала. Но эта мечта уже давно сидела в её душе и только нужен был определённый свыше час и событие, что полностью перевернёт всю её душу и сознание. И эта неизвестно откуда взявшая тревога, сейчас наполняла её сердце и душу, словно что-то обязательно должно произойти то, что в дальнейшем сможет отразиться на её жизни. И потому она стояла и думала, и ждала, когда же Его приведут.

...Раздались крики: «Иисуса Назарея ведут!! Иисуса ведут...». Толпа расступилась, давая дорогу идущей охране и первосвященникам и Вероника внезапно увидела этого Человека. Он шёл в окружении римских воинов и был одет в багряные одежды, придававшие Ему особую, царскую значимость, как будто кто-то хотел посмеяться над Ним. Несколько легионеров окружало Его и изредка подталкивая тупым концом копья, когда считали, что Он слишком медленно идёт, а при этом громко, каждый раз смеялись. Веронике показалось, что с её глазами что-то случилось. И внезапно, она увидела яркий, ослепивший её свет, исходящий от лица Назарянина. От неожиданности, она невольно прикрыла свои глаза ладонью и продолжала смотреть на Него, сквозь пальцы. Почему-то лицо этого Человека притягивало к Себе, и она не смогла бы отвести своих глаз, даже если б и захотела. Но Вероника и не думала отводить, и всматриваясь в Его лицо, пыталась увидеть нечто, что поможет ей дать ответ на мучивший её вопрос. Она видела свет, исходящий из Его глаз, от чего у неё создавалось странное ощущение, которое внезапно заполнило её сердце. И оно, совокупи с нарастающим волнением и тревогой, полностью заполнили всё её сознание. На какое-то мгновение, на какой-то миг, Вероника вдруг представила, что на месте той куртизанки, получившую жизнь из рук Иисуса, была она. Ей так хотелось, чтобы хоть кто-то защитил и пожалел её, предложил свою помощь, о которой она всегда мечтала. Уставшая от той жизни, в которую её ввела

нищета и голод, да соседка куртизанка, она жаждала душевного покоя и мира, как и та женщина, стоявшая в кругу обвинителей, желавших её смерти. Истосковавшаяся по чистоте её душа, вся наполненная болью, тоской и печалью, на мгновение открыло ей тайное желание, скрытое от людей, но никак не от Бога. В глазах этого Человека, Вероника не могла не увидеть любовь вперемешку со скорбью, которая могла дать ей надежду на счастье и покой. Она увидела и почувствовала святость, исходящую от Него, вернее ощутила своей душой, потому что ей было стыдно стоять с Ним и смотреть на Него. Она ещё никогда не ощущала и не видела такой святости, которой обладал этот Назарянин или Пророк, как Его ещё называли. Она может быть впервые испытывала стыд, от того, что она, падшая, смотрит на Него. Она тонула в океане божественной любви, которой были наполнены эти глаза. Когда Он, в окружении римских воинов проходил мимо неё, она обратила внимание, что Его лицо было совершенно спокойным. И Он не обращал внимания на удары, на грубое отношение к Себе солдат и злые выкрики из толпы. Весь вид выражал покорность и кротость к тем, кто вёл Его по этой дороге, полной унижений, обид и боли.

- Как овца, ведён был Он на заклание, и, как агнец пред стригущими его безгласен, так Он не отверзал уст своих, - воскликнул перед ней, стоящий мужчина и опустившись на колени заплакал. Вероника вздрогнула, услышав это древнее пророчество, которое не раз и не два, слышала, будучи маленькой. Она позабыло обо всём, суровая жизнь заставила влезть в собственную скорлупу, чтобы выжить и продолжать существовать в этом жестком мире. Она забыла эти пророчества и услышанные ею слова, вывели её из охватившего оцепенения. «Как и за что можно судить этого Человека?», - думала она и кричала её душа. Она поняла, вернее женское сердце ей подсказало, что Он не мог сделать ничего такого, за что Его следовало бы судить. Человек имеющий любовь в глазах, не способен ни на какое зло. Все эти мысли рождались в её сознание и бередили душу, которая была больна и страдала. И ей вдруг почудилось, что сама Святость и Любовь идут рука об руку по дороге и что, их вместе, ведут на позорное судилище. Как ей испытавшей в своей жизни, душевный голод на настоящую любовь и святость, принять, что этого Человека необходимо судить? Всё это было ей непонятно, и она просто растерялась, не понимая того, что происходит на самом-то деле. А люди всё шли и шли, заполняя пространство, многие кричали и размахивали руками, кто-то плакал, называя Его своим Учителем и Господом, и Вероника, охваченная новыми чувствами, что разбудил в ней проходящий Назарянин, пошла вместе со всеми, вталкиваясь на площадь перед преторией.

... Пилат стоял на крытой галерее, возвышаясь перед всей массой народа, собравшейся перед зданием претории. Чуть в стороне от него стоял Иисус, в окружении двух легионеров, державших Его за руки. Вероника стояла очень далеко от того места, где был Пилат и почти, не слышала слов, что он говорил, а протиснуться вперёд не могла. Люди стояли плотной, монолитной стеной и поэтому всякое движение приводило толпу в действие. В толпе было много первосвященников, фарисеев и книжников, что

выделялись своей одеждой и поведением. Они яростно кричали и размахивали своими руками, требуя немедленно смерти Назарянина. Голова Вероники стала болеть от шума, она с трудом воспринимала происходящее. Её сердце вдруг затрепетало и стало сжиматься от боли, от предчувствия беды. Она поймала себя на мысли, что переживает за этого Человека, Иисуса, Пророка из Назарета, её сердце горело, видя всё, что происходит с Ним. Она переживала за Того, Кто спас куртизанку от смерти, увидев в ней себя...

Суд начался, что говорил Пилат, Вероника не могла слышать, стоял шум и многие люди говорили, перебивали то Пилата, то друг друга. Но всё же отдельные фразы долетали до её слуха, но только в том случае, когда толпа умолкала на некоторое время. Люди стояли плотно и как бы Вероника не хотела протиснуться вперёд, это ей не удавалось. Она могла видеть происходящий суд, лишь стоя на цыпочках, поверх голов. Первосвященники требовали от Пилата осудить Назарянина на смерть и нападали на наместника, который всячески противился. Вероника это видела и понимала, всё происходило как в немом театре, и очень хотела помочь Ему, Который спас от смерти и позора куртизанку. Для Вероники, та спасённая женщина была сродни собственному спасению. Она увидела надежду для себя, но пока ещё не понимала, как реализовать эту надежду. Она видела по лицам, что все требуют Его смерти, но за что? «За то, что Он исцелял и прощал грехи, и поступал, и делал, как настоящий Пророк, со времён Самуила» - думала она, вглядываясь, в лица, исполненные злобой и ненавистью, что окружали её.

Вдруг, все разом закричали: «Варавву, Варавву! Отпусти Варавву!». Она уже понимала, что Его, её последнюю надежду на спасение, предадут смерти, как этого хочет стоящий народ, так хотят эти люди, пышущие злобой. С этими криками, она теряла всякую надежду и возможность встретиться с Ним.

Прошло ещё некоторое время. Привели Варавву, который поднял восстание против Рима. Вероника не знала его лично, но была наслышана о его «подвигах». Она увидела, что Пилат вновь обратился к народу, показывая рукой на стоявших сзади него связанных людей. Он должен был отпустить одного из приговорённых к смерти, согласно иудейскому закону и традиции. Что говорил Пилат и что он предлагал, она не могла услышать, в её глазах стояли слёзы, а удары бешено стучавшегося сердца, отдавались в висках. Её руки судорожно сжимали одежду, показывая собственное бессилие, что-либо сделать. Она хотела кричать и не могла, она хотела помочь, как это делала всегда и не могла. И снова раздались крики: «Варавву, Варавву!». Эти крики придали ей сил, и она ринулась вперёд, чтобы хоть как-то помочь Назарянину. Но вероника смогла лишь протиснуться через несколько человек и наткнулась на неприступные спины кричащих фарисеев: «Распни Его, распни...».

Раздались радостные крики, это Варавва был отпущен и его, как героя, чуть ли не на руках, толпа понесла к выходу. Стоящий народ задвигался и Веронику отбросило в сторону, прижав к воротам. Она в надежде глянула туда, где должен был стоять Тот, ради Которого и пришла сюда. Но Его уже не было, не видно было и Пилата, но народ, всё ещё стоял и не расходился,

ожидавая вынесения приговора. Ждала и Вероника, потому что Пилат всё ещё не дал своего согласия на смерть Праведника. Эти минуты ожидания тянулись так долго, что Веронике показалось, что она здесь уже находится целый день. Ей захотелось пить, жара, пыль и большое скопление народа, возбудило в ней, нестерпимую жажду. Но Вероника и не думала уходить, духовная жажда, потребность в живительной воде, была более требовательней. Она ждала и её сердце подсказывало, что сейчас решится судьба назарянина.

Наконец, Его привели со внутреннего двора претории. В наброшенном на окровавленные плечи, красным солдатском плащом. Он предстал перед всем народом. На голове, венок, из-под которого сочилась кровь, стекая по лбу и щекам. Вероника видела, что Он еле стоит, Его голова была опущена, всё тело было иссечено и в крови. Он был избит жестоко, по римским законам, которые неукоснительно соблюдались в порабощённых провинциях. Вероника знала, что римские воины умеют бить, она видела однажды, как засекли на смерть одного иудея, проявившего неуважение по отношению к власти. Она молча плакала и слёзы, стекавшие из её глаз, говорили, что она страдает от той боли, которую, только что перенёс Он. Первосвященники и фарисеи в один голос требовали Его смерти. Пилат сидел на каменном помосте, где обычно всегда вершил свой суд и выносил приговор. Вероника видела, как подошедший слуга принёс ему медный таз, в котором, наместник умыл свои руки и вытирая их полотенцем, громко сказал:

- Я омываю руки от крови этого Праведника.

Но продолжение, она не услышала, толпа пришла в движение и стала ещё более яростно кричать: «Распни Его, распни!!». Веронике хотелось быть рядом с этим Человеком, Которого до этого не знала, но успела принять за спасённую куртизанку. Она стремилась к Нему, Который защищал и спасал, давал надежду и любовь. Вероника страстно желала припасть к Его ногам и целовать край Его хитона, и просить прощения за свою никчёмную жизнь, которую вела вопреки воли родителей. Она уже верила, что, коснувшись Его, она прикоснётся к своему спасению. И откуда появилась такая уверенность и желание, она не могла знать, да и сейчас об этом и не думала. И только её сознание и дух толкал к этому шагу, под действием чувств, что родились в ней, после того, что она узнала и увидела Пророка. Судилище закончилось, воины уводили Иисуса, а народ стал расходиться, довольный тем, что произошло и приговор был справедливо вынесен. Вероника знала, что ей надо предпринять. Её сердце горело решимостью сделать то, что она задумала. Она понимала, что у неё есть только одна последняя возможность, когда она могла увидеть Иисуса и прикоснуться к Нему. И Вероника бросилась к восточным воротам, через которые должны были повести Иисуса на Голгофу. По узким Иерусалимским улочкам, по самому короткому пути, известному только ей одной, она бросилась бегом к своей цели. Её профессия отложила на ней особый отпечаток и потому она знала, все тайны этих улочек, по которым ей пришлось не раз пройти. Она спешила к воротам, чтобы опередить траурную процессию, которая должна была выйти из

претории. Вероника стремилась сделать то, на что не всякий бы решился в данную минуту, она не опасалась за свою жизнь, попросту забыв о ней, а желала помериться силами с римской властью.

Она пришла к воротам, значительно раньше вышедших из претории похоронной команды с тремя приговорёнными к смертной казни. Вероника потеряла счёт времени, которое сейчас для неё, просто не существовало. Она желала только одного, это получить спасение из рук Назаря, как и та женщина-куртизанка и потому поставила всё на свою встречу с Иисусом. Рядом с ней стояли простые люди, которые уже слышали и знали, Кого ведут на казнь за городские ворота. Люди всё прибывали и пребывали, их становилось так много, что все стояли, тесня друг друга у ворот и вероника начала волноваться, что она не сумеет протиснуться опять к Нему. И поэтому она отошла от ворот, чуть вперёд, на встречу легионерам, что должны были уже выйти из-за поворота узенькой улочки. В этот час в домах Иерусалима никто не находился, все жители столицы вышли на улицы, чтобы увидеть, как ведут на казнь Сына Божьего и Человеческого, и по возможности стать очевидцами невероятных событий.

...Шум, гул и крики, сопровождавшие на всём пути Иисуса Христа, нарастали и Вероника, услышав их приближение, внутренне вся напряглась. Для неё настало время откровения, когда она должна была сделать свой выбор и решиться сделать то, что она задумала ещё тогда, когда стояла на площади у претории. И вот показалась процессия. Римские воины осаживали людей, стоявших вдоль улочки, по которой и вели осуждённых на смерть, легионеров было много, и они окружали преступников плотным строем. Первым ехал в жеребце центурион, за ним шли воины из городского гарнизона, составлявшую охрану, за ними похоронная команда и двое из приговорённых к казни, несшие на себе свои собственные орудия смерти. На них никто не обращал внимания, все ждали оно, ради Которого, жители города стояли в уличной пыли, желая видеть Великого Пророка. Которого ещё совсем недавно встречали как своего Царя и Спасителя, воздавая хвалу Богу Израилева и Пророку из Назарета, а сегодня Ему уже вынесли смертный приговор и ведут на смертный холм. Жители ждали чуда, который должен был сделать Тот, что воскресил мёртвого Лазаря, пролежавшего в гробу четыре дня и называл Себя Сыном живого Бога. Вероника смотрела в ту сторону, откуда должен был выйти её Спаситель. И неожиданно для всех, первым показался незнакомец, согнувшийся под тяжестью готового деревянного креста. За ним снова шли легионеры, что окружили плотным кольцом Назарянина и копиями удерживали кричащих и рвущихся к Нему людей. Многие женщины протягивали руки, желавшие коснуться Иисуса, другие же стояли на коленях и громко рыдали. Были же и те, кто злобно посылал проклятья и в бессильно злобе трясли кулаками над своими головами. Легионеры, охранявшие Иисуса Христа, внимательно смотрели за народом и никого не подпускали к Нему. Иисус же с трудом переступал ногами, табличка, что висела на его шее с названием преступления, моталась во все стороны. Он то и дело оступался, оставляя за Собой кровавые следы, по всему пути следования по улочкам Иерусалима. Он походил на человека,

который совершенно не понимает, где находится и что с Ним происходит, Его внешний вид был ужасен. Но это, лишь казалось со стороны, на самом же деле, всё было намного иначе. И Вероника — это остро почувствовала, когда увидела Иисуса в таком состоянии и громко закричала от нахлынувшего на неё горя. Она кричала от боли, что сидела в глубине её души, она кричала от того, что это был единственный шанс, чтобы встретится с Ним, с Тем, Кто дарил Свою любовь, всем кто обращался к Нему. Иисус запрокидывал голову, которая отягощённая «царским венком», постоянно клонилась вниз. Свежая кровь из ран, появившихся на голове от колючек венца, что протыкали кожу всякий раз, когда Он падал на землю и ударялся, текла по всему лицу и телу. И сам Он весь, походил на кровавую жертву, возлежавшую на жертвенном алтаре. Его вид никак не выдавал в Нём Царя Иудейского, как было написано на табличке и уж тем более на Сына Божьего. Вероника этого не замечала, слёзы градом катились по её лицу, последний раз, она так горько плакала, когда одновременно умерли её родители, оставив её совершенно одну. Но она в своём горе была не одинока в этот день, плач стоял по всему крестному пути Христа. Вдруг, Иисус споткнувшись упал на колени, не доходя буквально нескольких метров до Вероники. Он упирался в землю руками и силился подняться силы совершенно оставили Его и сразу же со всех сторон, потянулись к Нему руки. И солдаты стали отбивать протянутые руки у окровавленному Царю. А Иисус же, подняв Свою голову, обрамлённую кровавым венком, произнёс:

- Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и детях ваших...

Эти сказанные и услышанные Вероникой слова, подстегнули её желание прорваться к Нему, они послужили дополнительной мотивацией к принятию данного решения. Её страх перед воинами и их оружием улетучился, она никого не замечала кроме Иисуса и видела лишь Его и Его скорбь, боль, которую прореживал, Тот, Кто пришёл спасти людей. И поддавшись единому порыву, плачущая Вероника прорвалась сквозь солдат и мокрым от слёз платком стала вытирать лицо своему Иисусу. Она стирала грязь, кровь пыль и пот с Его кровавого лба, щёк и смотрела Ему в лицо, стараясь запомнить Его надолго. Никто не помешал ей, солдаты увлеклись тем, что отбивались от людей, стремящихся со всех сторон к Иисусу, а остальные воины, просто спасовали перед этим благородным порывом. Только любящее сердце смогло сделать то, что сделала Вероника. Она оттирала лицо Божьего Сына, чтобы небесный свет исходящий от Его лица, продолжал излучать Свет жизни и надежды для каждого уверовавшего и стремящегося сердца к Нему, к своему последнему источнику веры и счастья. Иисус всё также стоял на коленях и благородно смотрел на женщину и только улыбался своими окровавленными губами. Он ничего ей не сказал и только Его глаза открыли ей, всю глубину прощения, любви и благодарности к женщине, глубоко павшей и забывшей своего Бога и закон, но не побоявшейся в открытую прийти и исповедовать Его на глазах всей римской власти. Его руки прижали ладони Вероники, когда она вытирала Ему лицо и она почувствовала тепло, исходящее из этих пальцев, что сжимали её. И это тепло струилось по её рукам и неудержимо бежало по нервным окончаниям к

сердцу, к «святая святых» телесного храма, чтобы разрушить и уничтожить стену преткновеня, и поставить новый краеугольный камень веры. Бог читал сердце Вероники, и Иисус на мгновение, что дано было Ему свыше, увидел в её глазах покаяние и жажду спасения, которое и было ей даровано, как пришедшей к своему Учителю и Господу. Веронике вдруг представила на секунду, что как будто это она стояла тогда, в кругу желающих её смерти и Иисус закрыл её своим телом, спасая от приближающей гибели. Это видение, пронесшегося мгновения для неё было естественным и реальным, как и реальное присутствие рядом с ней Иисуса Назарянина. И Иисус улыбнулся ей Своей усталой улыбкой и с печалью посмотрел на плачущую и счастливую женщину, получившей из рук самого Господа своё спасение. Вероника помогла подняться Ему с колен, всё также не отрывая своих рук от Его лица. И тут же, словно очнувшись от транса, воины разом кинулись и отбросили в сторону женщину от Иисуса, и подталкивая копьями повели Его к тому месту, где и должна закончиться Его земная жизнь и начаться небесная. А Вероника стояла и смотрела в спину уходящему своему Учителю и Господу, она была уже тиха и спокойна. Встреча происшедшая по воле Бога состоялась и открыла ей, теперь новый и ранее неизвестный мир, в котором живёт и царствует неземная любовь. Не та любовь, которая продаётся и покупается, а любовь чистая, незапятнанная и сошедшая с Небес. Она только сейчас поняла, вернее сердце ей открыло, что обещанный Израилю Мессия уже пришёл, а люди так и не увидели это и не приняли Его. Она прочитала это в благодарном взгляде уставших и посеревших от боли глазах Иисуса. Отражение любви в Его глазах, невозможно было не увидеть, и она искушённая в этих вопросах, сразу же поняла, что это не простой Назарянин, а Тот, Кто дарует радость и надежду и что-то ещё больше. В Его мимолётном взгляде она прочитала, что с Его смертью, она не будет теперь одна и что уже прежняя жизнь ей не нужна, да она и не сможет к ней вернуться, после того, как побывала в руках Святого Пророка или Мессии. И у неё была уверенность, что Он вскоре вернётся за всеми, кто поверил и принял Его, увидев в Нём своего Учителя и Господа. От него исходила уверенность и надежда, и только Он давал жизнь вечную, о которой говорил всё это время. И Вероника уже верила и знала всем своим сердцем и душой, что это именно и есть тот обещанный Христос или Мессия, о Котором писали пророки и говорил закон, обещаая спасение всему Израилю.

Кассиус.

- Ибо псы окружили Меня, скопище злых обступило Меня, пронзили руки Мои и ноги Мои... (Пс.21:17)

...Кресты – это всегда знак смерти. Они мрачно стояли и возвышались на холме, имевшего название Голгофа и были видны издалека. И любой человек, кто обращал на них внимание, прекрасно понимал, что это означает и для чего они здесь. И стояли они грозно и напоминали всем о том, что они всегда служат орудием только для казни. На том месте, где они стояли, устремившись в небо, царила смерть. И она управляла людьми находящимся возле крестов, она же и висела вместе с распятыми, на тех же самых крестах. Это был её час, час её зловещего напоминания о том, что именно она всегда реальна и существует. Но это было лишь временное её торжество. Потому что, по Божьему замыслу, смерть уже будет побеждена на этом холме воскресением. А значит жизнью. Жизнь будет свидетельствовать о Боге; так должно быть и так будет.

... Заканчивался по римскому исчислению шестой час дня. Распяты на крестах висели уже несколько часов, а людей было ещё много, весь холм, где ещё можно было стоять, был усеян народом. В основном, это были женщины и нищие, но самой верхушке холма на площадке, вместе с римскими воинами были первосвященники и фарисеи. Легионеры оцепили кресты с распятыми на них людьми и не подпускали к ним народ. Гул стоял от множества голосов, а женщины, стоявшие в этой толпе, проливали слёзы. Это плакали иерусалимские женщины по своему Господу, Который находился на кресте. Римский легионер Кассиус стоял в оцеплении, сдерживая своим копьём напиравшую толпу. Он много раз принимал участие в казнях, но эта, превзошла все, что он до этого видел и в которых принимал участие. Такого количества людей он ещё не видел никогда, такого сочетания любви и ненависти, слёз и злобы, по отношению к одному Человеку он ещё не встречал. Он понимал уже. Что Человек висевший на центральном кресте, не совсем простой. Многие из стоявших, называли Его Христом, чаще Учителем и Господом, но большая часть людей, - Царём Иудейским! И все воины Иерусалимского гарнизона, также в усмешку называли Его Царём. Но Кассиус видел, что именно Этот Человек и был особым объектом внимания, всех людей, находящихся здесь. И что Он был особым Человеком, исходя из того внимания, которое было направлено только на Него. А не на остальных приговорённых. Да и царившая особая атмосфера, помогала сделать вывод, что именно Он, Человек на центральном кресте, здесь главный персонаж. Кассиус всегда верил в своих языческих идолов, которых было много и всегда к любой вере и к своим божкам, относился легко и непринуждённо. Относился к ним без должного страха и все ритуалы совершал чисто формально, потому что так делали все, и он был этому научен. Все эти боги для него были лишь каменными или деревянными истуканами, или статуями, которые не могли ничего для него сделать. Но всё же в сердце был какой-то неведомый им страх перед Неизвестным Богом. Перед неизвестной ему Силой, что управляла на этой земле и Которой он в своём сердце лично поклонялся. Перед сражением или же во время битвы, Кассиус всегда

призывал Того, Кто сможет помочь выиграть и остаться живым, а он и не мог знать, что Тот, Которого он всегда призывал существовал. И поэтому Кассиус с небольшим страхом и непониманием смотрел на Царя, он всегда принимал так, что-то новое, что приходилось ему видеть и слышать лично. Многие из народа, что стояли за периметром охраны, обращались к Висевшему, со словами: «Господи, Сын Божий!! Спаси Себя, сойди с креста! Докажи нам, что Ты Тот о Котором говорил всегда нам...». Разные слова и разные обращения и различная интонация в голосе, слышалась со всех сторон, всё это смешалось в голове у Кассиуса и ему, это было всё непонятно и от этого какая-то тяжесть была в его душе. Что-то мучало его и давило на него, и он всё не как не мог понять, зачем и для чего убивают этого Человека? Но он всего лишь был солдат, который всегда должен выполнять приказ, за неподчинение которого, ему грозила смертная казнь. Сам он был из простой семьи и нищета всегда царствовала в его семье, потому он и пошёл на службу в легион, чтобы, во-первых, прокормить и себя, а во-вторых и свою семью. И потому слёзы простого народа, что он видел собственными глазами, отражались и на нём, вернее на его душе, он имел глаза и имел своё собственное мнение, которое не во вред его жизни, могло и не подчиняться закону. Он видел то, что не могли видеть другие легионеры, это слёзы простого народа, что любил своего Учителя и Царя. Кассиусу был близок бедный народ и всегда понятен, и никогда он не обижал бедняка, хорошо помня откуда он сам и как он жил до этого. Бедность во всех странах одинакова и имеет один и тот же запах и цвет. Народ, в основном женщины протягивали руки к Царю Иудейскому, как гласила табличка, написанная на трёх языках, которую он сам лично и прибывал над Его головой, со слезами на глазах кричали: «Господи! Господи...». Но Тот молчал и не реагировал на эти крики, Он был в Себе и поглощён в Свои собственные мысли. А первосвященники в ярости плевали на землю, они всё никак не могли угомониться и топтали ногами, потрясая своими руками, а народ кричал и вопил, не отходя от креста где и висел их Царь...

Завершался третий час казни, а Кассиус уже устал и думал о том, как бы ему сейчас выпить холодного вина. Горло пересохло и першило от выли, поднятой множеством ног. Солнце пекло и пот стекал под броню и сам он был весь покрыт пылью. Усталость, зной и многоголосый гул невольно возвратил его в это раннее прохладное утро. Он отчётливо вспомнил, как избивали этого Царя, вспомнил лица центурионов, избивавших Его римскими бичами. Их лица были перекошены от злости и сами они скорее напоминали диких зверей, чем людей. Он ощущал исходившую от них волну ненависти, что Кассиусу показалось, что в них как будто вселился бес. Он никогда не видел их до этого случая такими и ему было неприятно, от чего и испытывал тяжесть в своей душе, словно он уже что-то похожее, где-то уже видел. Центурионы громко кричали, считая каждый свой удар, а в перерывах, каждый их них утверждал, что именно, он заставит Иудейского Царя кричать и просить о пощаде. Но Тот, прикованный к кольцу, торчащему из большого куска песчаника, где всегда наказывали провинившихся, только издавал стон на каждый удар. Всё Его тело было сплошным куском окровавленного мяса.

Кровь брызгами летела из разорванной плоти железными крючками, привязанные к этим плетям. Весь камень был залит кровью, которая ручьём лилась из рассеченного тела Назарянина и под Ним, уже образовалась большая красная лужа. Но Он всё ещё стоял на ногах и лишь руками, прикованными к железному кольцу, упирался в каменную глыбу. Ни одного вопля не слетало с его губ, ни одного слова проклятья к бьющим, этот Человек не произносил. Он терпеливо молчал, снося удары и только голова Его всё ниже и ниже опускалась от боли, что была во всём Его теле. И уже в конце, под градом ударов Человек упал, потеряв сознание, пока не вышел тысяченачальник Вест, что громким криком остановил избиение, сказав:

- Вам говорили только наказать, но не убивать, остолопы!

После этой процедуры, избитый и полуживой Царь, еле переставляя Свои ноги, нёс на Себе свой же крест, на котором и должен был сейчас умереть. Крест был тяжёл, и он с трудом тащил его на Своих иссеченных плечах. Несколько раз падал на пути к месту казни находящийся за городом. Пока на одной из узких улочек Иерусалима, Он не упал совсем, обессилевший от потери крови, боли, усталости и тяжести креста. Голова Назарянина, обвитая ливанским терновником в виде венца, безвольно, под тяжестью креста вдавилась в песок находившийся под Ним. И острые шипы терновника мгновенно впились в голову, от чего тоненькие струйки крови потекли по лицу, шее и спадали на землю. Всё это не ускользнуло от взгляда Кассиуса, сопровождавшего Царя, вместе с другими легионерами. Лежащего на земле снова стали избивать плетьюми, заставляя подняться, но всё было тщетно. Силы вконец оставили Назарянина, и он так и лежал, придавленный крестом, не обращая никакого внимания на удары. Пока сотник Лонгин руководивший казнью вернулся и остановил избиение. И по его же приказу, крест возложили на стоящего по близости рослого иудея. И уже на холме Он снова упал и воины, кто пинком, кто тупым концом копья, а кто плетьюми подталкивал Его к лежащему на земле кресту, чтобы быть на нём распятым. Кассиус не принимал в этом участие у него не было жалости к этому Человеку, но сердце испытывало непривычную тяжесть и грусть. И именно тогда, когда забивали гвозди в руки и ноги Царя, у Кассиуса перевернулось всё внутри, когда он услышал, как окровавленный Человек, тихо произнёс, по-арамейски:

- Адонай! Прости им, ибо не знают, что творят!!

Кассиус немного понимавший этот язык, от удивления отпустил руку лежащего и сказавшего эти слова Человека. Он держал его руку на поперечном бруске, когда другой воин, старался вбить гвоздь в запястье. Сидевший напротив легионер, державший молоток и гвозди, что-то прокричал ему, лицо воина, перекосившее от ярости, разбрызгивая слюну вновь и вновь кричало Кассиусу. Но он ничего не слышал, всё его внимание было обращено на лицо Человека, сказавшего эти слова. Кассиуса грубо оттолкнули, вернее отбросили, чтобы не мешал проведению казни, все воины спешили побыстрее закончить это мерзкое мероприятие. Кассиус оглушённый, так ничего не сказав, просто отошёл в сторону, но по-прежнему глядел на лицо Царя. Он искал взгляда глаз Незнакомца, чтобы увидеть в них

подтверждение сказанному или же намёк на то, что он просто ослышался. Но на этом лице, сплошь в синяках и кровоподтёках, с разорванным веком и запекшейся крови, он не обнаружил ни одной гримасы, ни капли зла и ненависти к окружающим. Его лицо в ореоле тернового венка, было безмятежно и равнодушно к Себе и только губы, сжатые в одну тонкую полоску, выдавало о той боли, которую Он сейчас испытывал. «Этого не может быть?! Это же невозможно?!», - думал и говорил сам себе Кассиус, продолжая смотреть на Него. «Невозможно быть равнодушным к себе и не отомстить и жаждать своей смерти», - промелькнула внезапно мысль. «Человек... нет, простой не сможет так, как этот Человек», - это всё, что смог сказать самому себе Кассиус. Он и не заметил, как сказал эти слова в слух и проходивший мимо него легионер Максимус, озабоченно посмотрел на него. Все воины, стоявшие по близости, сгрудились и верёвками поднимали крест с прибитым на нём Царём Иудейским, чтобы установить. «Если это Царь, то почему народ позволил, чтобы Его отдали на смерть?», - снова подумал Кассиус и озабоченно посмотрел на толпу. Стоящие люди, которых сдерживали воины, кричали и размахивали кулаками, чуть дальше он увидел головы женщин в чёрных накидках и плачущих. «Нет, это не Царь, но Кто же Он тогда?!», - всё также напряжённо думал воин, осматривая всё происходящее и впервые не понимавший, что он здесь делает и зачем? Когда все кресты были поставлены, на холме стало чуть меньше народа и больше места. Лишние воины ушли, остальные охраняли распявших, не подпуская народ к ним. Трое приговорённых висели бок о бок, их кресты почти соприкасались. Но крест Назарянина был чуть выше и мощнее и даже казалось, что Он возвышается над землёй. Кассиус обратил внимание, что два разбойника, висевшие по разным сторонам от Царя, по-разному вели себя с Ним. Один что-то кричал в истерике нехорошее, это было видно по выражению его лица, а другой, наоборот, лишь покачивал головой, тихо говорил и смотрел на Назарянина, как будто, в свою очередь, что-то ожидал от Него. Всё это отпечаталось в памяти Кассиуса, чтобы потом стать подтверждением...

Кассиус стоял в оцеплении, особо яркие эпизоды, отпечатавшиеся в его сознании, чередой прошли перед его глазами. Он как будто отключился от всего на какое-то время и не видел, и не слышал, что происходит вокруг него. Он отсутствовал, а сейчас вернулся чтобы участвовать в том, что было предрешиено от начала.

Вдруг, к Кассиусу подошли женщина в чёрных одеждах, протиснувшись сквозь людей. И он чисто механически, машинально преградил ей путь, своим копьём. Но увидев, её залитое слезами лицо женщины средних лет, красные глаза от слёз и боли, устремлённые туда, вверх, где сейчас находился Тот, Который возможно и является её Сыном, отвёл копьё в сторону, давая ей возможность пройти. Вместе с ней прошли ещё несколько человек, но Кассиус не обратил на них внимания. Он смотрел на эту женщину, полуобернувшись и что-то давно забытое, напомнила ему эту женщина, её боль и слёзы. Он смотрел ей в спину и видел, как она подошла к кресту, где висел Царь Иудейский и обхватив ноги распятого,

стала горько рыдать. А рядом встали две молодые еврейки и совсем ещё молодой, больше похожий на юношу, мужчина-еврей. Молодые еврейки тоже плакали и все вместе они смотрели на распятого Царя. Воспоминание, которое навеяла ему эта женщина, на миг озарила память Кассиуса. И он вернулся в своей памяти, в своё далёкое детство, в то время, которое совсем стёрлось в его мозгу. Слезы этой женщины, напомнили Кассиусу, слёзы его матери, также горько плакавшей, припав к телу своего мёртвого мужа и его отца, когда за неуплату долгов, он был избит плетьюми. И во время избияния, его отец, тяжело болевший, умер от сердечного удара, оставив их одних. Эта трагедия толкнула его к тому, чтобы он стал солдатом, неся смерть и страх всем, кто стоял на его пути. От этих воспоминаний его веки набрякли влагой и он, ладонью вытер своё лицо и слёзы, проступившие на его глазах.

...Но вдруг, произошло нечто, от чего на холме возникла зловещая пауза тишины. Солнечный день, сменился мгновенно тьмой, кромка света уходила всё дальше и дальше к невидимому горизонту, пока совсем не исчезла. Наступила самая настоящая звёздная ночь, посреди белого дня. Все люди подняв голову посмотрели на небо. Солнце растворилось в темноте и ночные звёзды мерцали на небосклоне и резкий, пронзительный ветер, начал сметать песок и пыль. Зловещая тишина сразу же, сменилась ужасным воплем и криком людей, и рёвом ослов, на которых сидели первосвященники. И тут же все люди, стоявшие на холме и на склонах, поспешно кинулись бежать в город. Бежавшие люди в страхе и трепете закрывали свои головы руками, многие из них причитали, что их сейчас постигнет кара Божия, в наказание за Его Сына, распятого на кресте. Римские воины охранявшие кресты, также были напуганы наступившим затмением и многие из них бросив свои копья, смешались с бегущей толпой, ища укрытия за стенами города. У крестов остались лишь центурион Лонгин, легионер Кассиус и ещё несколько воинов, в ужасе поглядывающих друг на друга. Но они не убежали, неведомая им сила удерживала их, чтобы они стали свидетелями новой жизни обещанной Богом. Стоявшие у креста Царя, еврейские женщины и юноша, тоже смотрели на небо, но на их лицах не было страха, словно они были готовы к этому и как будто знали, что это должно было случиться. И только мать продолжала рыдать и гладить ноги своего распятого Сына. Темнота не проходила и ветер усиливаясь, нагонял страх в Кассиуса, подошедшего совсем близко к кресту Назарянина. И вдруг Тот, совершенно отчётливо произнёс: «Жажду!». Из сострадания, в первую очередь к Его матери, стоявший у креста Кассиус, взял губку, лежащую у сосудов с вином, которое специально было разведено миррисом. Намочив губку, он наколол её на острие своего копья и стал тянуться, стараясь как можно ближе поднести губку к губам страждущего. Но Тот не видел, ни этой губки, ни стараний римского воина, Его глаза уже были закрыты. А когда же Кассиус коснулся Его губ, Он, едва прикоснувшись к намоченной губке, тут же оттолкнул её, как совершенно бесполезную для Себя вещь. Кассиус опустил копьё и продолжал смотреть вопросительно, то на Него, то на Его мать. Рядом же с ним находился Лонгин, на лице которого отразилось душевное переживание и борьба, и воин Максимус, державший в своих

руках хитон этого Человека. Ветер буквально валил с ног стоявших, забрасывая их песком, от чего люди держались друг за друга, чтобы не упасть. События происшедшие за последние часы, сильно подействовали на всех римских воинов, превратив их в тихих и испуганных людей. Они уже не походили на тех грозных воинов, которые буквально несколько часов назад издевались над Человеком, у чьих ног они сейчас и стояли. Страх пребывал в их глазах, страх сковал их сердца, видя невероятные события, разворачивающиеся перед их глазами. И этот же самый страх заставлял их поверить в силу и могущество этого Царя, Который возможно и не Царь вообще, а Сын Божий! Висевшие разбойники тоже притихли, либо устав сопротивляться своей смерти, либо также были поражены происходящим. Назарянин же, приподняв Свою голову и взглянув на находившихся у Его ног людей, вдруг совершенно ясными глазами, искрящимися от радости, громко произнёс: «Свершилось!!!». И тут же Его голова завалилась вбок, а затем упала на грудь, свидетельствуя о Его смерти. И как только эти люди поняли. Что он умер, раздался страшный треск и грохот на небесах. Земля задрожала под их ногами, да так, что совершенно испуганный Максимус, упал на колени и выронил хитон, а у Кассиуса из рук выпало копьё. Холм, на котором находилась небольшая горстка людей, задрожал и земля стала проседать и осыпаться. Трещины изрезали всю возвышенность холма вдоль и поперёк и дорогу, ведущую к городу, говоря о том, что произошло землетрясение. И мгновенно всё смолкло, сразу же, во всех местах и тишина навалилась на людей. Вслед за этим темнота, стала отступать и яркое солнце блеснув, ослепило всех, осияв терновый венец Царя, радугой, внезапно появившейся на небе. Центурион Лонгин потрясённый увиденным, уверенно воскликнул: «Действительно, это Сын Божий!». Так они стояли и смотрели на умершего Сына Божьего, женщины, сотник признавший в Нём Бога и воины, согласные со своим командиром.

Пришедшая из Иерусалима когорта легионеров во главе с первосвященником принесли приказ Понтия Пилата, перебить голени у висящих, умертвив их таким образом и снять с креста и предать земле. Так как наступала Суббота, самый великий день у иудеев, называвшейся Пасхой Иудейской. Центурион Лонгин, никак не отреагировал на эти слова и всё стоял и смотрел на распятого и умершего Сына Божьего. По его лицу текли скупые мужские слёзы, оставляя отчётливые следы на грязном от пыли лице. Один из легионеров взял валявшийся на земле молоток, сначала у одного разбойника разбил голени и тот, вскрикнув, тут же провис на руках и умер от удушья. Этой же участи подвергся и другой разбойник-еврей, они умерли достаточно быстро от нехватки воздуха. И подойдя к центральному кресту, на котором висел Иисус, крикнул: «Этот уже мёртв!». Пришедший из Иерусалима центурион приказал Кассиусу, стоящему рядом у креста, проткнуть на всякий случай сердце распятого Царя. И Кассиус подняв своё упавшее копьё и подойдя ближе к умершему Иисусу, вонзил его под рёбра, протыкая сердце снизу-вверх. И резко выдернув копьё не успел отойти в сторону, как брызнувшая кровь из раны, словно под напором, окропила Кассиуса. Капли крови попали на его лицо, руки, одежду и его, как будто бы

обожгло сотнями раскалённых игл и мгновенно парализовало. И копьё ставшее таким вдруг тяжёлым, опять выпало из его скрюченных пальцев. Непроизвольно его ноги сами собой подогнулись, и он буквально упал перед самым крестом, на котором и висел распятый ими Сын Божий. Только теперь и только сейчас, он понял, что они совершили. Эта мысль взорвалась в его голове на множество ярчайших огней, ослепив Кассиуса и перекрыв ему дыхание. Эти огоньки освятил все эпизоды, которые были связаны с Царём, до момента Его казни и после, подтверждающие, что на кресте действительно умер Сын Божий. Он судорожно открыл свой рот, но никак не мог вдохнуть глоток живительного воздуха в свои закупоренные лёгкие. И именно сейчас он почувствовал свою трагичность и ощутил, что именно сейчас стоит перед выбором. «Мы убили Сына, Бога-а-а!», - кричала каждая клеточка в его мозгу, начинавшийся уже затуманиваться от нехватки кислорода. Кассиус задыхался и никак не мог протолкнуть воздушную пробку, чтобы вздохнуть. Словно во сне медленно потекли у него перед глазами далёкие картины его детства. Плачущая мать над телом отца, он маленький и сжимавший свои кулачки, свой первый бой и Иерусалим. Сына Божьего несшего на Себе свой собственный крест. Начало казни, где сам Сын Божий вползал на свой же крест, чтобы подставить своё тело под гвозди и умереть, и Его слова: «Адонай, прости им, ибо не знают, что делают!».

- Прости и меня, Адонай, прости за Сына Твоего, - зашептал губами Кассиус, падая лицом вниз у креста, - прости меня, я не знал, что это Твой Сын, Твой Сын, Твой сын, Твой Сын, - шептал он, лежа на собственном копье, обагрённый кровью Сына Божьего. И что-то лёгкое, совсем невесомое коснулось его головы, и он тогда задышал, да так громко и с надрывом, вдыхая воздух в лёгкие, что они стали покалывать от нахлынувшего свежего воздуха. Никто не понял, что произошло с Кассиусом и только женщина-еврейка, мать Человека, называвшего Себя Сыном Божьим, стояла всё также рядом с Ним, обнимая ноги своего Сына, Который пришёл, чтобы выполнить волю Отца Своего Небесного и умереть за Свой народ. Умереть за каждого, кто подобно легионеру-убийце Кассиусу, возопит в своей последний надежде: «Прости меня Адонай!».

Дисмас.

- Христос Иисус пришёл в этот мир спасти грешников, из которых я первый... (1 Тим.1:15)

...Дисмас висел уже несколько часов распятым на деревянном кресте. Солнце пекло невыносимо. А люди по-прежнему всё ещё толпились там, внизу и глазели на преданных позорной казни, ожидая какого-то чуда.

Острая пронизывающая боль исходила из его рук и перекрещённых ног, пробитых гвоздями и пульсируя в висках, растекалась по всему телу, наполняя все его внутренности и препятствуя дыханию. Дисмас длительное время боролся с двояким ощущением, с одной стороны, в нём накапливалась злость и ненависть к тем, кто распял его и причинил такую нестерпимую и долгую боль. С другой стороны, где-то в глубине своей души таилось ранее никогда не испытываемое им чувство. И это же самое чувство и подтолкнуло его дух обратиться к Иегове с молитвой о прощении, потому что часы, проведённые на кресте в мучении, способствовали зарождению в нём, именно этого нового ощущения, о котором, он даже и не догадывался. Недалеко от него висел соучастник их преступлений Гестас, который во всеуслышание изрыгал проклятья на всех, кто окружал или проходил мимо него. Но чаще всего, его искажённое злобой и ненавистью лицо, было обращено к центральному кресту, на котором висел Равви. Крест, на котором висел распятый Иисус, был установлен между двумя разбойниками – Гестасом и Дисмасом – как бы разделяя двух совершенно разных людей, один тихий и покорный, а другой, изрыгающий проклятья на всех. И всё чаще и чаще, его проклятья и ненависть были направлены на Него, Который висел совершенно спокойно и лишь только кровь стекала с его израненного и искалеченного тела. Глаза Его были полузакрыты и губы что-то постоянно шептали, словно Он вёл с кем-то Свой немой диалог и, казалось бы, что Он совершенно не обращает внимания на беснующего Гестаса. И когда Дисмас уловил, что с Гестасом происходит что-то неладное, вдруг, что-то сжало его сердце. Это и было то новое чувство, которое зародившись в глубине его души, подкатило к самому сердцу и стало рваться наружу. И Дисмас повернув голову в сторону Иисуса, так называли этого Равви, плачущие женщины, стоявшие невдалеке от Его креста. И повернув голову, насколько ему это позволяла боль в пробитых запястьях, и он стал всматриваться в Его лицо. А Тот по-прежнему хранил полное молчание. Время от времени, кто ни будь из легионеров, подходил к висающим на крестах и протягивал наколотую на копьё губку, намоченную в вине, разбавленное уксусом. Гестас жадно всасывался в поданную ему анестезию, наверно старался как можно больше втянуть в себя испорченное вино. И тут же, его лицо перекосило гримасой ненависти и он, разбрызгивая проклятья словно слюной, опять злословил висящего рядом Назарянина. Подошедший центурион, протянул и Иисусу губку, которая только что побывала во рту злословящего Гестаса. Но Он лишь оттолкнул Своей головой этот искусственный глоток, притупляющий мучения. Этот поступок заставил и Дисмаса отказаться от живительной губки и ещё более внимательней всмотреться в лицо Равви, Который, как он слышал, творил великие чудеса. И Дисмас не одурманенный кислым вином, вдруг вспомнил, о чём говорила вся Иудея и Иерусалим, как этот Иисус воскресил умершего Лазаря и ещё кого-то, и что Он даже называл Себя, Сыном живого Бога. Из уст Дисмаса уже была готова сорваться молитва,

после долгих часов мучения, когда боль скручивала так, что он задыхался и хотел только быстрой для себя смерти. Но эти мысли о висящем рядом с ним Сыне Божьем, вернули его к реальности и он, даже на некоторое время почувствовал притупление боли и смог немного подтянуться на прибитых ступнях, чтобы глотнуть живительного воздуха. Но раскалённый от жары и пыли, воздух практически не ощущался, и жажда сушило и драло горло, а с распятых тел, вместе с кровью обильно струился пот.

И вдруг, Дисмас услышал слова, которые заставили его забыть обо всём и даже о своей боли, разрывающей всё его тело. Он не сразу понял о чём он говорил, вернее не расслышал всех слов, но по смыслу догадался, что этот Человек молится о Своих мучителях и просит Бога Отца не вменять им это в преступление. Это сделанное открытие очень поразило его, способного ещё думать и размышлять, не смотря на ужасные боли и не хватку воздуха. «Как же Он может так говорить, ведь Он же ничего плохого не сделал в отличии от нас, что же это за Человек, какая же сила двигает Им, откуда же у Него такая сила духа?» - все эти мысли пролетели в мозгу Дисмаса, уже притупленном от боли, жары и злости, которая накапливалась и также стремилась вырваться наружу. И именно с этого момента он стал совершенно по-другому смотреть и думать об этом Человеке, на Царя Иудейского, как было написано на Его табличке, что висела над головой. После такого внимательного наблюдения, он вдруг начал понимать, вернее ему стала открываться одна простая истина, что Он действительно мог кого-то воскрешать и что Он и есть Мессия, которого ждал весь Израиль. Гестас снова нарушил, гробовую тишину, что висела над распятыми, он, повернув голову к Иисусу, опять начал Его злословить:

- Если Ты Христос, спаси нас и Себя, сойди с креста и восстанови справедливость.

Но Христос, так ничего ему и не сказал, а продолжал шептать Свою тихую молитву, как будто для Него этого Гестаса и вообще не существовало. И тогда уже Дисмас не вытерпел оскорблений своего подельника и громко, в вызывающей форме прикрикнул на него:

- Помолчи! Побойся Бога, этот Человек ничего плохого не сделал, в отличии от нас, но вместе с нами осуждён на позорную смерть. Он людей воскрешал, это и есть действительно Христос, Сын Бога!!, - эти сорвавшиеся с губ слова Дисмаса, заставили замолкнуть навсегда Гестаса. Дух злобы его уже не беспокоил, потому что этим Христа было невозможно сломить. После сказанных слов, глаза у Дисмаса заволокло слезами, не от боли, а от желания излить своё покаяние и исповедать свои грехи, он, глядя на лицо Христа Иисуса, обратился к Нему со словами смирения и скорби:

- Помяни меня Господи, когда придёшь в Царствие Твоё!

Это был крик израненной души, много лет пребывающей во-тме неверия и под грузом нераскаянных грехов. И полились слёзы из его глаз, подобно прорвавшейся плотине, которая сдерживала это желание, что родилось внутри, после страданий, после смирения, после признания себя грешником, а висящего рядом Иисуса, Христом и Господом. И Иисус

ответил ему, не отталкивая преступника и не отворачиваясь от него, не забывая для чего Он здесь и для чего Он здесь, сказал:

- Истинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю, - и, улыбнувшись на мгновение Дисмасу, вновь закрыл Свои глаза и снова продолжил шептать, ведя невидимую для Его окружения брань.

...Ободренный Дисмас как бы воспрял духом, слова Христа вселили в него определённую надежду, он вдруг испытал внутри себя лёгкость и не бывалую до этого радость, с которой ему хотелось бы поделиться. Бог Иегова услышал его, молитву преступника, ставшего в одночасье прощённым, его простил сам Христос, умиравший вместе с ним на позорном кресте. Этот кратковременный прилив душевных сил, ещё позволил Дисмасу помолиться и поблагодарить Бога, что только теперь в конце своего жизненного пути, он сумел увидеть и разглядеть Господа Христа, Который не отверг его просьбу о помощи. И теперь у него не было страха перед надвигающей смертью и его уже не тяготил могильный мрак, державший их всех за ноги. Потому что сам Христос обещал ему и он, даже ни одной секунды не сомневался в сказанном Им. И вспомнил, что ещё в детстве слышал, что когда придёт Мессия, то принесёт надежду каждому иудею.

Вдруг, внезапно наступила темнота, сама природа как бы говорила о готовящемся главном событии. Народ с криком ужаса и страха побежал прочь с холма, где находились распятые. И остались лишь немногие и женщины, что всё также стояли у креста и плакали, но это уже Дисмас с трудом мог замечать, ему становилось труднее дышать и не было уже сил держать своё тело на прибитых ногах, жизнь капля за каплей вытекала из него, и он медленно умирал. Он уже не понимал, что происходит и где он, и что происходит рядом с ним, и на короткое мгновение пробудило его сознание, крик Христа, что висел между ними:

- Отче! В руки Твои предаю дух Мой, - сказав, Он и тут же умер.

А Дисмас, придя на некоторое время в себя, стал умолять Господа, чтобы Он немного подождет и взял его бы с Собой. Ему казалось, что он кричит, но самом-то деле он говорил в себе, так кричал его дух, желавший разрешиться с Господом и принадлежать навсегда только Ему. И уже почти теряя сознание Дисмас, представил, как Христос встретит его и он, припав к Его ногам, расскажет обо всём, что мучило его и как долго он, и трудно шёл к Нему, к Тому, Кто давал освобождение и прощение и жизнь. Дисмас шептал в себе, все эти слова уходящей молитвы и всё ниже и ниже прогибаясь под собственным весом на прибитых руках, он хотел, он жаждал умереть, чтобы прийти к своему Христу. И находясь полубессознательном состоянии, он не видел, как подошедший к нему римский воин, приготовил орудие казни, чтобы прекратить его мучения и отправить туда, где его уже ждут. И воин перебил ему голени и он, в последний раз вдохнув глоток воздуха, провис на своих руках. Эта мгновенная боль в перебитых ногах, взорвалась вспышкой яркого белого света перед глазами раскаявшегося разбойника, и она осветила длинную дорогу, в конце которой и стоял улыбающийся Христос, и, обращаясь к нему, говорил:

- Ныне же будешь со Мною в раю!

И воскликнув, - Господи, я иду к Тебе, - вздрогнул, как бы освобождаясь от земного груза, Дисмас затих. И голова его тихо завалилась на уже мёртвую грудь и лишь улыбка на его губах говорила о том, что этот человек, наконец-то испытал в конце своей жизни счастье.

Эпилог.

- Се, грядущи скоро, и возмездие Моё со Мною, чтобы воздать каждому по делам его (Откр. 20:12)

...Голгофа. Название этого холма стало достоянием для всего человечества. Нет почти ни одного человека в мире, кто бы не слышал или же не читал бы, что это и есть, то самое место, холм, где и умер Спаситель всего мира. Умер человек Иисус и воскрес Господь Христос! Голгофа или Лобное место, как переводится с еврейского название этого холма, по своим

очертаниям, напоминала гигантский череп, на котором и возвышался Крест нашего Господа. Очертание черепа, как напоминание о смерти и могильном холоде и тьме и очертание креста, как указывающий перст на небо, к жизни вечной и свету! Два образа имеющей место в жизни каждого человека, два напоминания о том, что должно произойти вскоре с человеком, два пути с разными исходами.

Голгофа – это место смерти и жизни, страха и радости, ада и рая. Это место сокрушения и обретения надежд, отвержения и принятия Господа. О своей крестной смерти говорил Иисус Христос Своим ученикам, Он предсказал Своё вознесение на древе над землёй, для народа Израиля. Давая понять, что Он знал будущее и предсказал то, что должно вскоре произойти, тем самым открывая, что от Него не скрыто будущее. Он есть Бог, Который пришёл, чтобы умереть достойно Его высокого звания.

- И когда Я вознесён буду от земли, всех привлеку к Себе, - доносит до нас Евангелие от Иоанна, слова Иисуса, обращённые через апостола ко всему миру. И крест Иисуса возвышаясь на Лобном месте и служат конечным путём, для каждой души, страстно ищущей Бога и началом для пути в вечность. Именно Голгофа и есть, то самое место, которое избрал Бог, чтобы стать и послужить отправной точкой в небесную страну. Поэтому все пути мира, все христианские конфессии ведут к Голгофе, ведут к Господу Христу, Который через своё вознесение над землёй, призывает к Себе для получения небесной «благодати спасения».

Голгофа - это ответ на поиски всех религий, учений и откровений о Боге. Принимающий Голгофу, принимает умершего Христа на ней, а значит и Бога, пославшего Своего Сына единородного в умилоствление за грех. Не в Риме находится спасение, где находится резиденция Вселенской церкви, и не в Москве, называемом «вторым Римом», со своим православным укладом, а именно на Лобном месте, у ног распятого Иисуса Христа. На Голгофе где пролилась кровь Сына Человеческого, чтобы спасти мир, чтобы спасти человека от надвигающейся на него Судного дня. И каждый человек обязательно предстанет перед этим местом в своё время, а у каждого будет время на выбор и возможность для этого выбора, чтобы избрать своё будущее местонахождение. И потому, Голгофа, это место, где решилось и исполнилось всё, речённое законом по слову Божьему, это место, где одержана самая великая победа в истории человечества, над сильнейшим, имевшего в своём подчинении и услужении смерть и грех. Голгофа перечеркнула власть «князя мира сего» и разрушила его оковы греха и вырвала жало у смерти, лишив тем самым падшего ангела, орудий вечного страха, которые использовались для устрашения человечества. И на протяжении почти уже двух тысячелетий, существует видимый образ Голгофы, посредством Писания, как исторически состоявшимся событиям. В этом мире. Это было и это состоялось, и крест по-прежнему существует как значение состоявшегося факта спасения. Не в физическом мире, где время и столетия уничтожили крест и сравняли холм, но, в духовном мире, как знак того, что плата за грех уже внесена, и ни кем-нибудь, а самим Господом Христом, единственным Сыном Бога на земле.

...Не надо человеку бежать в Палестину и искать тот холм, на котором пролилась кровь безгрешного и святого Человека Христа. Не надо собирать и покупать кусочки от деревянного креста, на котором, якобы и был распят наш Господь. Это всё бессмысленный фетиш для идолопоклонства, который не приводит к спасению и приобретению милости у Бога. Божественный акт самопожертвования состоялся, аутодафе римского периода прошло, невинная и святая кровь излилась, и Великая Жертва была принесена в осуждение за грех. Двери небесной благодати открыты и всё ещё не закрывались, оставаясь «узким и тернистым путём» для ожившей и воскресшей души, в поисках своего рая. И Голгофа служит маяком, что освящает путь к небесам, а Христос, Духом Утешителем сопровождает к небесным обителям, ожидающих своих вечных постояльцев. И потому Голгофа для каждого человека, это и есть то место, где он сейчас находится и живёт, и где он взывает, и ищет своего Спасителя. Дух Утешитель и истины находится везде и всюду, и слышит каждый крик прозревшей души, желающей прийти к свету и припасть к истинному Источнику любви, жизни и мира. Любой призыв будет услышан, будь то «варвар» или «эллин», или же «иудей», для всех найдётся время и место, всем будет указан путь к Отцу Небесному. И Дух поведёт каждого, кто увидел Голгофу Христа духовными очами веры и смирил свою гордыню, преклонив колени перед Его крестом и призвал Спасителя в свою жизнь.

Голгофа – это место выбора, где ты, либо смиряешься и бьёшь себя в грудь, признавая, что ты грешник и нуждаешься в спасении, либо смеёшься и плюёшь на крест Христа, обильно политый кровью за грехи всего человечества и отказываешься от Бога. Голгофа до сих пор остаётся местом сражения за каждую человеческую душу с легионами «тьмы и греха», покусившихся на власть и славу, принадлежащую только господу Богу. Мир разделился на две половины и крест Голгофы служит как бы «38 параллелью», разделяя добро и зло, жизнь и смерть. Мир разделился на две армии, на лагерь «света и мира» и лагерь «тьмы и греха» и голгофа Христа стоит как раз посередине. Означая для одних, залог спасения и надежды, для других же, вечное осуждение и наказание. И этот крест не пошатнётся и не рухнет, как Родосский маяк или золотой истукан на глиняных ногах. Он поставлен Богом и не сокрушим как Божий указывающий перст, напоминая постоянно о том, что плата за грех уже давно принята. Это подтверждение миру, что план спасения совершился и смерть, навсегда побеждена воскресением Христа. И кто видит его и слышит с креста призыв Христа, через Утешителя и Его свидетелей, получит жизнь и на суд не придёт, но перешёл от смерти в жизнь. Голгофа будет стоять непоколебимо до того самого часа, когда Христос сойдёт во-второй раз, чтобы забрать свою Невесту-Церковь. И только тогда отпадёт уже надобность в Голгофе, ибо наступит время Суда, определённое и утверждённое самим Создателем вселенной...

Голгофа – это боль и в тоже время радость, потому что смерть Иисуса, обернулась для людей великой благодатью и вечным даром Бога для тех, кто поверил Христу и пришёл к своему Лобному месту. Пришёл, чтобы распять

свой грех, своё неверие, свою гордыню на кресте с Иисусом и засвидетельствовать в открытую всему миру, что пришёл к Богу, чтобы обрести прощение в Его глазах и получить спасение из рук Христа. И всякий, кто не повстречается со Христом, не будет отторгнут, но спасётся. Для этого и пришёл Он, Спаситель, умерший однажды и для греха. Все, кто встретились с Ним на его дороге, получили исцеление и обрели жизнь. Все, кто узнал Его в кровавом венце, тянущего свой крест, получили прощение и приняты им в Его Царство. Все, кто в последний момент, услышал Его слово, - Отче! Прости им..., - имеют оправдание через кровь Его. Все, кто пришёл к Голгофе и пали на колени с просьбой о милости, уже приняты в число избранных и приглашённых на Его брачный пир. Все они – счастливики, потому что вознаграждены Богом через Иисуса Христа.

...И теперь, слово остаётся за тобой дорогой мой читатель! За тобой остаётся выбор и признание, которого так ждёт Господь от тебя! Если же ещё ты не сделал своё выбор в земной жизни, если ты ещё не пришёл к Голгофе, поспеши это сделать сейчас, не откладывая на завтра. Возможно, завтра для многих, может никогда и не наступит. Вот поэтому и поспеши воззвать к Господу, чтобы получить в дар оправдание и увидеть дорогу, ведущую тебя от Голгофы в небесный рай.

Дорогой мой читатель, не откладывай спасение твоей собственной души. Никто кроме тебя, не в состоянии сделать это за тебя! Эта книга и написана, чтобы ты, читатель понял, что каждый человек в способен сделать свой сознательный выбор и впустить в своё сердце Дух Иисуса Христа, Который и откроет в нём, небесный мир и поведёт в царство Живого и Вечного Бога. Только Христос спасёт вас и избавит от вечных мук и наказания. И Его Голгофа ждёт вас и кровь Его, всё ещё пребывает на кресте, как призыв к спасению. Испытайте то, что даётся один только раз и не отказывайтесь от того, что потом невозможно найти! Каждому воздастся по заслугам и по его личному выбору, осуществлённым в процессе всей земной жизни.

...И потому, читатель подумай о том, а с кем – ты и ты- где?

Декабрь 2004год.

Голгофа.

**Когда глаза закрою – вижу гору,
И три креста, белеющих вдали.
На фоне серых туч, гонимых ветром,
Они напоминают корабли.
Один «корабль» в кромешную тьму канет,
Там, где гордыня будет до конца:**

**«Спаси себя и нас, если Господь – Ты»,
Прошепчут горделивые уста.
Другой сказал; «За дело мы страдаем,
А Он безгрешен, нет на Нём вины,
Ты помяни меня в Небесном Царстве,
Я виноват, Господь, за всё прости»
Его «корабль» за «Кораблём» Иисуса,
Последовал в жизнь вечную навек.
Так оправдался Кровью той священной,
Раскаянием спасённый человек.**

С, Воложанин.